



ЖЕЛЕЗНОЕ
СЕРДЦЕ
БЕК МАКМАСТЕР

Кому же доверять? Здоровяк Уилл Карвер прослыл в народе непредсказуемой и опасной натурой. А в кругах, не привыкших к изысканным выражениям, его звали просто Зверем. И как бы Уилл ни старался задавить свою волчью сущность, некоторым удавалось заставить его потерять самообладание. И список таких личностей возглавляла дерзкая мисс Лена Тодд. Лена — ловкая шпионка, успешно работающая против правящих голубокровных Эшелона. Никто не подозревает, что под личиной легкомысленной дебютантки скрывается железное сердце. Даже беспощадный Уилл Карвер. Единственный мужчина, которого Лене не под силу обвести вокруг пальца, и чей поцелуй она не может забыть. Уилл обязан ее защищать, но, вполне возможно, представляет для нее наибольшую опасность...

Глава 1

Туман лип к Темзе, словно продажная девка к богатому клиенту. Тут и там сияли газовые фонари, мигая, точно блуждающие огоньки в густом как гороховый суп тумане. В такую ночь потеряться — проще простого.

После долгого бега по крышам и фронтонам Уилл Карвер перемахнул через переулок и остановился у дымохода возле Брикбенка.

Рядом на кровлю легко приземлился Блейд — в черной коже с головы до ног, с парой лезвий, заткнутых за пояс.

— Проклятье! Ты че, решил мя до смерти загнать? — пробормотал он, отдуваясь.

В ночной тишине даже шепот разносился далеко. Уилл раздраженно зыркнул на господина.

— Они нас не ждут, хвостун. — Блейд выпрямился и уставился на столб дыма впереди. — Не с таким пожарищем, да и твоего слуха у них нету.

Красная колонна сияла в ночном небе, едва приглушенная туманом. С каждым вдохом Уилл чувствовал на языке вкус пепла. Впереди массивные кирпичные ворота и стена заслоняли путь в город. Группа металлогвардейцев прогуливалась неподалеку. Газовый свет отражался от блестящих стальных пластин на их груди. С огнеметами вместо левых рук они выглядели достаточно грозно, чтобы отпугивать толпу. Однако были машинами, а не людьми.

Уилл уже давно выяснил, что эти стражники никогда не смотрят вверх.

— Перемахнем?

— Мя помиловали, — заметил Блейд. — Могу хоть напрямиком в ворота переть, они и не пикнут. — Судя по дьявольскому огню в глазах, ему очень хотелось попробовать. Блейда хлебом не корми, дай утереть нос голубокровным, правящим в городе.

— Ага, ну а нам не так повезло, — напомнил Уилл. — За мою голову цену не отменяли.

Блейд вздохнул, глядя на большое здание:

— Тада придется перемахивать.

— От ты обленился.

— Да лучше б дома остался, сидел бы щас с сигарой и стаканчиком доброго бладвейна.

Вообще-то, не совсем так. Кабы не пожар, Блейд лежал бы в постели с женой Онорией.

Уилл отошел на несколько шагов. Его домой не тянуло. Арендуемая квартирка была холодной и неудобной. Не к чему там возвращаться.

Он в один прыжок оказался на крыше у ворот, а затем, разбежавшись, перелетел через стену еще до того, как охранник наверху успел потушить спичку. Люди иногда видят не больше машин.

Уилл легко пробирался в ночи. Туман расступался перед ним и смыкался за спиной, шаги тихим эхом отдавались на крыше, но вервувльфен двигался слишком быстро, чтобы кто-то его заметил.

Тут, в городе, улицы были пошире, здания не теснились, как в трущобах Уайтчепела, который Уилл считал своим домом. Прыгая с крыши на крышу, он чувствовал, как от волнения бурлит кровь. Слишком долго просидел в четырех стенах, прогулка была нужна как воздух.

Послышались крики людей, пытающихся выстроить в ряд водяные насосы. Всюду

мельтешили хлопья пепла — много хлопьев, так и задохнуться недолго. Уилл остановился за углом дымохода.

Казалось, мир впереди полностью объят огнем. Огромные языки пламени лизали небеса, а над рекой висел густой черный покров дыма. Люди возились с насосами, отчаянно пытаясь не дать пожару распространиться дальше.

— Бож! — проворчал Блейд и встал на колени рядом с Уиллом.

— Сливзаводы. Кто-то запалил сливзаводы.

Невероятно. Фабриками у реки управлял Эшелон, там собирали и хранили кровавую дань. Для них это серьезный удар.

Блейд прищурился и раздул ноздри:

— Пора сваливать, ловкач. Скоро тут будет не продохнуть от металлогвардейцев.

Уилл отступил на шаг, понимая, о чем господин промолчал: они оба идеально подойдут на роль козлов отпущения. Большая часть аристократов уже три года пребывала в ярости из-за прощения королевы и дарованного Блейду рыцарства. А Уилл в их глазах — обыкновенный раб без ошейника.

Раздался звон металла, топот железных ног по булыжникам. Судя по всему, минимум легион металлогвардейцев.

— Валим! — рявкнул Уилл, толкая Блейда в спину.

Того уговаривать не пришлось. В лунном свете, пробившемся сквозь тучи, он вскарабкался по черепице. Несколько лет назад его волосы светились бы как маяк, а теперь потемнели до светло-каштановых, и кожа больше не была бледной точно мрамор.

Уилл вприпрыжку следовал за ним по пятам, прислушиваясь к звукам позади. Они увидели то, за чем пришли. Несомненно, к утру весть о пожаре разнесется по всей округе.

Тут впереди что-то мелькнуло: черный плащ всколыхнул туман. Уилл прыгнул и, сбив Блейда с ног, закрыл его своим телом.

— Уф, — прохрипел господин, поднимая голову. — Спасибо, но у мя уже есть жена...

— Заткнись!

Не давая господину встать, Уилл припал к земле, всматриваясь в туман.

Вот. Металлическое звяканье. Голоса в тени.

Судя по тому, как Блейд напрягся, он тоже их услышал.

— Не двигайся, — выдохнул Уилл ему на ухо. — Не высовывай чертову башку, а я разведу.

— Ты че, нянькой мне заделался?

Уилл раздраженно посмотрел на друга. Три года назад Блейд был опаснейшим созданием ночи, но с тех пор, как начал пить кровь Онории, изменились не только его волосы и кожа.

— Заходи слева, — наконец прошептал Уилл.

Блейда не остановить, если только не привязать ремнем к дымоходной трубе. Оба исчезли в тумане.

Голоса все удалялись. Уилл, как дух смерти, пробирался во мраке, его черное шерстяное пальто чуть собиралось на бедрах. Под него вервувльфен надел толстый кожаный сюртук со стальными вкладками и такие же наколенники. В мире, где основное оружие — заточка и тяжелый гаечный ключ, осторожность не помешает. Волчий вирус исцелял почти все, но от боли не избавлял.

Звякнул металл, кто-то выругался, а потом повисла тишина, словно незнакомцы

застыли, прислушиваясь, не привлекли ли внимание. Уилл медленно и осторожно двигался по черепице. Опустился на колени, аккуратно обползая на четвереньках дымоход. Блейда не было видно — скрываться он умел еще лучше вервульфена.

— Уронишь эту штуку, и Меркурий с тебя башку снимет, — рывкнул один из неизвестных.

Их двое. Оба в черном и крадутся как воры. Мужчина поменьше поднял нечто тяжелое — полую металлическую трубку, вроде тех, что использовали огнеметы.

— Но ведь Меркурия здесь нет, так? — спросил коротышка, взваливая оружие на плечо. — И когда он услышит, как мы ладно управились, то у нас будет вдоволь эля и девок.

— Только если Эшелон вам сперва кишки не вырвет, — любезно сообщил Блейд, появляясь из ниоткуда.

Дерьмо!

Уилл ринулся вперед, когда оба поджигателя накинулись на господина. Ссора никак не отразилась на их по-военному точных движениях. Один из них вытащил нож, а коротышка поднял огнемет. Трубка захрипела и залила ярко-оранжевым пламенем крышу и всех вокруг.

Блейд увернулся в полуприседе и сбил с ног незнакомца с ножом. Уилл схватил ствол огнемета и врезал локтем второго мужика по лицу — послышался громкий треск. Обжегшись, Уилл выронил трубу. Железка покатила к краю крыши и застряла, зацепившись за водосток.

— Мальчики, а вас тока двое? — поддразнил Блейд, даже не потрудившись вытащить нож, прогнулся назад, избегая удара клинка движением, что попирало все законы гравитации, и выпрямился.

Его противник напрягся:

— Чертовы кровопийцы!

Он нажал на что-то в кармане, и голова Уилла взорвалась болью.

Будто в мозг вонзили нож для колки льда, лишая ощущения времени, места и даже связи с телом. Уилл рухнул на черепицу и заскользил, слепо нащупывая опору.

Что-то сильно ударило его в подбородок, голова дернулась. Слышалась речь сквозь пронзительный визг, но Уилл ничего не мог ответить. Затем краем глаза заметил размытое пятно. Последовал еще один сильный удар в скулу, и горячая кровь разлилась по лицу.

Уилл зажал руками уши, падая обратно на черепицу. Что за жуткий звук! Слово лезвия впиваются в мозг.

«В... кармане. Что-то в кармане. Какая-то визжащая штука».

Стиснув зубы, он увидел, как коротышка вскидывает огнемет. Нет времени думать. Уилл ударил ногой, пытаясь попасть по колену врага.

Тот тяжело рухнул на него сверху, и оба застонали. Пульсирующий визг звучал одновременно с биением сердца. Уилл с трудом встал и поискал Блейда.

Он лежал тут же на крыше. Другой мужчина склонился над ним, и Уилл понял, что негодяй глубоко вонзил клинок в грудь Блейда, пытаясь вырезать сердце.

— Нет!

Глаза заволокла красная пелена.

На Уилла накатил обжигающий гнев. Он схватил незнакомца за воротник и отбросил в сторону. Блейд вскрикнул, сжимая рукоятку ножа, но все еще реагировал медленно, не вполне сознавая происходящее.

Этот жуткий шум.

Уилл набросился на поджигателя и рывком вывернул его карман, откуда вывалилось пульсирующее устройство. Он тут же раздробил штуку кулаком, и все стихло.

Пошатываясь, Уилл разбросал обломки. В ушах все еще звенело, но хотя бы способность думать вернулась.

«Дыши, шевелись!»

Ноздри затопил медный запах крови.

— Блейд, — пробурчал Уилл, перепрыгивая через стонущего мужчину и опускаясь на колени рядом с господином.

Тот поднял голову и тут же опустил:

— Черт... вытащи его... серебро.

— Не двигайся, — приказал Уилл.

На лбу выступил пот. Нож вошел в рану по самую рукоять. Непонятно, какой урон нанесен, и что произойдет, если вытащить клинок.

Позади поджигатели помогали друг другу подняться на ноги. Уилл покосился на них, но теперь, когда преимущество опять было на их с Блейдом стороне, ублюдки пытались убраться.

— Человек, — недоверчиво рассмеялся господин. — А я-то всегда думал, что мя кто-то из Эшелона прикончит.

— Кончай ныть. — Уилл скинул рубашку, чувствуя, как по спине струится холодный пот.

Голубокровных тяжело убить. По этой причине во время французской революции аристократов обезглавливали на гильотине. Другой способ — вырезать или серьезно ранить сердце. Уилл тяжело сглотнул и обернул своей рубашкой рану, чтобы остановить кровотечение.

— Мелкая царапина, мы тя быстро на ноги поставим.

Блейд посмотрел другу в глаза, с удивительной силой сжал его пальцы и прохрипел:

— Дай слово, что присмотришь за ней... если... если я не...

Вервильфен опустил взгляд.

— Ага, ты ж знаешь. — Он обязан Блейду жизнью, что бы сам ни думал об Онории. — Погоди, те нужна кровь.

В светлых глазах Блейда проскользнула тьма. Он повернул голову на бок и прошептал:

— Я... ничо... не чувствую.

В груди заворочалась паника.

— Тока посмей! — Уилл достал тяжелый охотничий нож и поддержал голову друга. — Давай, пей мою кровь. Она поможет.

Затем быстро полоснул по запястью и прижал его к губам Блейда.

Тот на минутку замялся, чего никогда не случалось прежде. Уилл понимал замешательство Блейда. Он перестал пить кровь своих трэлей с тех пор, как в его жизни появилась Онория. Теперь предпочитал лишь ее или холодную из ледника.

— Не глупи, она возражать не будет, — проворчал Уилл.

И снова в глазах Блейда пронеслась тьма. У Уилла екнуло сердце, но не от страха, боги, нет! По жилам огнем разлилось предвкушение. Он давно не был трэлью Блейда и не сознавал, как ему этого не хватало.

Как только Блейд сомкнул губы на запястье, облизывая рваную рану, Уилл упал на руки, и из его горла вырвался стон. Он подобного уже несколько лет не испытывал. Того самого,

что ввело его в заблуждение, когда Блейд впервые пил его кровь, и оказалось всего лишь реакцией тела на химический состав слюны голубокровного.

Но этот момент близости...

Только он Уиллу и оставался.

Стиснув зубы, он попытался противостоять соблазну, который стал в два раз сильнее после трех лет воздержания и по-прежнему вызывал странные чувства.

С женщинами Уилл такого не испытывал. Во всяком случае, до того, как в его жизнь вошла Лена.

«И я не должен о ней вспоминать».

Уилл прикусил губу, пытаясь подавить жар удовольствия при мысли о Лене. Темные волосы, глаза, дразнящая улыбочка, которая доводила его до безумия... Плоть в штанах напряглась, и он рыкнул, склонив голову, когда Блейд сильнее присосался к его запястью.

Все закончилось слишком быстро. Уилл упал, прижимая руку к груди. Кожа пульсировала, фантомное ощущение губ Блейда осталось. Тепло пробежало по рваным краям ножевого пореза — волчий вирус быстро залечивал повреждения. Через час останется лишь розоватый рубец на смуглой коже.

Блейд застонал, вытягивая ноги. Его глаза загорелись черным огнем. Он схватил рукоятку, стиснул зубы, с криком вытащил клинок из груди и упал на крышу, тяжело дыша.

Рана все еще кровоточила, но теперь медленно. Неплохие шансы, что голубокровный выживет. Кровь верфульфена насыщала в три раза быстрее человеческой.

— Онория... мя убьет... — простонал Блейд.

«Ну, это если ты выживешь».

Уилл посмотрел на его пепельное лицо и быстро отвернулся. Рана в сердце всегда опасна. Блейда надо доставить в Логово, там Онория, она знает, что делать.

Уилл прижал пальто к ране, чтобы сдержать кровотечение, а потом связал все краями рубашки.

— Вот, продержится до дома. — И, подставив руку под плечо Блейда, помог тому сесть.

Господин застонал, держась за грудь. Это зрелище пронзило Уилла ледяным копьем. Блейд больше не находился на грани Увядания, когда вирус жажды полностью овладевает голубокровным, превращая в кое-кого похуже, но на мгновение Уилл засомневался, так ли хорош обратный процесс.

— Стоять можешь?

Блейд с трудом поднялся. Его глаза остекленели от боли.

— Тока держись, — предупредил Уилл, наклоняясь и подхватывая друга на плечо. — Я отнесу тебя домой, к Онории. Она знает, что делать. Тока держись.

Блейд уснул. Онория повыше натянула на него одеяло и приглушила газовую лампу. Полумрак разбросал по комнате тени; Уилл вышагивал перед камином, чувствуя, как покалывает запястье, пока исцеляется кожа.

Отойдя от кровати, Онория помыла руки. Лицо ее было бесстрастным, но под покрасневшими глазами залегли темные круги. Когда она повернулась, свет упал на ее профиль, и на мгновение Уилл затаил дыхание, увидев в полумраке лик другой. Затем Онор подняла глаза, вскинула бровь, и наваждение пропало. У сестер были одинаковые черные

глаза и волосы насыщенного цвета красного дерева, но Лена милевиднее и немного ниже.

Ее образ преследовал Уилла.

Резким кивком Онория дала понять, что желает поговорить с ним снаружи.

Бросив взгляд на Блейда, Уилл вышел за дверь. Старая рубашка господина свободно свисала с плеч. Застегнуть ее не получилось, а на руках ткань сильно натянулась. Глупо, но Уилл не собирался стучаться к Рипу — другому подручному Блейда — чтобы попросить более подходящую по размеру одежду.

Онория закрыла дверь.

— Похоже, он выкарабкается. Кровотечение остановилось, и я дала ему немного крови. Спасибо, что принес его домой, ко мне.

Уилл кивнул. Он никогда особо с ней не разговаривал. Сразу после их свадьбы с Блейдом пытался найти общий язык, но знал, что Онория о нем думает... подслушал в ночь перед тем, как покинул Логово.

Опасный.

Непредсказуемый.

Угроза для ее сестры.

Иногда Уилл сам сомневался, а так ли она не права.

Онория посмотрела на его запястье:

— Тебе помочь?..

— Заживет.

— Может, поешь? На кухне... осталось рагу. Я только...

— Не голоден. — Кивнув на прощанье, он развернулся. По шее побежали мурашки.

— Уилл, прошу.

Он застыл и оглянулся через плечо.

— Ты ведь понимаешь, что можешь теперь вернуться домой? У него сердце разрывается, оттого что ты поселился отдельно. И ты же знаешь... она здесь больше не живет.

Онория никогда не поймет. Уилл покачал головой и проворчал:

— Я ушел не из-за нее.

«Во всяком случае, не только из-за нее».

И он вышел во тьму, чувствуя на себе взгляд Онории.

Домой идти было незачем.

Уилл уставился на все еще бушующий вдалеке пожар. Что-то в этом нападении не давало покоя. Таинственное устройство, огнемет, серебряный нож, мужики, что не побоялись схватиться с голубокровным и вывести его из строя.

Уилл глубоко вздохнул через нос. Из-за сильного запаха пепла тяжело отыскать нужный след, но нет ничего невозможного. Двигаясь на восток, он прыгал с крыши на крышу. Дурное предчувствие лишь усилилось, когда выяснилось, что поджигатели пошли в обход на север — к Уайтчепелу.

Прямо к стене, которая окружала трущобы. Они спрыгнули с крыш и исчезли в переулке. Уилл прекрасно знал округу, и в том направлении был тупик.

Он повторил путь преступников и уставился на кирпичную стену в конце переулка. Улицы заполняла доносившаяся из трущоб вонь. Уилл поморщился и осмотрелся. Среди

бульжников виднелась решетка, но не могли же они спуститься? Эта дорога вела в канализацию, а дальше — в печально известный беспорядочно застроенный Нижний город, где обитали только призраки и слухи. Люди пытались жить там, когда вампир, что расправлялся с тамошними жителями, был уничтожен, но что-то заставило их вернуться на поверхность.

Если они вообще возвращались.

Все это пространство — сплошь пещеры и жилища, запрятанные в старых поземных туннелях. Интересно, а ныне они пустуют?

Уилл вытащил решетку и спрыгнул в темноту, легко приземлившись на ноги. Нюх подтвердил, что там ничего нет. Ничего, кроме отбросов и убегающих прочь крыс.

Без пепла и ветерка взять след не составило труда. Преступники двигались быстро, возможно, считали, что внизу окажутся в безопасности от Эшелона и его металлической армии. Уилл покачал головой. Им не жить. В распоряжении Эшелона не только металлогвардейцы. Через час все туннели будут полны Ночными ястребами — печально известной Гильдией охотников, что устраивает облавы на воров в городе. Случайно инфицированные голубокровные обладали почти таким же чутким нюхом, как и Уилл, и, по слухам, могли поймать тень на камне.

Ему надо поспешить, если хочет добраться до преступников первым.

Уилл перешел вброд вяло текущий поток, от которого чуть не лишился нюха. Он чувствовал и не такое, например, тот давний запах вампирской вони. Проклятие отлично развитых органов чувств. Уилл мог ощущать все, от естественного мускуса женщины до легкого намека на яд в питье, видеть на многие мили. А если прислушивался, то узнавал то, что другие хотели бы от него скрыть.

Например, тихие шаги в сотне метров впереди.

Уилл бесшумно последовал за ними. Донесся шепот, а потом вспыхнул свет. Судя по всему, закрытый фонарь контрабандиста.

— Ты его достал, прямо в грудь! — восторгался коротышка. — Теперь он уже не будет таким всеильным, а?

— Заткнись, — проворчал тот, что повыше. От него несло потом и страхом. — Ты видел это чертово лицо?

Коротышка пожал плечами и беспечно пошлепал по воде:

— Да эти бледные стервятники все на одно лицо.

— Это был он, сам Дьявол, — с содроганием ответил напарник.

— Дьявол Уайтчепела? — На лице коротышки расцвела радостная улыбка. — Боже, Фредди! Все это время эшелонцы до него добраться не могли, а ты его прикончил! Теперь ты знаменитость!

— Теперь я покойник, — огрызнулся Фредди. — Если то был Дьявол, тогда ты знаешь, кто его сопровождал!

Уилл сделал шаг вперед, вытащил нож и улыбнулся.

«Верно, сукин сын. У вас неприятности».

— Кто?

— Зверь, — прошипел Уилл — его голос подхватило эхо.

Фредди закричал и замахнулся фонарем.

Уилл отбил его рукой, и тот с шипением потух. Тьма опустилась точно театральный занавес, но верфюльфен уже врезал противнику кулаком под ребра. Хрустнула кость, и

Фредди со сдавленным криком рухнул, погружаясь под воду.

Уилл остановился, прислушиваясь к учащенному дыханию второго мерзавца.

— Фредди? — прошептал коротышка, слепо щупая стенки канализации.

Уилл медленно шагнул вперед, с хлюпаньем проваливаясь в поток по колено.

— О боже. — Мужик попытался бежать. — О боже, нет! Я ни при чем! Это все Фредди

Оставь меня в покое!

Уилл схватил его за плащ и дернул назад. Коротышка рухнул, молотя ногами по канализационной воде и визжа, как утопающая свинья. Намотав плащ на кулак, Уилл обернул его вокруг горла толстяка и приподнял, слегка придушив.

— Кто ты и на кого работаешь?

Преступник дергался и издавал полузадушенные хрипы. Уилл подержал его, пока сопротивление не ослабло, а потом бросил в воду.

Сзади кто-то пошевелился — это второй очухался и замахнулся на Уилла тяжелой металлической трубкой. Мгновенно перехватив оружие, он врезал мужику в нос. Медный запах пропитал воздух, и Фредди с воплем упал обратно в воду.

— Боже, — хрипло зарыдал коротышка.

Уилл схватил его за плащ, прижал спиной к липким стенам и стал обыскивать карманы. Складной нож, который этот дурак даже не вытащил, кусок вощенной бумаги и странное устройство в форме пальца. Еще одна пищалка. Уилл рассовал добычу по собственным карманам.

— Радуйся, что еще жив. — Уилл пару раз ударил поджигателя об стену.

— Умоляю, не убивай меня!

«Осторожно, держи себя в руках».

Уилл издал горловой нечеловеческий рык. Они уже считали его зверем, так какого черта он их не разорвет? Они пырнули Блейда. Никто не смеет тронуть его приемную семью и выжить.

В туннелях послышались крики. Уилл поднял голову и стиснул кулак. Ночные ястребы. Проклятье, уже взяли след.

Он наклонился и принялся к уху мерзавца.

— Я запомнил твой запах. Ежели снова станешь ошиваться близ Уайтчепела, я за тобой приду. Разорву на кусочки... и скормлю их тебе. Ты ж этого не хошь?

В воздухе разлился запах мочи, и коротышка согласно всхлипнул. Уилл бросил его и развернулся.

Ночные ястребы его почуют, но поймать не смогут. Это территория Уилла, и они не осмелятся перейти стену, окружающую Уайтчепел. Пора убираться отсюда к чертям. Он в последний раз жадно глянул на Фредди и его невысокого приятеля, затем повернулся и скрылся во тьме.

Они об угрозе не забудут. И это главное.

Уилл сбросил мокрую рубашку и начал расстегивать штаны. Вся одежда провоняла туннелями, но он почувствовал себя немного лучше. Плечи расслаблялись с каждым нанесенным противнику ударом.

Ему хотелось крови, хотелось убивать. Но иногда лучше оставлять их в живых. Свидетелей. Тех, кто станет шептаться в местных пивнушках, предупреждая остальных не

рисковать и не гневить Зверя Уайтчепела. Эту легенду он старательно поддерживал. Научился у Блейда.

Часто страх — лучшая защита.

Уилл сбросил остатки одежды и подошел к умывальнику, чувствуя прохладу. Он обычно не замечал ее, но не после нескольких часов в мокрых тряпках и на голодный желудок. Так, где-то здесь были хлеб, сыр и кувшин с чистой водой.

Присев на край стола, Уилл вгрызся в еду и уставился на рубашку. Из кармана что-то выглядывало. Ключок бумаги, позаимствованный у толстяка.

Уилл прошлепал по комнате и встал на колени, медленно пережевывая пищу. Бумагу покрывал толстый слой воска. Отправитель явно полагал, что получатель может промокнуть. Уилл нахмурился. Эти двое изначально намеревались идти в канализацию? Вода в это время года лишь по колено.

Поговаривали, что в некоторых частях Нижнего города поток глубже.

Развернув, он поднес бумажку к единственной лампе. Пергамент усеивали ряды символов: буквы, цифры и странные рубленые знаки. Чушь какая-то.

На что, черт побери, он наткнулся? Уилл откусил хлеба с сыром и встал, подходя поближе к лампе. Лучшее освещение не помогло понять символы, но он этого и не ожидал.

Уилл перевернул бумажку, однако обратная сторона была чистой. На странном воске не осталось никакого запаха. Он нахмурился. Пожар на сливзаводах, шифрованные письма, странные устройства, сделанные для того, чтобы вывести из строя голубокровных... Кто-то собирается начать войну.

— Как удивительно... безвкусно.

Услышав сочащийся злорадством голос подруги, Лена отвернулась от занавешенной платформы:

— Адель, ты о чем?

Адель Гамильтон, бывший бриллиант высшего света, наклонилась поближе:

— У них есть марионетки. И как это мисс Бишоп не пригласила выступить перед нами целый зверинец или цирковую труппу.

— Ты просто завидуешь, потому что она подписала контракт трэли с лордом Мейси, а ведь ты считала, что он сделает предложение тебе.

Лена взглянула на балкон, где лучащаяся счастьем мисс Бишоп попивала шампанское. Подписав контракт, счастливица обеспечила себе будущее. Для дебютантки — предел мечтаний. Защита, драгоценности, роскошные позолоченные паровые экипажи.

И за все это нужно отдать самую малость — свою кровь.

Лена поежилась и уставилась в полупустой бокал.

— Как будто я согласилась бы на контракт с кем-то вроде Мейси, — фыркнула Адель и залпом выпила свой напиток.

Однако она не спускала красивых миндалевидных глаз с пары на балконе, следя за ними точно ястреб.

Мейси медленно поглаживал затянутую в перчатку ладонь мисс Бишоп. Даже из сада Лена видела, как дыхание новоявленной трэли участилось, а глаза Мейси потемнели от желаний. В этот момент он казался намного старше мисс Бишоп. Намного сильнее. Лену затошнило.

«Прекрати, не думай об этом».

Бишоп сама выбрала свой путь, ее никто не заставляет.

Разве что обстоятельства.

— Поверить не могу, что они так ведут себя в свете, — продолжала Адель. — Он бы еще набросился на нее у всех на глазах.

Смутившись, Лена ответила резче, чем собиралась:

— Убери коготки, а то поранишься.

Подруга выдала сногшибательную улыбку, ту, что некогда завоевала половину сердец в Эшелоне, а потом разбила их.

— Мяу.

Несмотря на неприятное чувство, Лена улыбнулась. Адель нельзя доверять. После прошлогоднего фиаско, когда ее застали в садах с лордом Фенвиком, и тот отказался заключать с ней контракт, она стала парией. И теперь карабкалась обратно в общество, используя ледяное сердце и уверенную улыбку, но ее время тоже подходило к концу. В отличие от Лены, которая здесь на задании, у Адель не было иного выбора.

Перед занавешенной сценой собралась толпа. Механические слуги болтались рядом, с полными напитков серебряными подносами на головах. Лена взяла пару бокалов с шампанским, стараясь не задеть паровую вентиляцию автомата. Механизмы были очень практичными, тихо бродили в толпе, но часто портили платья молодых леди, а она сегодня надела наряд из фиолетового жатого шелка.

Лена держалась начеку, пробираясь через толпу, небрежно прислушиваясь, а затем отвлекаясь от разговоров. Дебютантка — идеальное прикрытие. По сути невидимка. Люди говорили в ее присутствии то, о чем обычно помалкивали.

Как удобно шпионить, даже напрягаться особо не приходилось.

— Марионетки. — Адель покачала головой.

Однако тоже подошла к сцене, отчаянно стараясь ничего не пропустить.

Ночь выдалась теплой, в небе блестели звезды. Лена подняла голову, пока глаза привыкали к освещению. Тысяча бриллиантов, как называла их мама.

— И все для меня, — кричала Лена, а мама смеялась и целовала ее на ночь.

Теперь звезды, как и бриллианты, потускнели. Мир вокруг был слишком ярким, блестящим, весь из шелка, золота и зловещего смеха. Когда-то она только и мечтала об Эшелоне, а теперь, балансируя на грани, задумывалась, есть ли для нее другое место.

Правда, никогда бы в этом не призналась.

Лена умоляла сестру дать ей шанс, когда стало ясно, что в Уайтчепеле для нее ничего не осталось. Неделями просила позволить вернуться к прежней жизни и получить возможность заключить контракт трэли.

Как ни странно, поддержка пришла с неожиданной стороны: от их сводного брата Лео Бэрронса. Наследник герцога Кейна, Лео никому не мог рассказать об их родстве и собственной незаконнорожденности, но предложил взять Лену в подопечные, и она с благодарностью согласилась. Если при жизни отца их положение вызывало вопросы, то теперь, при поддержке влиятельного опекуна, ее приняли целиком и полностью.

В то же время Лена никогда не чувствовала себя более одинокой.

От неприятного ощущения, что за ней следят, волосы на затылке встали дыбом. Лена осмотрелась, но вокруг никого не было. Что-то зашипело, и она вздрогнула. Похоже на чайник. Толпа приблизилась, а разговоры стихли. За сценой заиграла шарманка.

Лена вспомнила о шуме и смехе Уайтчепела, толпе немых тел и вульгарном говоре, который старалась пропускать мимо ушей. О музыке на улицах и в дешевых театрах. Лучше обо всем этом забыть. Лена уехала из Уайтчепела год назад, но казалось, прошло гораздо больше. За это время она распрощалась с девичьими иллюзиями, поняла, в каком мире живет и что вряд ли сумеет на него повлиять.

«Но что смогу — сделаю». В обществе поднялась кампания за возвращение людям равного статуса с голубокровными, отмену кровавой дани и военного положения. За запрет правящему классу брать трэлей против их воли. И Лена находилась в идеальном положении, чтобы помочь. Она способна узнать секреты Эшелона... если будет держать ухо востро.

— Похоже, у мисс Бишоп и правда есть обезьянка, — прошептала Адель.

— Тс-с, — прошипела Лена и приподнялась на цыпочки. Обвела взглядом толпу и расслабилась, осознав, что за ней никто не следит.

Просто нервы... В толпе, рядом с Адель, она в безопасности.

Занавес утрированно резко раздвинулся. Газовые лампы на террасе притушили, и слабые огоньки сверхъестественным светом озаряли собравшихся. На сцене возникла фигура в облаке пара. Ее руки рывком поднялись и повисли на явно заметных нитях.

— Марионетки, — отмахнулась Адель.

Целый месяц бал в честь контракта мисс Бишоп считался событием сезона. Слухи обещали невиданные забавы и редкости, но пока что вечер был сплошным разочарованием. Лена опустила на пятки и расслабилась, как раз, когда зрители восхищенно ахнули.

— Боже, смотри, нити упали! — воскликнула Адель.

На их глазах марионетка слабо дернулась и опустила руки, а потом загадочный пар медленно окутал ее ноги, и фигура выпрямилась.

— Это машина, — прошептала Лена.

Металлическое создание задвигалось, поднимая руки, словно чтобы заключить кого-то в объятия. А затем начало танцевать вальс под шарманку.

Лена открыла рот. Она видела множество служебных устройств и дюжины бронированных металлогвардейцев, защищавших улицы и насаждающих власть Эшелона, но подобное — никогда. Движения робота были изумительно плавными, почти человеческими.

Представление закончилось, шарманка медленно затихла. Машина замедлилась и начала замирать в такт музыке. Марионеткой управлял удивительно ловкий кукловод.

Лена бурно зааплодировала и захотела посмотреть поближе. Она делала замечательные заводные механизмы, но до такого мастерства ей было далеко.

К несчастью, большинство зрителей тоже жаждали рассмотреть диковинку, и Лена, потеряв Адель, осталась одна, как обломок в бушующем потоке.

Отмахнувшись от упавшего на глаз пера, она поискала подругу и... похолодела.

Аларик Колчестер, герцог Ланнистер, смотрел на нее с хищной улыбкой на тонких губах, попивая бладевин. Сердце екнуло. Бледная напудренная кожа, красные губы вызвали далекое воспоминание. В тот раз кровь не потрудились разбавить вином.

Его тут быть не должно. Лена убедилась в этом, прежде чем принять приглашение. Сегодня в Башне из Слоновой кости заседал правящий городом Совет герцогов, и она была уверена, что в безопасности.

Наверное, рано закончили.

Лена отвела взгляд, слыша стук сердца в ушах. *«Не беги»*. Она уже давно выяснила, что страх жертвы вызывает в голубокровных неуправляемый голод.

Краем глаза она отметила, как светловолосая голова врага поплыла над толпой в ее сторону. Лена встала на цыпочки. Куда же запропастилась Адель? Иногда наличие свидетеля могло спасти.

Если Колчестер намеревался играть по правилам.

Все-таки он герцог, глава одного из семи великих домов, правящих городом. Если захочет взять ее прямо тут, то просто утащит в уголок, и никто и слова поперек не скажет. Только Лео мог бы противостоять Колчестеру, однако сейчас ее опекун находился на собрании в Башне из Слоновой кости вместо отца, герцога Кейна.

Лена нацепила улыбку и стала пробираться сквозь толпу. Участок обнаженной кожи на шее закололо. Подняв бокал, она попыталась разглядеть преследователя в отражении, но собравшихся было слишком много,

Черт его побери! Она оглянулась через плечо.

Люди сгрудились у сцены и смеялись над механической марионеткой. Колчестера не было видно.

Музыка и хохот оглушали. Толпа превратилась в вихрь ярких красок и вызывала головокружение. Лена крепче сжала юбки. *«Не беги. Боже, не беги»*. Но куда, к дьяволу, он девался?

Мимо проплыло большое розовое страусиное перо. Адель. Лена попыталась к ней протолкаться. Протиснулась мимо парочки шушукающихся за веерами леди и наткнулась на твердую грудь. Руки в перчатках сжали ее плечи, словно чтобы поддержать.

— Извините, — прошептала она, а затем застыла, увидев чернильно-черный бархатный мундир с золотыми эполетами и кисточкой, свисавшей с правого плеча.

— Вы бледны, моя дорогая. — Колчестер хищно улыбнулся и усилил хватку, когда Лена инстинктивно попыталась отодвинуться. — Вам надо подышать свежим воздухом.

Он потянул ее в сторону сада. Лена уперлась и покачала головой, отчаянно улыбаясь. Нельзя выказывать панику. Нельзя допустить слухов. Только репутация приличной дамы не давала голубокровным объявить Лену кровавой шлюхой на одну ночь.

Каким-то образом она сумела усмехнуться. Единственная защита.

— Au contraire,^[1] ваша светлость. — И быстро обвела рукой сады. — Похоже, как раз воздуха здесь предостаточно.

В его глазах сверкнуло темное удовольствие. По спине пробежали мурашки, но каким-то образом Лена сумела небрежно пожать плечами. Колчестер может учуять ее страх. Однажды он сравнил ее ужас с изысканной приправой к еде.

— Спасибо, что подхватили меня, ваша светлость. Боюсь, мне надо к подруге. Адель почувствовала себя плохо, и я вызвалась принести воды.

— Жаль, — протянул он и, взяв ее за руки, погладил пальцы через шелковые перчатки. — Я надеялся, что вы оставите мне танец. Ассах, с вашего позволения.

Танец, созданный для того, чтобы соблазнить и лучше всего продемонстрировать прелести потенциальной трэли голубокровному. Из-за скрытого эротизма движений Лена никогда не исполняла его на публике, но видела, как танцуют другие... О, это было что-то.

— Боюсь...

— Я приказываю.

Лена попыталась высвободиться, но железные пальцы Колчестера сжали запястье, а бледные глаза потемнели.

— Не дразните меня, дорогая. Я пытаюсь ухаживать, но ваша красота... сводит меня с ума. — Он с улыбкой погладил ее щеку тыльной стороной руки.

Кто-то в толпе засмеялся, и Лена вздрогнула. Они стояли так близко к другим гостям, однако с тем же успехом могли перенестись хоть на Восток — все равно никто ей не поможет.

— Вы обдумали мое предложение?

— Боюсь, я была очень занята...

— Прошел уже месяц.

Слишком мало. Лена никогда не собиралась стать его трэлью. Она вскинула подбородок и уставилась Колчестеру прямо в глаза:

— Время быстро пролетает в делах, ваша светлость.

— Колчестер. Я же сказал называть меня Колчестером. Все-таки мы так хорошо знакомы, — ухмыльнулся он.

Ей хотелось разбить хрустальный бокал и ударить ублюдка осколком в глаз. Стоило лишь представить, как он станет касаться губами ее тела — и все внутри переворачивалось.

«Больше никогда».

— Мне ждать ответа еще месяц?

— Отпустите меня, ваша светлость. Это непристойно.

— Ответ на мой вопрос.

— Лена! Вот ты где! — вдруг раздался окрик подруги.

Их окутало облако духов, и перья в волосах Адель защекотали нос герцога. Он

отшатнулся с искаженным от ярости лицом. Дебютантка прижала ладонь к губам и захихикала, будто бы под хмельком:

— О, ваша светлость! Я вас не заметила. Прощу прощения.

Их теснила толпа, и Колчестеру пришлось отпустить добычу.

Лена прижала руку к телу, будто герцог ее ранил. Адель стиснула другую руку подруги.

Колчестер резко кивнул:

— До свиданья. Я добьюсь ответа. — Затем повернулся и скрылся в толпе.

Внезапно Лена снова смогла дышать. Адель взглянула ей в лицо и, протаскиваясь к краю сада, взяла бокал шампанского с тарелки служебного автомата:

— Вот, выпей.

— Я... не могу.

Только поддержка подруги и не давала Лене упасть.

Они зашли в небольшой укрытый от гостей павильон. Адель развернула ее, заставив уцепиться за перила и наклониться вперед. Затем расстегнула пуговицы и ослабила шнурки корсета.

Лена упала на руки и вдохнула полные легкие воздуха. Ее всю трясло. Она не понимала, что случилось. После столкновения она не могла дышать да и сейчас чувствовала себя не сильно лучше.

Лена потерла щеки ладонями. Адель поглаживала ее по спине.

— Благодарю.

«Вот уж не ожидала, что Адель придет мне на помощь».

Подруга замерла и прошептала:

— Жаль, что никто... не помог мне.

Лена взглянула ей в глаза и судорожно вздохнула:

— А разве ты не добровольно встречалась с лордом Фенвиком?

— Он пустил такой слух. Все, конечно, знают правду. — Адель поджала губы. — Среди молодежи это настоящее соревнование. Они полагают, что брать женщину в трэли — старомодно. Зачем содержать ее всю жизнь, если можно взять желаемое, а потом выбросить?

— Но... это ужасно!

— Чуть лучше, чем кровавая рабыня. — Адель пожала изящным плечом. — Я потому и преследовала лорда Мейси, что он приверженец традиций. Считает, что должен защищать своих трэлей. На твоём месте, Лена, я бы искала покровителя постарше. И не соглашайся ни на что, кроме контракта. В наше время это единственная защита.

— Почему никто ничего не говорит?

— А кто осмелится? — невесело рассмеялась Адель и напряглась. — Да и с чего кому-то в Эшелоне помогать нам? Лена, мы — еда. Нас оставляют в живых или берут в трэли лишь потому, что так им легче. Мы словно скот в загоне.

Лена разозлилась:

— Они не все такие. Мой опекун Лео...

— Знает о происходящем не хуже нас. И что, он хоть словом обмолвился?

Лена открыла рот... и ничего не сказала. Она чувствовала себя так же, как и Адель. Добычей в ловушке.

«Нет, не добычей».

Она глубоко вздохнула. Добыча не борется, не ищет способ поменять порядок — а

именно этим Лена и занималась.

— Послушай моего совета, — продолжала Адель. — Я видела лицо Колчестера. Тебе нужна защита. Твоего опекуна недостаточно... его ведь здесь нет. На твоём месте я бы нашла какого-нибудь влиятельного старика, способного противостоять герцогу, и уговорила его взять себя в трэли.

— Должен быть иной выход.

— К сожалению, для таких, как мы, выбора нет. Чем скорее ты поймешь мир, в котором живешь, тем лучше. В противном случае ты просто дура. А дураки тут долго не живут.

— Что с вами сегодня?

Прислонившаяся головой к окошку экипажа Лена открыла глаза. Ее компаньонка миссис Уэйд, оторвавшись от вязания, смотрела на нее изучающе. И куда только подевалась мигрень, которая не дала старшей леди пойти на бал лорда Мейси?

Потерев усталые глаза, Лена выпрямилась.

— Ничего. Я плохо спала прошлой ночью, вот и все.

— Возможно, нам следует вернуться в Уэйверли-плейс. — Компаньонка округлила глаза. — Вам бы не помешало отдохнуть.

— Ваши мотивы видны невооруженным взглядом, — парировала Лена, затем выглянула в просвет между бархатными занавесками на окне парового экипажа и побарабанила пальцами по коробке, которую не осмеливалась выпустить из рук.

Миссис Уэйд покраснела. У нее имелись собственные соображения о том, что приличествует дамам. И сооружение механических игрушек в этот список не входило.

— Я просто волнуюсь о вашей репутации. Если кто-то увидит нас в том магазине...

— Кто нас там увидит? И даже если так, я притворюсь, что всего лишь покупаю новые часы.

Экипаж с грохотом остановился у «Часового магазина Мандевиля». Лена мельком заметила грязных беспризорников, играющих в переулке с вертуном, и девушек с углем, проходивших через толпу с ведрами на плечах. Она увидела слишком многое во время пребывания в трущобах Уайтчепела после смерти отца. Когда-то даже была одной из таких полуницких работяг, пока мистер Мандевиль не взял ее в ученицы.

Сочувствие душило. Да, при дворе опасно, но тем девушкам с углем, идущим по улицам без защиты, гораздо хуже. По крайней мере, в обществе ее не бросят умирать от потери крови в канаве. Ее жизнь что-то да стоит для голубокровных. Положение обязывает.

«Я потенциальная добыча, но обо мне заботятся».

Лакей открыл дверцу экипажа:

— Мисс.

— Благодарю, Генри. — С его помощью Лена сошла на мостовую.

Мистер Мандевиль увидел ее и встретил на пороге. Напомаженные и подкрученные усы, пара гоглов на растрепанных седых волосах, и сюртук из лоскутов. Его никогда не примут в Великих домах, однако он был одним из самых талантливых часовщиков, которых Лена когда-либо знала.

И не только.

Мистер Мандевиль также стал ее спасителем, вытащив из канавы, где она умирала от потери крови, будучи той самой выброшенной разносчицей угля. Заштопал ее в своем

магазине, предложил respectableную работу. А потом подарил надежду, когда Лена начала понимать, что жизнь при дворе вовсе не безопасный мир, который она искала.

Она помнила тот день, когда вернулась за плащом и услышала, как он обсуждает тайны, которые могли привести его на виселицу. Лена чуть не упала от удивления. Мистер Мандевиль — гуманист? Она держала эту информацию в тайне много дней, ворочаясь по ночам, мучаясь вопросами и волнением. Однако потом наконец вывела его на чистую воду и попросила позволить поучаствовать в этом деле.

— Мисс Тодд, — поздоровался мистер Мандевиль, хотя когда-то звал ее «Лена» и грозился дать по рукам, если она уронит хоть одни его часы.

— Мистер Мандевиль, — ответила она, передавая коробку. — Прекрасно выглядите. Летний воздух вам на пользу.

— Это то, что я думаю?

Его глаза загорелись.

Искра немного грешной гордости зажглась в груди. Лена мало в чем была хороша.

— Да. Вам обязательно нужно взглянуть. Получилось точно так, как я хотела.

— Вы позволите?

Лена кивнула, и он повел ее к прилавку. Из-за дюжины тикающих часов стены, казалось, сдвигались, чем дальше посетитель проходил в магазин. Когда Лена была тут подмастерьем, то привыкла к интерьеру. Миссис Уэйд осталась у окон, сердито глядя на качающиеся маятники из безопасных глубин своего капора.

Мистер Мандевиль положил коробку на прилавок и посмотрел на компаньонку:

— Старая дракониха ничего не подозревает?

— Она считает, что я прихожу сюда за заказами.

Вполне respectableное занятие, хотя приходилось работать под именем брата. Оригинальные заводные игрушки за авторством Чарли Тодда продавались по довольно высокой цене. Изобретения не всегда предназначались для детей, хотя Лена получала наибольшее удовольствие именно от таких заказов.

— Хм. — Мандевиль открыл коробку и провел длинными пальцами по небольшому механическому устройству. Затем благоговейно вытащил его и поставил на прилавок. — О боже, Лена, это ваша лучшая работа. Просто изумительно. Как вам пришло в голову сделать нечто подобное? Полагаю, он ходит?

Наложённые одна на другую, отполированные до блеска стальные пластины притягивали взгляд. Механическая статуэтка, вырезанная из железной обшивки и полная пружин и катушек, изображала крепкого мужчину. Фигура стояла на металлической пластине с заводным ключом в спине. Лена покраснела. Последнее, чего ей хотелось — рассказать об источнике вдохновения. Она никогда раньше не пыталась перенести его облик с бумаги на железо.

— И не только. Дайте покажу.

Ключ проворачивался все туже и туже. Фигурка дрогнула, грубо отесанное лицо сердито задергалось.

«Как уместно», — подумала Лена и отпустила ключ.

Мгновение ничего не происходило. Затем человечек задрожал. Пластины скользнули одна на другую, на секунду обнажив зубцы шестеренок, и он преобразился в существо, столь же дикое и свирепое, как и прежний железный человек.

Мандевиль потрясенно вздохнул и натянул гогглы:

— Господи, Лена! Это невероятно! Посмотри на трансформацию. Сначала человек, а в следующую минуту уже волк.

Она дотронулась до его руки:

— Погодите.

Оба, затаив дыхание, смотрели, как волк снова обращается в человека. Шестеренки двигались все медленнее и медленнее, пока не остановились, застыв в переходе. На хмуром лице мужчины остались волчьи челюсти.

— Ну? Что скажете?

Мандевиль выдохнул и протер гогглы.

— У вас, моя дорогая, талант. Это несравненно. Просто несравненно! — Сердце Лены раздулось от гордости, но часовщик покачал головой. — Однако вы никогда его не продадите. С чего, бога ради, вы решили сотворить подобное? Эшелон бросит вас в темницы Башни из Слоновой кости!

— Возможно, год назад так бы и случилось, — ответила Лена, оглядываясь через плечо на миссис Уэйд. И продолжила тише: — Времена меняются, мистер Мандевиль. Поговаривают, что Скандинавская Империя собирает в Лондон посольство.

Мистер Мандевиль застыл:

— Откуда вы знаете?

— На потолке в кабинете моего опекуна... есть неплотно прилегающая решетка. Я часто работаю в гостиной этажом выше.

Он улыбнулся, словно изумленный ее изобретательностью.

— Вчера утром Лео принимал у себя герцогов Мэллорина и Гете. Пока новость держат в тайне, но Совет обеспокоен.

Мандевиль наклонился ниже, вроде бы разглядывая фигурку. Однако все его внимание было сосредоточено на Лене.

— Я все еще не понимаю, какое значение имеют такие перемены. Эшелон вырезал шотландские кланы вервильфенов под Каллоденом. Это... твоя работа вызывает плохие воспоминания о старинном враге.

Он аккуратно уложил статуэтку в коробку — возможно, навсегда.

— Герцог Мэллорин упомянул, что в Эшелоне поговаривают о мирном договоре со скандинавскими кланами, — выпалила Лена.

Мистер Мандевиль замер и медленно поднял брови:

— Неслыханное дело. Скандинавские вервильфены не ладят с Британией с самого Каллодена. Они ни за что не согласятся на мирный договор.

— Это все, что мне известно. Миссис Уэйд нашла меня, и пришлось идти рассматривать шляпки.

— Боже, — прошептал Мандевиль. — Я незамедлительно передам эту информацию.

Лена покосилась на миссис Уэйд, которая нетерпеливо постукивала пальцами по сумочке.

— Думаете мне надо встретиться с Меркурием? Чтобы он узнал обо всем из первых рук?

Месяцами Меркурий был для нее всего лишь призраком. Загадочный главарь тайной организации гуманистов проворачивал дела прямо в Лондоне под покровом плаща и теней. Ходили слухи, что Совет герцогов пообещал непомерную сумму за его поимку печально известным Ночным ястребам.

— Нет, нет, я передам. Не хочу тебя затруднять. Чем меньше людей знают, кто такой Меркурий, тем безопаснее для него.

— Я никому не скажу.

— О, Лена, какая же ты все-таки наивная. — Часовщик грустно улыбнулся. — Голубокровные могут заставить девушку рассказать все, что они хотят узнать. Особенно те сволочи в Башне из Слоновой кости. — Он похлопал Лену по руке. — Я передам сообщение. Надеюсь, мы сможем воспользоваться этой информацией. Если союз между Эшелонем и кланами вервульфенов состоится, тогда у гуманистов почти не останется шансов победить голубокровных. Они станут слишком могущественными.

Он сунул ей сложенный конверт, прикрыв пачкой заказов.

— Пожалуйста, на то же место...

Лена сделала вид, будто читает их, и повысила голос:

— Конечно. Спасибо. Я выберу те, что посчитаю подходящими.

— Дай знать, если выяснишь что-то еще. — Он нахмурился. — Мне очень любопытно, почему вдруг заговорили о мире.

— Обязательно.

Лена забрала коробку со своим неподобающим устройством и повернулась спиной к часовщику. Приклеив на лицо улыбку, она, не обращая внимания на любопытство миссис Уэйд, кивнула на экипаж, твердо решив окончательно испортить день своей компаньонке.

— О, надо же, у нас есть время посетить моих брата и сестру, — как бы случайно воскликнула Лена, хотя на самом деле и так туда собиралась.

Миссис Уэйд побледнела.

— Только не трущобы. Если нас увидят...

— Мы не будем высовываться. Они ведь моя семья, пусть и считаются персонами нон грата в Эшелоне. — Лена вышла на теплое солнце. — Я хочу подарить эту игрушку Чарли. Мистера Мандевиля она не заинтересовала. — Лена не хотела, чтобы этот шедевр канул в Лету. Лучшее ее произведение, пусть даже оно сильно походило на одного знакомого угрюмого гиганта.

Все равно они в это время дня не встретятся. Она прожила в Логове достаточно, чтобы знать распорядок дня Уилла. В полдень он обычно спал после ночного патрулирования трущоб.

Ее это вполне устраивало.

Да и не все ли равно, если она больше никогда его не увидит?

Если Онория и удивилась раннему приходу Уилла, то виду не подала. Он хмуро поздоровался и прошел мимо. Солнечный свет проникал через чердачное окно, в лучах кружили хлопья пыли. При вдохе нос наполнился вонью химикатов с примесью крови и ромашкового чая.

— Блейд еще в постели, — сообщила Онория, заправляя темную прядь за ухо. — Он идет на поправку, хоть и не так быстро, как... мне бы хотелось.

Не так быстро, как раньше. Уилл резко кивнул:

— Мы с ним повидались.

— Конечно.

Туда он всегда пошел бы в первую очередь.

Стянув гогглы, Онор сняла фартук. Чердак состоял из двух комнат: лаборатории и боксерского зала Блейда. Уилл никогда прежде не заходил в вотчину Онории и ожидал увидеть стерильные скамьи и оборудование, поэтому удивился парочке удобных мягких кресел у камина и горе бумаг. А ведь хозяйка казалась ему просто помешанной на порядке.

— Чем могу помочь? — Несомненно, она почти столь же поражена его визитом, как и он сам.

Уилл вытащил из кармана письмо. Он никак не мог в нем разобраться, но Онор обладала пытливым умом и мастерски управлялась с кодами.

— Могешь эт расшифровать?

Она взяла письмо и поскребла восковое покрытие ногтем большого пальца.

— Хм. Я попытаюсь, но процесс займет какое-то время. Оно важно?

— Возможно.

Онория посмотрела на Уилла.

— Нашел его у одного из тех, кто пырнул Блейда.

Она побелела и сердито зыркнула на письмо.

— Тогда постараюсь поскорее. Когда ты его забрал?

— Седня утром. Выследил их в канализации.

— Они все еще дышат?

— Ага.

Глаза Онор округлились от изумления, затем кровожадно сузились.

— И почему же?

— Ночные ястребы приперлись. Наверняка сграбастали ублюдков.

— Оставить врага в живых... на тебя непохоже. — Она прошла к скамейке, похлопывая письмом по губам.

«Надо сваливать».

Будто почувствовав, Онория посмотрела на него через плечо, прикрыв веками блестящие глаза. Уилл содрогнулся, словно от удара под дых. Как она похожа Лену. Он сглотнул. Определенно, пора убираться отсюда.

Но повернувшись, услышал на лестнице шаги.

— Уилл, можно попросить тебя об услуге?

Уилл прикоснулся к дверной ручке. Раздув ноздри, почувствовал запах кожи и бладейна. Блейд. *«Значится, Онория мя в сущности поймала».* Нельзя нагрубить и убежать.

— А че?

— Блейд предложил, чтобы я взяла образец твоей крови.

Ну конечно. Онория последние три года только и делала, что дырявила мужа. Похоже, господин решил, что пора бы перенаправить ее зацикленный умишко на кого-то другого. Холодок пробежал по спине. Иголки, чертовы иголки.

Заметив выражение лица Уилла, Онор поспешно добавила:

— Я хочу посмотреть, есть ли шанс найти лекарство или вакцину. Моя работа приостановилась. Чарли не реагирует на кровь привитого донора так, как Блейд, а результаты мужа пока достигли потолка. Слава богу, его уровень вируса последние полгода держится на уровне сорока восьми процентов.

Дверь открылась, и Онория посмотрела в ту сторону. Уилл порадовался, что в кои-то веки этот острый взгляд предназначался не ему.

— Какого дьявола ты вылез из постели?

Блейд захлопнул створку ногой. Белый как простыня и двигающийся хуже, чем восьмидесятилетний старик, он попытался отдышаться.

— Ага, милая, я тож рад тя видеть.

— Я же тебе сказала, что ты останешься в постели следующие три дня. Затем поговорим.

— «Поговорим» — эт значит, она решит, могу я встать или нет. — Блейд подмигнул Уиллу. — Звиняй, милая, не мог больше без тя. Прямо сердце разрывается.

— Садись, — указала Онор. — Живо.

Передав Уиллу бутылку бладеина, Блейд устроился в кресле у камина, пока Онория продолжила его распекать. Господин переносил это благодушно, но его глаза сверкали, стоило жене отвернуться.

Уилл переступил с ноги на ногу. Онория, согнувшись, чтобы поставить мужу скамеечку для ног, заметила движение и вопросительно вскинула изящную бровь.

— Че такое, милая? — спросил Блейд, заметив ее взгляд.

— Я попросила Уилла дать мне немного крови на анализ.

— Те не обязательно, — поспешил он успокоить Уилла.

Вот именно это он ненавидел теперь больше всего. То, как нерешительно они с ним разговаривали, будто боялись, что он уйдет и не вернется.

Как будто Уилл когда-либо покинет друга. Сложив руки на груди, он сердито зыркнул на Блейда. Без него вервульфен бы, наверное, все еще сидел в клетке, превратившись в животное.

Горячий уголек вспыхнул внутри. Если бы только он не пришел сюда в ту ночь. Если бы не услышал, как Онория спросила, опасен ли он и можно ли ему доверить Лену...

И как Блейд замялся с ответом.

Уилл никогда не сомневался ни в себе, ни в своем самообладании. Годы в клетке научили его сдерживать гнев и внутреннего зверя. Он подавлял это чувство, держал за крупными железными прутьями, вроде той тюрьмы, в которой сам провел десять лет. Никто не мог проникнуть сквозь эту преграду, пока не появилась Лена.

Она почти свела его с ума. Он был для нее лишь игрушкой, объектом для флирта, забавой. Возможностью попробовать свои зарождающиеся девичьи чары на том, кого считаешь безопасным. Но Уилл не собирался играть в игры. За два года такой жизни стены его клетки расшатались. Если Блейд заметил в нем беспокойного зверя, если Онория... Видели ли они, как близко он подошел к потере самообладания?

Сколько они за ним следили и не доверяли?

— Уилл? — спросила Онория.

— Давай, — проворчал он немного резче, чем собирался. — Ток быстрее. У мя еще дела есть.

— Не трись, Уилл. Ничо страшного. Просто иголка, не больше той штуки у тя в штанах. Ну так и шо, девки на Петтикот-Лейн ведь не жаловались? — поддразнивал Блейд.

Уилл выругался и мрачно уставился на стену, пока Онория вводила иглу. Серебро тут же запекло. Прокол от холодного железа затягивался в секунды, а вот от серебра — далеко не сразу, что позволяло взять пробу. Капли пота стекли на глаза, по телу пробежали мурашки. В животе забурлила желчь.

— Вот так, почти закончила, — прошептала Онор, похлопывая Уилла по плечу. — Отличный красный образец, а то я уже привыкла к голубой крови Блейда.

Он услышал тихие шаги в прихожей и повернул голову, чувствуя головокружение и холодок. Учюял теплый цветочный аромат жимолости.

«О нет, только не она. Не сейчас...»

Откуда-то издалека донесся голос Блейда, спрашивающий, как Уилл себя чувствует. Комната закружилась. Уилл повернул голову и уперся взглядом в иголку и пузырек с кровью. Зря.

В себя он пришел уже на полу, когда кто-то сунул ему под нос нюхательные соли. Уилл задел пальцами женскую грудь и открыл глаза. Лена отшатнулась и рассыпала соль.

Они не виделись несколько месяцев. За это время ее образ почти стерся из памяти Уилла. А теперь она снова сидела тут, такая же живая и красивая, как всегда. Эффектные красные юбки растеклись по полу, будто лужа крови. Внутри Уилла закипел голод, и бурлящее тепло заволокло глаза, превращая их в золотисто-волчьи. Зрение обострилось, так что он заметил все: волосы, разметавшиеся по ее плечам, росу на губах, свет, отражавшийся от выбеленных кончиков ресниц.

«Моя», — проворчало что-то внутри него. На мгновение мир поблек, а когда Уилл снова овладел собой, то уже тянул руку к Лене.

— Ты какого черта тут забыла? — проворчал он, все еще сбитый с толку. На шею стек холодный пот.

Блейд схватил его за руку:

— Тихо.

Слово таило в себе предупреждение.

«Держи себя в руках. Натяни возжжи».

От усилия Уилл стал задыхаться. Зрение вернулось в нормальное состояние, и он понял, что окружающие смотрят на него с разной степенью настороженности.

— Я в порядке.

Блейд присел на корточки.

— Хорошо. Вряд ли я шас могу с тобой справиться.

Побледневшая Лена села. Ее волосы были того же оттенка, что и у сестры, но карие глаза — теплее и более раскосые. Улыбающиеся, соблазняющие и дразнящие.

Сейчас они не улыбались.

Лена изогнула губы, но улыбка не озарила ее лицо.

— Боже, Онор, сколько ж крови ты из него выкачала? — спросила она деланно веселым голосом.

— Понятия не имела, что ты боишься иголок, — сказала Онория, глядя на крошечный

пузырек.

— Думал, справлюсь.

Прошло много времени с тех пор, как он терял сознание.

— На том балагане? — уточнил Блейд.

Он нашел молоденького Уилла, закованного в цепи на сцене в лондонском Ист-Энде. Паренька заставляли показывать чудовищную силу и способности к заживлению на потеху толпе. Хозяин Том Старретт резал Уилла железными ножами. Несмотря на волчий вирус, из-за ужасных условий и недостатка еды вервувльфен не всегда исцелялся так быстро, как им бы хотелось. Тогда миссис Старретт зашивала его грубой иглой.

И вскоре один только вид иголки заставлял всю кровь отливаться от головы.

Лена сложила руки в перчатках на коленях. Из ее шиньона выбились несколько мягких каштановых прядей. Она, наверное, спешила, так как шляпка небрежно сбилась на лоб, а алое перо обвисло на щеку. Уилл задержал на нем взгляд.

— Балаган? Какой еще балаган? — спросила Лена.

Блейд посмотрел на Уилла:

— Када...

— Никакой, — оборвал тот.

Все снова посмотрели на него, и Уилл проклял свою грубость. Ничто не интриговало Лену больше, чем запрет. Он уже видел любопытство в ее взгляде. Теперь она станет охотиться за его тайнами, как хорек.

Наверное, лучше изложить краткую версию.

— Мя показывали на дешевых базарах и на сцене Ковент-Гардена как диковинку. — Он изобразил громовой голос ведущего Старретта: — «Приходите посмотреть на жестокого Зверя! Взгляните на последнего вервувльфена Лондона в цепях!» — Вспомнился запах дешевого тютюна, который курили зрители, и вонь затхлых немывтых тел. — После песенок и танцулек я был гвоздем программы. Мя вытаскивали из клетки, а публика бросалась гнилыми объедками. Иногда наряжали в волчий мех, а актеры изображали голубокровных. Обычно в итоге на мя нападали с мечами.

Лена округлила глаза:

— Они же не резали тебя на самом деле?

— Резали, железом, — твердо сказал он. — Живает быстро, если тока не смешано с серебром.

— Вот тут вы с Блейдом похожи, — задумчиво проговорила Онория.

— Онория, ну в самом деле! Как ты можешь думать о симптомах после такой ужасной истории! — упрекнула сестру Лена и опять посмотрела на Уилла. — Тебе же было пятнадцать, когда Блейд забрал тебя домой?

— Вроде того. Не особо следил за временем в клетке.

Взгляд ее потеплел от сострадания.

Уилл не ожидал, что Лена защитит его и посочувствует. В основном зрителями были уличные торговцы и прочие им подобные, но иногда аристократы Эшелона платили Старретту, чтобы показать Уилла в Великих домах в Мейфэре. Дамы в красивых шелках играли с экстравагантными бриллиантовыми и жемчужными ожерельями. Роскошные женщины, как Лена. По крайней мере, они ничего в него не швыряли. Зато жадно смотрели, шептались и хихикали за веерами.

Джентльменам это приходилось совсем не по нраву. Уилл не решился признаться, что

разделяет их чувства. В любом случае это не имело значения. Кто будет слушать зверя в клетке? Под конец он перестал говорить, только огрызался и рычал, когда к нему приближались. Он очень низко пал. Если бы Блейд не оказался однажды среди зрителей и не заставил Старретта освободить Уилла, страшно подумать, в кого бы он превратился.

— Оба недуга отвергают серебро, — задумчиво проговорила Онория. — Значит, у них общий... источник? Чем больше мы знаем, тем скорее я найду лекарство. Я проверю образец под микроскопом и начну опыты. Уилл тебе лучше уйти.

Его не столько волновал вид крови, сколько иголки, но нужно убраться отсюда. Кожа зачесалась.

— Ага, ухожу.

— Не домой, еще не время, — возразила Онория. — Хочу проверить тебя перед уходом. Лена?

Ее сестра повернула голову, точно испуганный олененок, и настороженно переспросила:

— Что?

Онория легко вздохнула, будто думая, что сказать.

— Можешь проводить Уилла на кухню и посидеть с ним? И проследи, чтобы он что-нибудь съел. Ты же знаешь, каков он, когда сильно волнуется.

— Не нужно, — возразил Уилл и переглянулся с Леной.

— Онория, я надеялась поговорить с тобой.

Даже Блейд уставился на жену с молчаливым вопросом во взгляде, и та каким-то образом ответила одними глазами. Блейд тихонько хмыкнул и кивнул.

— Ступай поешь, Уилл. Мы ща спустимся.

Помощи ждать неоткуда. Комната вдруг стала слишком маленькой. Уилл открыл дверь и вышел. Лена поспешила за ним, шурша юбками и тихонько ворча, мол, джентльмены пропускают дам вперед.

— Я не жентльмен.

— Уж это-то всем известно, — прошептала она. — Тебя ведь не зря зовут Зверем.

Слова задели. Странно, его ведь называли и хуже. Уилл даже сам оставил себе прозвище, чтобы держать любопытных подальше, а хищников — в полной готовности.

Но по какой-то причине из ее уст это имя было что нож в грудь.

Уилл по запаху нашел кухню и увидел, что там пусто. Удача сегодня от него отвернулась. Хотя кипящий на плите суп означал, что экономка Блейда, Эсме, где-то рядом, просто отлучилась.

Запястьем он ощутил гладкий шелк перчаток.

— Вот, — сказала Лена, подтаскивая Уилла за руку к низким стульям у очага. — Садись. Я принесу тебе супа.

Она разжала руку, но он все еще чувствовал ее фантомное прикосновение. Затем медленно сел, глядя, как Лена суетится на кухне.

Здесь ей не место. Большую часть комнаты занимает очаг, создающий постоянную пелену тепла. Потолок заляпан сажей, столы тяжелые и поцарапанные от частого использования. Над главной скамьей висят связки лука и трав и медные горшки на металлических крючках. Атмосфера уютная и гостеприимная. А вот Лена вовсе не такая.

Из-под красных бархатных юбок кокетливо выглядывает пена нижней юбки, а корсет сужает и без того тонкую талию так, что Уилл мог бы обхватить ее пальцами. Лиф и вставки

на юбках украшают черные кружевные ленты...

Лена потянулась за миской, и кремовые холмики ее груди чуть не вырвались из лифа. Показался краешек черного кружева.

У Уилла зачесались руки.

Он вспомнил, как впервые увидел ее, спешащей по Петтикот-Лейн: серые шерстяные юбки развевались у лодыжек, а потрепанная шляпка едва защищала от дождя. Сжимая над головой мокрую газету, Лена поскользнулась на краю канавы, и бумага порвалась. Беспомощно усмехнувшись парочке уличных оборванцев, Лена пожалала плечами и выбросила газету. Звук ее смеха прошел через Уилла. Он почувствовал себя прохожим, заглянувшим в чужой дом. Радость исходила от нее, будто тепло от огня в холодную зимнюю ночь. Уилл ощутил почти зависть, ему захотелось протянуть руки и схватить немного ее искрометного счастья. Стащив шляпку, Лена подняла лицо к дождю; губы ее увлажнились, а ресницы затрепетали на фоне бледных щек. Уилл, засмотревшись, чуть с крыши не свалился.

Женщин он и в лучшие времена не жаловал. Родная мать продала его, как только стало ясно, что он вервульфен, и с тех пор Уилл подпустил к себе только Эсме. Через год жизни в Логове он перестал напрягаться, но от Лены у него шерсть вставала дыбом. Он испытывал странную неловкость, которой не понимал. Когда в трущобах объявился вампир, Уиллу поручили присматривать за младшими братом и сестрой Тодд и защищать их дом по ночам. Каждый день он тайком следовал за Леной на работу и провожал обратно. Всем знакомым уши прожужжал о своей тяжелой доле, но, по правде, наслаждался минутами, когда она появлялась на пороге мастерской и весело махала хозяину лавки. В мрачной жизни Уилла Лена стала яркой искоркой, вызывавшей желание, которого он прежде не испытывал.

Безобидная фантазия. Незнакомка, не представлявшая для него угрозы, как и он для нее. И только столкнувшись с Леной лицом к лицу, Уилл понял, как разительно может отличаться действительность от выдуманного образа. Выйдя как-то ночью на крышу в ночной рубашке, Лена уставилась на него, как на какого-то грубого увальня, и быстро оглянулась на свое окно.

Уилл не мог ничего сказать. Его ладони вспотели, горло перехватило, и он резко и неловко выпалил:

— Не успеешь. Если те от меня не сбежать, то от него подавно. Ты че, рехнулась, раз вылезла сюда, када эта тварь тут шастает? Или жить надоело?

Хуже не придумаешь. Лена прищурилась и выпрямила спину, точно королева перед самым низшим уличным бродягой.

Она заставила его чувствовать себя маленьким мальчишкой, который никому не нужен, кроме Старретта — да и тот просто на нем наживаетеся. Уилл поклялся, что больше не будет таким беспомощным, но вид Лены всегда бросал его в водоворот эмоций, и даже теперь голодная и злая его часть не находила покоя. Зверь бродил в груди, как волк в клетке.

«Нельзя давать себе волю. Ни за что».

— Ты мне ничем не обязана, — прямо сказал он, пока она суетилась на кухне. — Я и сам управлюсь.

Лена вынула из шляпки булавку и небрежно бросила на скамейку сперва головной убор, а потом и перчатки. Уилл заметил, как мелькнула гладкая кожа и отполированные ногти. Однажды она к нему прикоснулась, и он этого так и не забыл.

— Тебе всегда нужна пища после припадка. — Тихонько напевая, Лена начала наливать суп в миску.

— Эт не припадок. — Уилл ответил резче, чем намеревался, и она застыла. Мысленно ругая себя, он продолжил: — Мя трясет, тока када перенапрягся или потерял слишком много крови. А шас просто лечусь. Эт другое.

— Онория приказала мне накормить тебя. — Несмотря на напускное спокойствие Лены, он чувствовал, что нервирует ее. — Можешь спорить с ней, если хочешь, а я не собираюсь тратить время попусту.

Не услышав ответа, Лена продолжила свое занятие.

— Я и не знал, что ты умеешь кашеварить, — пробормотал Уилл, просто чтобы прервать неприятное молчание в комнате. — Неужто этому учат в модных гостиных?

Лена оторвала темные глаза от миски и, казалось, искренне удивилась его попытке поддержать беседу. Неудивительно, раз уж Уилл сознательно избегал ее три года.

— После смерти отца, когда мы переехали в Уайтчепел, я взяла на себя почти всю готовку, — ответила она, снова опустив ресницы и сосредоточившись на супе. — Онория всегда приходила с работы позже меня.

— Ты стряпала? — Он взял у нее миску и потянулся за ложкой.

Белокожая рука Лены была намного меньше его собственной. Они из разных миров.

— Не очень хорошо. — Улыбка вдруг осветила ее лицо.

Хренов ад! Уилл уставился на суп. В последний раз они виделись шесть месяцев назад. Уилл намеренно ее избегал и почти забыл, как Лена зажигала его кровь улыбкой, взглядом.

Небрежным поцелуем.

— А теперь ты ходишь по балам. — Он попытался насмешливо фыркнуть, но безуспешно. А набросившись на еду, едва не обжег себе небо.

— Мне нравится танцевать, — опасно прищурилась Лена. — И балы. Мужчины ведут себя как джентльмены. Приятное разнообразие.

— Ты еще не заключила контракт трэли. — Уилл ждал этой новости. Представлял, как один из голубокровных ублюдков прикасается к ней ртом и руками, посасывая ее сладкую кровь.

Щеки Лены запылали румянцем.

— Нет, я еще не решила. Спешить некуда.

— Некуда? А разве ты уже не засиделась в девицах?

— Мне всего двадцать, — проворчала она.

— Ага. Нравится водить их за нос?

— Я не об этом.

— Да ну, те оч даже по душе такие игры.

В глазах Лены мелькнуло опасное выражение. Она развернулась и схватила перчатки.

— Надеюсь, ты подавишься супом, большой волосатый увалень. Ты ничего обо мне не знаешь! Ничего!

Из ее рукава выпала бумажка и полетела на пол, словно умирающий мотылек.

— А, мы опять за свое? — Уилл отодвинул миску, чтобы суп остыл, затем наклонился и поднял бумагу. — Ты че-то уронила.

Лена замерла на пороге, потрогала рукав и оглянулась, в страхе округлив глаза.

— Отдай!

Уилл разорвал печать и расправил сложенную бумажку. Только он заметил жирные черные буквы, как Лена попыталась вырвать письмо.

— Верняк любовное. — Он развернулся и притворился, что читает.

Послышался шорох юбок, ноздри затопил аромат духов. Лена сжала плечо Уилла, пытаясь опустить руку ниже, и невольно прижалась грудью к его широкой спине. Все мысли о чтении вылетели из головы.

— Что ты знаешь о любовных письмах? — Она вскочила на стул и потянулась за бумажкой. Их лица оказались на одном уровне. Опасно близко. — Те женщины, что на тебя позарятся, стихов не пишут.

— С чего взяла? — бросил Уилл в ответ. — Знала б ты, какие стихи они мне на ушко шепчут.

— Фу, ты мерзавец.

Стул зашатался, их взгляды скрестились. Лена вскрикнула и, падая, ухватилась за Уилла. Тот почувствовал на руках бархатную теплую плоть. Оба сердца бешено забились.

Мир замедлился, и осталось лишь ощущение Лены в его объятиях. Их взгляды встретились, а потом Уилл нагло опустил взгляд на ее губы.

Лена округлила глаза и издала сдавленный вскрик.

— Поставь меня.

Уилл едва дышал от голода, который пытался вырваться и завладеть его телом. Он знал, что сияющий янтарь глаз стал ярче; почти ощутил жар в радужках, когда изменился их цвет.

— Уилл, твои глаза, — прошептала Лена.

Его губы обдало ее теплым дыханием. Яблоки с корицей. Уилл ясно чувствовал запах Лены и вдруг захотел попробовать ее на вкус.

«Не надо».

Отпихнув ее, он повернулся, сжимая бумагу в кулаке. Надо убираться отсюда. Подальше от ее аромата, от искушения сделать то, за что она никогда его не простит.

Наверное, Блейд с Онорией не ошиблись. Похоже, ему нельзя доверять.

— Уилл, тебя трясет, — прошептала Лена.

Уилл посмотрел на свои руки. Дрожь от них охватила все тело.

— Ты права. Видать, перенапрягся.

— Может, я пойду?

Кажется, у нее наконец-то проснулся инстинкт самосохранения.

Уилл кивнул, пытаясь держать себя в руках. Какого хрена с ним творится? Какая разница, нашла ли она... кого-то. Внезапно он снова стал задыхаться от гнева, а глаза заволокла красная пелена.

— Не над было приходить. Эт уже не твой мир. — Он специально говорил как можно резче.

Помолчав, Лена ответила:

— Я знаю. Не ожидала, что ты здесь окажешься. Ты никогда не приходишь сюда днем.

Вот почему она всегда появлялась именно в этом время.

— Ну и че ты не уходишь?

— А мое письмо?

За спиной послышались тихие шаги. Лена задела юбками ноги Уилла, а потом провела рукой по его руке, складывая письмо. То самое, которое ей так отчаянно хотелось вернуть.

Для подобной скрытности существовала лишь одна причина.

Уилл не смог остановить себя. Ему надо было знать в чем дело, пусть даже ответ вряд ли понравится. Лена вскрикнула, пытаясь вырвать у него письмо.

Они разорвали бумагу пополам и отшатнулись, сжимая каждый по клочку. Уилл

развернул свой. Ни букв, ни предложений. Он уже видел нечто подобное. Тот же чертов код, что и у поджигателя сливзаводов.

Сердце упало.

— Де ты взяла эту хрень? — прошептал он тоном, полным ледяного страха.

Лена издала полузадушенный всхлип и бросилась к двери. Уилл схватил ее за юбки, чувствуя, как по спине продрал мороз.

— Никуда ты не пойдешь, пока не скажешь, де ты, черт подери, это взяла?

— Подобрала, — солгала Лена.

От нее буквально несло горечью.

Уилл схватил ее за плечо.

— Садись, — прорычал он, толкая ее на стул, который она чуть не опрокинула. — Выкладывай, в чем дело. И не смей больше мне врать.

Уилл навис над Леной с хмурой гримасой, во весь рост в два с лишним метра, и потребовал:

— Выкладывай.

Глаза, блестящие жутким янтарным цветом, доказывали, что он не совсем человек. Лена отклонилась, держась за столешницу, и замерла, боясь шелохнуться, пусть стул под ней и шатался.

Сказать Уиллу правду она не осмеливалась и вместо этого, вздернув подбородок, спросила:

— А если нет? — И встретила его яростный взгляд.

Стук сердца отдавался в ушах. Уилл не причинит ей вреда. Однако она заметила, как дрожат его руки. Возможно, он перенапрягся. Или нет. Таким она его прежде не видела.

Уилл раздул ноздри, повернулся и ударил обеими руками по столу. Склонил голову и глубоко вздохнул. Потом еще раз.

— Я...

— Тихо. погоди минутку, — прохрипел он.

Лена сглотнула. Что с ним? Она выпрямилась, так что все четыре ножки стула коснулись пола. Часы на стене отсчитывали секунды. Каждый щелчок, казалось, растягивался, время замедлилось, а в комнате сгущалось почти невыносимое напряжение.

Внезапно Уилл поднял голову. Золотисто-каштановые волосы доставали до воротника, и он резко откинул их с глаз.

— Не лги, — предупредил, ткнув в Лену пальцем. В другом кулаке он сжимал смятый кусочек письма. — Де ты его взяла?

— Я не могу тебе сказать.

Уилл уперся обеими руками в стол за спиной Лены и наклонился ближе, поймав ее в ловушку.

— Иначе я щас к Блейду пойду.

Если он поговорит с Блейдом, тот расскажет Онории, а она... ну, сестра, наверное, накричит на Лену за глупость и за то, что влезла в это дело.

— Побежишь на меня ябедничать?

Главное — не обращать внимания на гневный взгляд цвета расплавленного золота.

Уилл никогда не поймет, что она пытается сделать, и Лена слишком хорошо знала, как рискованно впутывать других людей.

Он сжал ее подбородок пальцами и оскалился:

— Эт не игра. Я пойду к Блейду, потому что кусок те явно не по зубам. Я такие закорючки уже видал. У поджигателя сливзаводов. Лена, они ж принадлежат Эшелону, а он в порошок сотрет тех, кто эт сделал. — Он помахал перед ней письмом. — Че там Блейд — я страницу в «Таймс» накатаю, если так твоя башка останется на плечах!

— Будто тебе не все равно.

В полуприкрытых глазах Уилла мелькнуло непонятное выражение. Лена затаила дыхание. Как нелепо.

— Я не хочу, шоб ты пострадала, — наконец сказал он. — Твоя сестра с мя шкуру спустит, ежели с тобой что-то случится. Сама знаешь.

Глупо надеяться, что ему не все равно. Лена понурилась.

— Я пообещала другу, что доставлю письмо. Понятия не имею, что там. Может, список в прачечную.

— Ага, а я вроде как не ощущаю твою ложь.

— Это правда!

Самое тяжелое в ее деле — лгать друзьям и родным. Но если вовлечь их в заговор, кто знает, чем это обернется? Уилл прав. Эшелон убьет любого подозреваемого. Лена неловко посмотрела на письмо. Мандевилль сказал, что там лишь сведения о местах и времени встречи для одного из шпионов в Эшелоне.

Она посылала письма вороном этому загадочному заговорщику и получала ответы для мистера Мандевиля. Что, если в одном из писем было указание сжечь фабрики? Лене отчаянно хотелось побыть одной и подумать.

Внезапно мир стал намного опаснее.

— Лена! — зарычал Уилл почти по-первобытному.

Такой звук ожидаешь услышать в снежном лесу глухой ночью. Мурашки побежали по коже. Лена знала, каково быть добычей.

«Беги», — прошептал голосок внутри.

— Я... я...

Не желая больше играть в игры, Уилл сжал ее подбородок и уставился на нее горящими янтарными глазами. Лена перестала дышать. Бояться нечего, это же Уилл, но в глубине души она чувствовала опасность. Волоски на руках встали дыбом, а желудок словно налился свинцом.

— Я не...

На лестнице послышался смех. Лена с облегчением посмотрела на дверь. В кухню вошли экономка Блейда Эсме с мужем Рипом.

Уилл тут же выпрямился, отпустив подбородок Лены, и отвернулся, чтобы скрыть от друзей глаза и дать себе возможность усмирить внутреннего зверя. Сегодня он подобрался очень близко к поверхности, хищник, скрытый под мышцами и сильной плотью.

— Лена! — воскликнула Эсме. Ее черные волосы были затянуты в простой шиньон. Она взяла гостью за руку и поцеловала в щеку. — Я не знала, что ты сегодня придешь.

— Да вот, решила заскочить, — быстро ответила Лена. — Хорошо выглядишь. Замужняя жизнь тебе на пользу.

Эсме через плечо улыбнулась Рипу. Грозный гигант вначале пугал Лену тяжелой механической рукой и мрачным выражением лица. В первые несколько месяцев ее жизни в Логове с Онорией и Блейдом, Рип находился в начальной стадии вируса жажды. Она помнила его крики и то, как он в ярости крушил комнату. Даже Блейд не мог с ним справиться, его успокаивала только Эсме.

— А, Уилл, — немного сварливо заметила Эсме. — Вижу, ты отведал мой суп.

— Онория настояла, — объяснила Лена и сладко улыбнулась, когда Уилл повернулся. — Он потерял сознание.

Если б взглядом можно было убить...

При свидетелях ей ничто не угрожает. Но как только он застанет ее одну — а он изловчится, без сомнения, — то сделает с ней все, что пожелает.

Рип усмехнулся:

— Паренек, ты че, в обморок хлопнулся?

— Пришлось воспользоваться нюхательными солями, — ответила Лена, забирая со

стола шляпку и перчатки. Несмотря на неподвижную позу и бесстрастное лицо, Уилл явно внимательно за ней наблюдал.

— Лена, не хошь ли прогуляться? — угрюмо спросил он.

«Ни за что».

Она очаровательно улыбнулась:

— Боюсь, мне пора. У меня встреча с модисткой. Хотя я рада, что заглянула. Надо бы приходить почаще. — Еще одна явная ложь. Лена явится сюда только в том случае, если Уилла точно не будет.

Уилл шагнул к ней, но путь ему преградила Эсме. Он разочарованно остановился, однако пробиваться не осмелился. Только не в присутствии Рипа, бдительно охраняющего жену.

— Еще увидимся, — сказала Лена, глядя на Уилла.

Он долго тянул с ответом. А когда наконец открыл рот, она чуть не отступила прочь от его угрожающего тона:

— Скорей, чем ты думаешь.

Уилл захлопнул дверь, разглядывая маленькую квартиру. Здесь он жил, но домом она для него не стала. В ней не хватало тепла и смеха Логова. Он бросил куртку и зажег свечу, вдыхая вечерний воздух. Несмотря на то, что Уилл полдня провозился с делами Блейда в трущобах, запах жимолости на одежде так и не выветрился.

Он нахмурился и вынул кусок пирога из ледника. Думать о ней не хотелось. Лена решила, будто от него избавилась, но кое-что забыла.

В конце концов Уилл всегда настигал добычу.

В какую хрень ввязалась эта дурочка? Она носила при себе потенциально опасный документ. Если кто-то найдет его, возникнут вопросы. Если узнают его содержание — ее казнят.

Уилла прошиб холод. Навсегда стихнут ее смех и поддразнивания. Хотя присутствие Лены причиняло кучу неудобств, он никогда не желал ей зла. На самом деле от этой мысли волосы вставали дыбом, и внутри закипала ярость берсерка.

Уилл никогда так себя не чувствовал. Один взгляд на Лену, и его охватывали примитивные потребности, угрожая сокрушить защитные барьеры.

Стоило лишь представить ее в опасности...

Уилл замер и отложил вилку. Жилка на виске пульсировала. Он сделал глубокий вздох, потом еще один.

«Не думай об этом, пока не взял себя в руки».

Когда бы это ни случилось. С грубым смешком, Уилл снова взял вилку и вонзил в пирог. Затем откусил ароматное мясо... и услышал звук на лестнице снаружи.

Кто-то подкрадывался к его жилищу.

Кто-то сверхъестественно тихий.

Стиснув вилку крепче, Уилл тихо подошел к двери. Пахнет кожей, но никакого личного аромата. Значит, голубокровный. После инфицирования они лишались собственного запаха.

Уилл рывком открыл дверь, сцапал незваного гостя за горло и впечатал в стену.

Тот перехватил руку вервульфена и надавил большим пальцем на сухожилие, чтобы

ослабить хватку.

— Мир, — хрипло выдавил Блейд. — Ежели б я надумал тя убить, ты б меня не услышал.

Уилл с отвращением отпустил господина и отступил.

— Хренов ад! Те надо быть в постели. Онория знает, где ты шляешься?

— Канешн. Разве досюда наша ругня не донеслась? — Блейд расстегнул воротник. — Я не дряхлый старикашка и не могу валяться в постели еще несколько дней.

— Ты пыхтишь как кузнечные мехи.

— Дай отдышаться. — Блейд отвел взгляд. — Ты какой-то дерганый. Чо тя грызет?

Уилл впустил его и закрыл дверь. Из-за всей кутерьмы с Леной он теперь держался настороже, ожидая напороться на голубокровного в каждом углу.

— Какая-то проблема? Ты обычно просто так не навещаешь.

Блейд прижался бедром к столу и скрестил руки.

— Я не к месту? — спросил он тихо, но многозначительно.

Уилл рухнул в кресло, ковырнул пирог, но аппетит пропал.

— Не дури, те здесь всегда рады.

Друг долго на него смотрел, затем вздохнул, вытащил из кармана сверток и бросил Уиллу:

— А че ты об этом думаешь?

Тот поймал пергамент на лету и, развернув, поднес к свету. Наклонный витиеватый почерк. Буквы выведены золотом.

— Совет герцогов требует вашего присутствия на завтрашнем балу лорда Харкера в восемь часов, — медленно прочитал Уилл вслух. — На время мероприятия дом считается новой нейтральной территорией. Приведите Зверя. На этот вечер ему ничего не угрожает. — Опустив письмо, он встретился взглядом с Блейдом: — Ловушка?

Господин поскреб подбородок:

— Наверяд ли. Но эт какая-то игра. Черт, не понимаю. И с чего вдруг они хотят тя видеть?

— Ну. — Уилл смял пергамент в кулаке. — Я им ничо не должен, как и ты.

— Ага, но че им надо? — Блейд нахмурился. — Ненавижу подковерные игры. Канешн, я могу послушаться, но черт знает, чем все обернется. — Со вздохом он отошел от стола. — Я не жду, что ты пойдешь. Для тя опасен тот мир...

Стоп. Там точно будет Лена. Это сборище в ее духе. И она наверняка не ждет встретить в подобном месте Уилла.

«Думала, сбежишь, ага?»

— Там опасно для нас обоих, — медленно поправил Уилл. — Ежель ты пойдешь, то я тоже. — Он был охранником Блейда во всех отношениях. — И у меня есть еще планы. Чо б нам не принять милое приглашение и не узнать, какого энтим ублюдкам надо?

— А твои планы не касаются девок?

Уилл мрачно посмотрел на друга.

— Те нужна женщина, — прямо добавил Блейд.

Перед глазами Уилла возник образ: темные волосы, черные глаза, озорная улыбка. Его член напрягся.

— Женщина — эт последнее, че мне надо.

— Значит, те нужен не кто-то, а что-то. — Блейд осмотрел скудную обстановку. — Возвращайся домой, Уилл. Тут холодно и одиноко. Те здесь не место.

«Мне нигде нет места. На самом деле нигде». Он напрягся и отвернулся:

— Мы уже об этом говорили. Ответ — нет.

Блейд тяжело вздохнул:

— Лады. Тада я тя оставлю. Вас с мышами. Будь готов завтра к шести. А, еще кое-что.

Уилл?

— Чего?

— Побрейся. Это не смертельно.

— Мне нужно на воздух, — сказала Лена, обмахивая покрасневшее лицо.

Губ коснулись павлиньи перья, но она не обратила на них внимания, глядя на молодого красавца-герцога Мэллорина, который выводил из бальной залы герцогиню Казавиан.

Они возглавляли свои дома и состояли в правящем Совете. И раз герцог Гете ушел всего пять минут назад, все трое, вполне вероятно, встретятся, чтобы обсудить нечто важное.

Если повезет, то ситуацию со скандинавами.

Адель залпом выпила прохладный лимонад.

— А это разумно?

В ее безразличных зеленых глазах на мгновение мелькнула настороженность. Лена сжала руку подруги:

— Его тут нет, я проверила.

— Открой глаза, Лена, опасен не только Колчестер.

Лена кивнула. Многочисленные гости кружили в танце пестрым калейдоскопом. У стен стояла дюжина голубокровных, что попивали бладейн и следили за танцующими точно хищники.

— С тобой ничего не случится?

— Тут не только они вышли на охоту. — Улыбка Адель не коснулась глаз. — Я же говорила, что мне нужен покровитель.

— Будь осторожна. — Лена пожала ее затянутую в перчатку руку.

Герцог и герцогиня пропали. Улыбнувшись подруге в последний раз, Лена поспешила за ними.

Герцогиня Казавиан сегодня надела платье цвета темного баклажана, прекрасно оттенявшее ее медные волосы. Лена вышла из зала и, перегнувшись через балюстраду на втором этаже, осмотрела помещение, отделанное белой плиткой. Огромная лестница занимала большую часть прихожей. Около дюжины мужчин и женщин в ярких нарядах столпились на ступеньках и у входа. Была здесь и пара людей, судя по теплу их кожи и черным, словно вороново крыло, локонам. Видно, не настолько высокородных, чтобы заслужить дар инфицирования. Только представители лучших семей могли пройти через кровавый ритуал в пятнадцать лет, что свидетельствовало о статусе и престиже.

Даже принадлежность к голубокровным не гарантировала место в Эшелоне. Все несчастные, которых инфицировали случайно, считались вне закона. Они могли податься в Ночные ястребы, занять место в Ледяной гвардии, защищавшей Башню из Слоновой кости и Совет — или их убивали.

Такие люди, как Лена, могли отираться на задворках Эшелона, но по-настоящему стать его частью — никогда. Их место среди трэлей или потенциальных консортов, если родословная достаточно хороша.

Обойдя мраморную статую парящего ангела, Лена выглянула в коридор. Две дюжины знаменитых родственников лорда Харкера раздраженно возрились на нее со стен. Лена поспешила в другую сторону, шурша изумрудно-зелеными юбками.

Но стоило ей миновать огромные напольные часы на самом верху лестницы, как все стихло.

Два лакея с бесстрастными лицами распахнули главные двери, и вошел Блейд,

помахивая тростью с эбонитовым набалдашником. Он бросил цилиндр ожидающему слуге и поздоровался с изумленными гостями на лестнице. Другой лакей проходил мимо с подносом бладейна, и Блейд подхватил один бокал, с интересом осматриваясь.

За ним по пятам шел Уилл, явно одолжив у кого-то тесный в плечах черный пиджак. А еще серый сюртук и начищенные ботинки. Пламя свечей отражалось в его волосах медными бликами. Уилл возвышался над слугами. Несмотря на вышколенность, двое из них убрались с его пути, точно испуганные зайцы. Уилл глянул им вслед голодным взглядом, будто собрался догонять.

Лена затаила дыхание, побледнела и прошептала:

— Уилл.

«Какого дьявола он тут делает?»

Он застыл, подняв голову, словно лев, почуявший газель, и остановил на ней горящий янтарный взгляд. Вервильфен угрожающе улыбнулся, и Лена отступила на шаг.

— Позже, — одними губами пообещал он.

Сердце безумно колотилось в груди. Лена отвернулась. На мгновение она решила, что он пришел сюда за ней. Глупость. Ведь за его голову назначена награда. Что он делает в самом сердце Эшелона? Его собратьев сажали в клетки или на цепь. Если Уилл вляпался в неприятности...

— Сэр... Блейд, — пришел в себя дворецкий. — Господин Уилл. Сюда, пожалуйста, лорд Бэрронс вас ждет.

Лео. У них какие-то дела с ее сводным братом. Лена разжала руки и отпустила юбки. Зачем Лео приглашать их сюда, когда мог сам с легкостью явиться в Уайтчепел? Ее сводный брат — один из немногих эшелонцев, которым Блейд доверял настолько, чтобы впускать на свою территорию.

Дворецкий повел их через прихожую в один из нижних коридоров. Прямо перед тем, как исчезнуть, Уилл поднял голову и пристально посмотрел на Лену. Он прожег ее взглядом, вызвав смесь страха и непонятого нервного предвкушения.

Боже. Она выдохнула и подвинулась ко второму коридору. Надо выбраться отсюда, пока Уилл ее не нашел.

Но сперва нужно кое-что узнать: вдруг получится подслушать, чем там заняты члены Совета.

Затем Лена собиралась изобразить обморок, что с таким учащенным сердцебиением проще простого.

— Будь готов к чему угодно, — прошептал Блейд, пока они шагали по коридорам поместья лорда Харкера.

Уилл пожал плечами, внимательно присматриваясь к теням. Нет нужды напоминать. Он балансировал на грани с тех пор, как они вышли из чертова экипажа. Здесь, в самом сердце общества, было опасно. Нужно держаться начеку; больше никаких сюрпризов.

С него хватило и одного на сегодня: Лены. Хоть Уилл и ожидал встретиться с ней, даже предвкушал эту возможность, ее вид сразил его наповал. Она всегда одевалась красиво, но в окружении теней, когда свет газовых ламп подчеркивал мягкие изгибы ее тела... Лена была сногшибательна.

Ее волосы, подхваченные элегантным гребнем, спадали на плечо сложным каскадом

кудрей. Изумруды в глубоком декольте зеленого платья привлекали взгляд ниже. Уилл жаждал оказаться с ней наедине. От предвкушения кровь закипела, разбудив все чувства.

Он просто пока не знал, хочет ли придушить ее или поцеловать.

Дверь открылась, и обволакивающий золотистый свет прорезал тени. Уилл быстро обуздал мысли. Не время отвлекаться, а то еще глотку перережут.

Появился мужчина, стройный и крепкий, с ног до головы одетый в черное. Он двигался с опасной грацией фехтовальщика. Внимательные глаза настороженно разглядывали полутемный коридор. В ухе блеснул бриллиантовый гвоздик, и хоть голубокровный не захватил оружия, вокруг него витала аура мрачного насилия.

Лео Бэрронс, опекун Лены и, вероятно, единственный голубокровный, кроме Блейда, которого Уилл терпел.

— Блейд. — Бэрронс протянул руку и быстро огляделся, но Уилл знал, что он заметил все, от узора красных ковров до верхней одежды гостей. — Вы как раз вовремя. Принц-консорт появится с минуты на минуту.

— Сам консорт? — Блейд вскинул бровь. — Бож, я им, должно быть, позарез нужен, иначе его королевская бледность сюды б и носа не сунула.

Бэрронс хмыкнул и предупреждающе покачал головой:

— Остальные в комнате. — То есть Блейду надо заткнуться. Наследник Кейна обратил свое внимание на вервульфена: — Уилл, ты прямо настоящий великан.

— Да он скоро меня по миру пустит, — пробормотал Блейд.

Уилл холодно на него посмотрел:

— У мя щас свое жилище.

— Ага, но всякий раз, стоит мне отвернуться, ты на моей чертовой кухне. — Судя по натянутой улыбке, Блейд играл на публику — для Бэрронса и остальных, — но ни на секунду не забывал, куда они пришли.

— Входите, — сказал Бэрронс, указывая на дверь. — Я пошлю за бладвейном. Уилл, а ты чего-нибудь хочешь? Вина или эля?

Уилл бросил на него долгий взгляд. Ни за что, черт побери, он не станет есть и пить в этом особняке.

— Предпочитаю ясную голову.

— А, стоический телохранитель.

— Кому-то ж над прикрывать Блейду спину.

Бэрронс с Блейдом переглянулись, и господин подошел к двери.

— Они не воткнут нож мне в спину. Так не принято. Разве шо в переулке поймают врасплох. Это просто игры. Пошли, Уилл, узнаем, че надо Совету.

Врасплох... например, в гостиной поместья в самый разгар бала.

Уилл пошел за остальными, готовясь в случае чего напасть. На входе у него отобрали оружие, но это неважно. Его тело само по себе оружие.

Комнату освещал камин. Танцевали тени. Уилл поднял голову, привлеченный резными панелями на стенах и расписанными потолками. Он никогда в жизни не видел столько позолоты.

И шелковых занавесок. Какая, мать их, ирония. Половина жителей Лондона едва платила непомерные налоги, а тут у лорда такой богатейший домина, что можно кормить Уайтчепел год, а то и пять.

«Ты сюда не на мебель пялиться пришел». Уилл опустил взгляд, а Блейд наоборот

повернулся и задрал голову.

— Черт, глянь сюды. Какое зрелище на потолке. Все энти херувимы и облака.

— Благодарю, — произнес холодный голос. — Это поместье принадлежит моей семье уже восемь поколений.

Уилл сузил глаза. Похоже, мужчина у камина, сцепивший руки за спиной, — лорд Харкер.

Остальные сидели полукругом возле хозяина. Уилл узнал женщину — единственную голубокровную в Англии. Леди Арамина, герцогиня Казавиан. С ней он уже был знаком, но не доверял выражению ее глаз. Однако когда жизнь Блейда зависела от Совета, голос герцогини оказался решающим. По какой-то причине, будь то каприз или политика, она позволила ему жить.

Тут же стоял высокий мужчина с ястребиным носом и аккуратной бородкой. Редкие седые пряди в волосах — скорее признак утонченности, а не возраста и слабости. Мандерли, герцог Гете. И он тоже проголосовал за Блейда.

Последним был юный лордик, что, раскинувшись в кресле в стиле Людовика XIII любовался игрой света в бокале бладвейна. На пальцах блестят кольца, воротник небрежно расстегнут. У сапог стоит полупустая бутылка. Уилл его не узнал, но судя по печатке с грифоном, это Оври Кэвилл, молодой герцог Мэллорин. Он — наименьшая угроза. Уилл снова посмотрел на Гете, понимая, кто самый опасный в этом зале.

Они все проголосовали за Блейда. Уилл чувствовал, что все здесь буквально пропахло политикой. Спертый воздух напоминал запах съеденного молью пальто. Принц-консорт чего-то сильно хочет.

— Как поживает ваша жена? — спросил герцог Гете.

— Любопытная и упрямая, как всегда. — Блейд искренне улыбнулся и смягчился.

— А как идет ее исследование? — подала голос герцогиня.

Она могла узнать об этом, только если за Логовом следили. Уилл прищурился. Никто из троих не выказал удивления. Значит Совету, скорее всего, известно, что происходит в вотчине господина.

Когда они отсюда выберутся, придется этим заняться.

— Ей нравится с энтим возиться, — ответил Блейд, пожав плечами. Он вел игру намного лучше Уилла. — Считает, будто как-нибудь мя вылечит.

— А вы в нее не верите? — спросила герцогиня, отпивая бладвейн.

Огонь камина превратил ее медные волосы в горящую корону на голове, но, несмотря на карие глаза цвета бренди и румяна на щеках, от нее веяло холодом. Маленький механический паук прошелся по ее плечу, связанный отличной стальной цепью с булавкой на груди. В стеклянном куполе тельца насекомого виднелись искусные медные шестеренки. Уилл уже видел такую вещицу. Переверни паучка на спину, и окажется, что к животу прикреплены часы.

— Ну, пока она занята, то и у меня под ногами не путается, — недобро ухмыльнулся Блейд. — Всем известно, шо от вируса нет лекарства.

— Да, но ее отец — сэр Артемий Тодд. Разве не он — тот самый гений, что придумал все это оружие для Вickers, пока вы его не убили? Я слышала, Тодд еще тогда был на пороге открытия лекарства. Возможно, вашей жене известно, в чем заключались его труды?

Блейд часто был весьма расчетливым, но не когда дело касалось Онории. Он оскалился, и хотя некоторые назвали бы эту гримасу улыбкой, Уилл знал, что как раз так господин

выглядит перед тем, как перерезать кому-то горло.

— Мож, и так. Например, яды, что срабатывают на голубокровном, или пистолет с пулями, что взрываются в груди. Но ничо о лекарствах, принцесса.

К чести герцогини, она и глазом не моргнула, лишь взяла механического паучка и положила на руку.

— Как вижу, рыцарство не облагородило ваши манеры.

— А вы чо ожидали?

— Блейд, полвека назад вы были опасны, но времена меняются. Наши источники уже не те. Если бы мы захотели избавиться от вас, то просто послали бы огнеметы сжечь трущобы дотла. — Герцогиня налила еще бладвейна в бокал и помешала, как чай. Словно говорила не о войне. — Сейчас вы... помеха. С глаз долой из сердца вон. Как постыдный кузен, черная овца, которая всем мозолит глаза.

— Ежели вы пытаетесь умаслить меня и че-то получить, принцесса, то плохо справляетесь.

Герцогиня перестала мешать, три раза постучала ложкой по кубку и отложила ее. Затем, мазнув по гладким бледным щекам густыми черными ресницами, подняла взгляд миндалевидных глаз.

— Кто сказал, что мы что-то хотим от вас?

Все повернулись к Уиллу.

Лео поморщился:

— Я хотел вас предупредить...

Волосы на затылке Уилла встали дыбом. Он сложил руки на груди и раздраженно уставился на присутствующих:

— Нет.

— Вы даже не выслушали предложение, — промямлил молодой герцог Мэллорин.

— Мне эт не по вкусу, как и Блейду. И я вам не доверяю. — Он посмотрел на молодого павлина и оскалился. — Да я с таким напыщенным щеголем одной левой справлюсь.

Мэллорин лениво посмотрел на вервильфена, одним движением выхватил нож и заставил тот балансировать на кончике пальца.

— Для этого надо подобраться близко.

— Оври, довольно, — пробормотал Бэрронс.

Аристократы переглянулись, без слов бросая друг другу вызов. Мэллорин пожал плечами. Нож исчез.

— Ты стал таким занудой, Бэрронс.

— Давайте хотя бы притворимся, что мы — джентльмены. — Наследник Кейна элегантно опустился в кресло у камина и положил лодыжку на колено. Несмотря на внешнее спокойствие и лениво полуприкрытые глаза, он внимательно разглядывал зал.

— Эт вам чет от нас надо, — ответил Блейд, опускаясь в другое кресло. Он пощупал обивку и остался ею доволен. — Я всегда говорил: не доверяй тому, хто держит клинок у тваво горла.

Уилл был начеку и услышал звуки в коридоре. Три разных походки, звук приближался.

Дверь открылась, и вошла пара элитных представителей Ледяной гвардии. Они служили в свите принца-консорта и сторожами Башни из Слоновой кости. Их забрали из семей, когда стало известно об их инфицировании, отправили в специальные лагеря при Башне и научили убивать. Уилл оглядел обоих. Один из них внимательно и настороженно посмотрел в ответ,

но не испугался. Значит, потенциальный противник.

Новый гость был выше своих охранников. С густыми каштановыми волосами и остекленевшими почти бесцветными глазами. Он вошел в зал с видом повелителя. Длинный красный плащ развевался у бедер, а блестящая металлическая пластина защищала грудную клетку.

Уилл всегда считал, что принц-консорт постарше, и с удивлением обнаружил, что тот, вероятно, младше Блейда. Став регентом почти тридцать лет назад, он провел юную смертную принцессу через предательские течения Эшелона после свержения ее отца. А десять лет назад, когда она достигла совершеннолетия, женился на ней, дабы упрочить свое положение.

Тот факт, что именно принц-консорт и сверг короля, обычно не упоминался в приличном обществе.

— Ваше высочество. — Мужчины встали и поклонились.

Принц-консорт подошел к огню погреться. Подняв голову, он изучил Уилла ледяными голубыми глазами.

— Значит, вот он какой, Зверь Уайтчепела?

Уилл низко зарычал. Оба стража Ледяной гвардии выпрямились и положили руки на пистолеты.

Принц-консорт слегка усмехнулся, и Уилл заставил себя расслабиться. Чертовы игры. Проверка: что он — человек или чудовище.

Повелитель осмотрел зал:

— Вам рассказали, зачем вас сюда позвали?

— Вы чет от меня хотите, — ответил Уилл.

Неудивительно, что они захотели устроить встречу здесь. Могли выбрать любое место в городе, если бы это касалось только Совета. Но принц-консорт — другое дело.

— У меня есть предложение... Выгодное... для вас.

— Как мило, что вы печетесь о моих интересах, — протянул Уилл.

Принц-консорт снова вкрадчиво улыбнулся:

— Ну да, выгода обоюдна. Но давайте без обиняков. Я не собираюсь использовать вас без вашего ведома. И вы получите неплохую компенсацию.

Будто Уилла заботили деньги.

Тут заговорила герцогиня:

— Ходят слухи, что французы ведут переговоры с просвещенными фанатиками из Новой Каталонии. Новости по меньшей мере тревожные.

Вервульфены — естественные враги голубокровных, единственно опасные существа, способные с легкостью покончить с кровососами. Но в глазах Просвещения любое подобное создание считалось мерзостью и подлежало уничтожению. Рассказов об Инквизиции Новой Каталонии было достаточно, чтобы даже истинные храбрецы содрогнулись.

— И чем я могу помочь? — спросил Уилл.

— Мы не единственная страна, интересующаяся ситуацией по обе стороны Ла-Манша, — ответил Бэрронс. — Если Просвещение воцарится во Франции, у них будет доступ в северные воды и все французские дирижабли. Мы рассматриваем союз со Скандинавией, чтобы этого не допустить. У нас есть корабли и дредноуты, а у скандинавов — драккары и воздушный флот.

Хренов ад! Уилл хрипло расхохотался:

— Вы чо, считаете, будто скандинавские кланы объединятся с вами? С Мясниками Каллодена? вспомните, чо вы творили с тех пор. Все вервульфены в клетках, продаются и покупаются, как чертовы рабы.

Блейд схватил друга за руку и сделал шаг вперед. Предупреждение. Уилл отмахнулся, пытаясь стряхнуть красную пелену ярости. Кровь глухо стучала в ушах.

— Каллоден был давным-давно, — холодно отозвался принц-консорт. Его охрана выступила вперед, будто опасаясь нападения, но он устроился в кресле и стряхнул пылинку с рукава.

— Кому как.

— Каллоден был ошибкой, — раздался голос Бэрронса. Все повернулись к нему, и он пожал плечами, будто просто признал то, что остальные стыдились озвучить. — Нельзя уничтожить целую расу без последствий. Убийство шотландских кланов вервульфенов вызвало лишь гнев. Но это ошибка наших предков, и мы не можем ее отменить, Уилл.

— А Манчестерские Ямы? Куды нас бросают с дикими собаками и медведями как приманку? Или выставляют вервульфенов друг против друга заради кровавой забавы?

— Это частные предприятия, — ответил принц-консорт, медленно барабаня пальцами по подлокотнику. — Большинство их владельцев — люди.

Значит, ему плевать. Уилл знал, каково быть запертым в клетке и переносить боль на потеху толпы. И тем не менее ничего нельзя сделать. Вервульфены в Британии вне закона и их поимка и порабощение не только легальны, но и всячески приветствуются.

Глядя на бледное бескровное лицо принца-консорта, Уилл едва сдерживал кипевший в нем гнев.

— А чо скандинавские кланы думают о вашей политике?

Принц-консорт перестал постукивать пальцами.

— А что делают с голубокровными в Скандинавии? — Он натянуто улыбнулся. — Как я готов закрыть глаза на некоторые события ради лучшего будущего, так и они могут. Угроза с Континента слишком велика, чтобы переживать о частностях.

Уилл посмотрел на него с ненавистью:

— Вот тока я не настолько услужлив. Обратитесь к другому.

Развернувшись, он кивнул Блейду. Хватит. Аудиенция закончена.

— Даже ради десяти тысяч фунтов? — прошептал принц-консорт, но Уилл услышал его и мрачно рассмеялся.

Эшелон. Они считают, что могут купить любого, отвалив его вес золотом.

Уилл уже положил руку на дверь, когда заговорил Бэрронс:

— А если мы предложим то, что вас интересует?

— Меня не купить, даж тебе.

— А если в оплату мы изменим закон?

Уилл застыл, так и держась за дверную ручку.

Как будто получив позволение, Бэрронс приблизился, мягко ступая по пушистым коврам.

— Если ты поможешь нам подписать договор со Скандинавией, мы готовы внести некоторые изменения в закон. Больше никаких клеток и охотников за головами. Если хочешь, мы запретим Ямы.

Уилл затаил дыхание и повернулся. Пятеро голубокровных бесстрастно смотрели на него. «Вот и попался».

— На кой я вам так нужен? Вы ж, похоже, уже почти все утрясли сами.

— В каждом лагере есть оппозиция, — поморщившись, ответил Бэрронс. — Норвежские кланы уверены, что мы им не нужны, и пара членов нашего Совета против переговоров.

Уилл осмотрелся. Значит, здесь присутствовали те, кто не только голосовал за Блейда, но и хотел заключить этот мирный договор.

— И я должен умаслить норвежские кланы?

— Они старомодны, — ответил принц-консорт. — И грубы. Но способны повлиять на Риксдаг. Нам надо показать, что наши расы могут жить в мире. — Он улыбнулся шире. — И ты — идеальный представитель. Ты им точно понравишься.

— Похож, он тока шо назвал тя грубияном, — пробормотал Блейд.

Уилл не обратил внимания:

— Ежели я сумею уговорить норвежские кланы встать на вашу сторону и подписать договор, тада местные вервульфены больше не будут вне закона?

Принц-консорт кивнул.

— Мне нужен документ. Подписанный вами и заверенный свидетелями.

Правитель прищурился:

— Согласен.

— Эт не все. Пусть Ямы объявят вне закона. Всех вервульфенов в клетках или в рабстве отпустят, и дадут им равные права с людьми... и голубокровными.

Принц снова кивнул.

— И, понятное дело, вы отмените награду за мою голову. Я смогу бывать, где хочу.

Больше не придется тайком пробираться в город, бегая ночью по крышам. Уилл получит свободу. Сможет гулять по улицам, не опасаясь, что его убьют или посадят в клетку.

Принц-консорт безразлично махнул рукой:

— Мне и об этом тебе документ выдать?

Уилл оскалился:

— А как же.

— Прямо по нотам разыграл, — хмыкнул Блейд, забираясь в паровой экипаж.

Уилл кивнул Рипу, сидевшему в кучерской ливрее и плотном плаще. Под одеждой скрывался настоящий склад оружия вкупе с тяжелой механической рукой, которая в обществе не приветствовалась. На запятках экипажа стоял Дровосек, еще один из людей Блейда. Свет отразился от металлической пластины на его голове. Он был нем, но умело управлялся с ножом.

— Отвези его домой, — попросил Уилл, хлопая Дровосека по плечу.

Блейд выглянул из окна:

— А ты куда?

— Отдать должок.

— В одиночку?

— Ну, мя ж помиловали, — заметил Уилл. — Че б не воспользоваться?

Блейд помолчал, затем попросил:

— Будь осторожен.

— Как всегда.

Уилл вернулся на бал. Несмотря на гнетущее присутствие голубокровных, на его губах заиграла улыбка.

«На этот раз Лене не уйти».

Ни следа ни герцога, ни герцогини.

Лена тихонько фыркнула и пошла обратно по коридору. Нельзя, чтобы ее поймали здесь в одиночестве. Как бы ни хотелось узнать больше о мирном договоре со Скандинавией, Лена не настолько глупа, чтобы самой обыскивать комнаты на балу, полном хищников.

Она вернулась в шумный вестибюль и, высматривая некоего вервильфена, с которым не желала столкнуться, шагнула в бальный зал.

Пора уходить. Надо только найти Адель и ее мать, что сегодня выступала в роли компаньонки, а потом притвориться усталой. Лена слабо улыбнулась и двинулась по краю зала.

Сделав полный круг, она снова вернулась к парадному входу. Адель была в белом, как приличествовало женщине, ищущей покровителя, но среди дебютанток ее не оказалось. Легкий холодок страха зародился в груди. Не пошла же она в дамскую комнату? Адель знала о последствиях не хуже Лены. В зале у них обеих оставалась хотя бы иллюзия безопасности.

Если только... Адель не ушла намеренно. Возможно, кто-то согласился взять ее в трэли.

Лена поспешно направилась вдоль окон, вглядываясь в темные сады. Адель, хитрая, умная Адель, в жизни бы снова не рискнула своей репутацией без железобетонного аргумента в виде контракта трэли на руках.

Улыбнувшись ее матери, которая сплетничала с другой матроной, Лена пробралась сквозь толпу в прихожую. На лестнице медленно тикали старинные часы, но в помещении было пусто.

Может, Адель все же в уборной?

Открыв дверь, Лена столкнулась с герцогиней Казавиан.

Аристократка подхватила ее сильными бледными руками. Много лет назад отец инфигировал Арамину, чтобы после его смерти, их род не канул в небытие. Ее должны были объявить вне закона, но их дом был одним из Великих. Она каким-то образом пережила множество покушений на свою жизнь. Ходили слухи, что герцогиня шантажом завладела властью, заставив Эшелон принять себя.

— Простите, я искала подругу.

Арамина прищурилась:

— Вы — подопечная Бэрронса?

Слишком поздно Лена вспомнила о кровной вражде между герцогиней и своим сводным братом.

— Да.

— Девушке не стоит бродить здесь одной. Опасно.

— Я знаю. Не могу найти подругу... а без нее не вернусь.

Глаза цвета бренди зажглись в раздумье. Герцогиня поджала подкрашенные рубиновой помадой губы:

— Я поищу. Как ее зовут?

— Адель Гамильтон, — сказала Лена, с облегчением прислонившись к стене. — Она в белом.

Герцогиня застыла, положила ладонь на дверную ручку.

— Знакомое имя. Разве не ее застали с лордом Фенвиком в прошлом году?

— У нее не было выбора, — призналась Лена, сомневаясь, что герцогине есть до этого дело.

«Все, конечно, знают правду».

Окинув Лену долгим взглядом, герцогиня вышла:

— Я найду вашу подругу. Оставайтесь здесь, в безопасности.

Лена резко обмахнулась веером. Она и представить не могла, что ей поможет герцогиня Казавиан, известная своим холодным поведением и ледяным характером.

И ненавистью ко всему, связанному с домом Кейна, включая Лео.

Зачем помогать подопечной своего врага?

«Если только она вовсе не собирается искать Адель...»

Лена медленно обмахнулась черным кружевным веером. Герцогиня приказала ей оставаться тут, а не возвращаться на бал, где, скорее всего, безопасно. Вряд ли голубокровный лорд заявится в дамскую комнату, но для ловушки лучше места не сыскать. Темно, уединенно... Достаточно далеко, чтобы никто не услышал ее криков из-за музыки.

Герцогине останется только найти одного из наиболее опасных молодых повес и прошептать ему пару слов на ушко. А потом репутация Лены будет загублена — еще одна пешка в игре между Лео и Араминой.

Тут нельзя оставаться.

Бросившись к двери, Лена выбежала в темный коридор. Кто-то притушил газовые лампы, или просто воображение разыгралось? С колотящимся сердцем она поспешила к бальному залу.

Но слишком поздно уловила краем глаза движение в тени. Кто-то вышел из-за статуи ангела и заткнул ей рот большой загорелой рукой. Нет!

Лена округлила глаза. Ее прижали к мощной мужской груди. Затем незнакомец потащил добычу в одну из множества темных комнат, пока она беспомощно лягалась.

Лена попыталась закричать и стала молотить ногами в туфлях по голеним Уилла. Хищная улыбка сошла с его губ. Он хотел просто застать Лену врасплох, но ее страх пробудил все опасные инстинкты.

— Тс-с, — прошептал он ей на ухо, вызвав дрожь. — Лена, это я, Уилл.

Она тут же обмякла, так что пришлось ее подхватывать. С рыданием повернулась к нему, уткнулась лицом в его грудь, вцепилась в рубашку, опасно близко к сердцу. Уилл застыл, держа руку над головой Лены.

Что ее так напугало? Вряд ли его действия, судя по тому, что она расслабилась. Значит, ожидала кого-то другого. От этой мысли глаза заволочла алая пелена. Волоски на затылке встали дыбом, а в горле зародилось рычание.

— Лена?

— Я в порядке, — отрезала она и стукнула по его руке кулаком. — Ты что, хотел, чтобы я от страха на десять лет состарилась?

Уилл едва почувствовал удар.

— Че шарахаешься? Кто на ты охотится?

Лена застыла. Она разжала пальцы, отпустив его рубашку, и отступила на шаг, громко шурша юбками.

— Никто за мной не охотиться.

Ложь.

— Кроме тебя. — Она прищурилась. — Что ты здесь делаешь? С ума сошел? Они разорвут тебя на части!

— Мне дали безопасный проход на ночь.

— Почему? — На лице Лены промелькнуло беспокойство. Она коснулась руки Уилла затянутой в перчатку кистью. — Не верь им. Не позволяй впутывать себя в их планы. Если есть способ обойти свое обещание, они его найдут.

Интересные слова от женщины, которая годами мечтала о жизни в Эшелоне.

Уилл посмотрел на маленькую руку на своей и понял, что они одни в темной комнате.

И взглянул на низкий вырез и холмики груди. Лунное сияние пробивалось через шторы, придавая ее плоти волшебный блеск. Красавица. Богиня ночи, окруженная серебристым светом. Каждый изгиб манил, приглашая коснуться, огладить скрытые платьем формы. Боже! Член напрягся под бриджами. Уилл почти чувствовал теплый аромат ее кожи.

Он отступил на шаг и стряхнул руку Лены:

— Ты мне пару ответов задолжала.

— Нет времени. Не сейчас.

Уилл схватил ее за запястье, погладил большим пальцем чувствительную кожу.

— Так отыщи.

Лена пошатнулась и в поисках опоры другой рукой легко уперлась в его грудь. Видимо, что-то мелькнуло на лице Уилла, так как она глубоко вздохнула:

— Пожалуйста, не сейчас. У меня дело.

— Конечно.

— Ты не понимаешь. Мне надо найти подругу. Кажется у нее неприятности.

Ее запах стал горьким и острым. Страх. Уилл отпустил Лену, глядя в лицо в форме сердечка.

— Какие неприятности?

— Если голубокровный застает девушку одну... У них такая игра. — Лена машинально потеряла запястье.

— Продолжай.

— Адель никогда бы не пошла добровольно. Она знает о последствиях. Пожалуйста, мне надо ее найти, пока не стало слишком поздно.

— Одна ты не пойдешь.

— Если кто-то увидит меня с тобой...

Ее репутации конец. Уилл на минуту почувствовал соблазн так и сделать. Лена никогда не сможет вернуться в этот мир, если ее застанут наедине с вервильфеном.

Но она сделала свой выбор. Ей хотелось именно этого. Сама же призналась, что в Уайтчепеле для нее ничего не осталось.

Уилл прошептал ей на ушко:

— Тогда они мя не увидят, но я там буду.

Если ему не показалось, Лена на мгновение затрепетала.

Бэрронс поднимался по лестнице под мелодию вальса, доносящуюся из бального зала. Он надеялся успеть переговорить с Уиллом до его ухода, но вервильфен исчез.

Посмотрев в один из коридоров, Лео заметил мелькнувший край юбки цвета баклажана и притягательный блеск медных волос.

И остановился.

Интересно.

Вальс манил, смех гремел, но ноги почему-то сами понесли его по коридору.

Тихо проскользнув в комнату, Лео оказался в темной гостиной. Лунный свет проникал через окна, освещая блестящие волосы герцогини Казавиан. Она застыла на пороге смежного зала, склонив голову, будто прислушиваясь.

— Ищете что-то или кого-то?

При этих словах она вздохнула и развернулась, холодно сияя глазами.

Лео прислонился к закрытой двери, сложив руки на груди.

— Не ваше дело, Бэрронс. — Арамина чувственно скользнула к нему, без стеснения демонстрируя кремовую плоть в декольте.

Хитрость, чтобы привлечь мужской взгляд и отвлечь от ее рук.

Дураком Лео никогда не был и признавал опасность. Герцогиня мечтала о смерти его и герцога Кейна, чтобы покончить с их домом. *«И все же... вид очень впечатляет».*

— Прочь с дороги, — приказала Арамина, сделав еще шаг и задев лодыжки Лео пышными юбками. Как будто ожидала, что он послушается.

— А зачем? — Лео приблизился. Герцогиня вскинула подбородок. — Красивая ночь, красивая женщина. — Он с дразнящей улыбкой обвел рукой комнату. — И мы совсем одни.

Арамина отреагировала незамедлительно. Лео поймал ее запястье, лунный свет отразился от драгоценной рукоятки клинка. Их глаза встретились. Герцогиня и не подумала заволноваться, только вскинула бровь.

Ледяная принцесса.

Внезапно Лео захотелось растопить ее холодную маску.

Развернув добычу спиной к двери, он заставил ее поднять кисть с кинжалом выше. Герцогиня Казавиан попыталась ударить его другой рукой, но он поймал и эту и крепко прижал к деревянной поверхности.

Арамина затаила дыхание.

— Не думайте, что так я менее опасна.

— Ни в коем случае, — прошептал он, чувствуя запах ее духов. Пряная корица. Очень соблазнительно. Почти достаточно, чтобы ослабить хватку и прижаться к Арамине.

Почти.

— Коленом по яйцам? — спросил он.

Она холодно улыбнулась:

— Лучше ножом.

Лео поморщился:

— Вы беспощадны, моя дорогая.

— Бывает.

Арамина опустила взгляд и посмотрела на его рот.

Лео застыл. Как только ее черты смягчились, он потянулся к ней как мотылек к пламени. Эта женщина — его враг, их дома вели кровавую междоусобицу. И однако он не мог отрицать, что леди его завораживала.

— Я тоже могу быть беспощадным, — прошептал Лео, наклоняясь к ней. — Но вы же не возражаете?

Она облизнула губы и повернула голову. Лео обдал дыханием кудри у ее ушка. С колотящимся сердцем провел губами вдоль ее челюсти. Сладкое биение сонной артерии доказывало, что Арамина не настолько равнодушна к нему, как показывает. Он поцеловал жилку. Ему стало жарко, член напрягся. Руки Лео сами собой легли на бедра герцогини.

— Вам не мешало бы присматривать за своим домом, — прошептала она.

Лео лизнул изгиб ее шеи и поцарапал зубами вену. Боже, как ему хотелось ее крови.

— О чем это вы?

С тихим смешком Арамина повернулась к нему, коснулась губами щеки и зашептала на ухо:

— Бэрронс, где ваша подопечная?

Что-то острое прижалось к его паху. Нож.

Лео зашипел:

— Что вы с ней сделали?

— Я? Ничего. — Арамина встала на цыпочки и потерлась грудью о его грудь. — Это было так просто.

Из-за кинжала ему пришлось отступить. Арамина открыла дверь и небрежно оглянулась через плечо. Оружие уже исчезло.

— Я собиралась оказать девчонке услугу. Она мне нравится. — На губах герцогини промелькнула улыбка. — И ею можно воспользоваться. — Скользнув за порог, Арамина бросила: — Ваша подопечная в дамской комнате.

Лена шла по коридору, проверяя комнату за комнатой. Кожа на руках и шее покрывалась мурашками под взглядом Уилла. Он держался в тени, однако его незримое присутствие придавало уверенности, коей Лена уже давно не испытывала.

Закрыв дверь в кабинет лорда Харкера, она застыла. Что это? Тихий плач во тьме? Тихонько подойдя к библиотеке, она прислушалась.

Вот опять.

— Нет, умоляю.

Адель. В библиотеке.

Внутри вскипел горячий гнев, и Лена распахнула дверь. Единственная свеча озаряла кушетку у холодного камина, на которой лежала Адель, будто увядший цветок. По шее бедняжки стекала струйка крови. Ее лиф промок насквозь, ярко-алый на фоне белого шелка.

Мужчина поднял голову. Губы его были красными, в черных глазах отражалось пламя свечи. Бенджамин Кэвендиш, старший сын барона Рэкхэма, один из молодых шалопаев.

Он с высокомерной улыбкой вытер рот рукавом:

— А вот и главное блюдо.

— Отпусти ее!

— Я все равно закончил. — Он искоса посмотрел на Лену. — Мисс Годд, я полагаю?

Адель всхлипнула, прижимая руки к горлу, и испуганно посмотрела на Лену:

— Беги.

Лена сжала кулаки. Ублюдок решил, что загнал ее в угол. Молчаливое присутствие Уилла придавало ей сил, о которых она даже не подозревала. Лена схватила кочергу и повернулась к голубокровному.

— Отпусти ее сейчас же!

— О, какая боевая. Когда сопротивляются, так еще забавнее, — рассмеялся Кэвендиш и начал к ней подкрадываться.

Лена перехватила кочергу поудобнее.

— Трус. Преследуешь юных леди на балах... Только на это ты и годишься. Не мужчина, а сопливый задира.

Кэвендиш прищурился:

— Ты пожалеешь.

Он попытался схватить ее за юбки. Лена с удовольствием замахнулась кочергой.

«Попробуй это, скользкий мелкий кретин!»

— Убери от меня свои лапы!

В следующий миг Кэвендиш уже шипел на нее, сжимая раненую руку. А еще секунду спустя вервильфен схватил его за горло и впечатал в камин.

— Уилл! Ты не должен был показываться!

— Он тя лапал.

От звука его голоса по телу побежали мурашки. Опасный, жесткий. Такой ни за что не сдастся, с ним не договоришься. Надо его остановить, пока не убил кого-нибудь.

— Он едва дотронулся до меня. Уилл, отпусти его. — Лена бросила кочергу и схватила спасителя за руку. Бесполезно. Он даже не заметил. — Уилл! Если ты его покалечишь, они тебя убьют!

— Ты! — выдохнул Кэвендиш и зло посмотрел на Лену. — Маленькая вервильфенская шлюха. Я...

Его следующие слова застряли в горле, передавленном хваткой Уилла.

— Посмотри на меня, — сказал вервильфен и позволил своему хищнику проступить сквозь маску цивилизованности. Кэвендишу пришлось послушаться. — Сунешься к ней снова, и я тя убью. Медленно. — Он улыбнулся, а Лена поежилась. От этой улыбки веяло жестокостью. — Не думай, будто сможешь спрятаться. Я найду тебя, сколько бы охранников ты не нанял. Понимаешь?

Кэвендиш царапал руку Уилла. Лицо щеголя быстро багровело, но он как-то сумел кивнуть.

Уилл отпустил его, и голубокровный сполз по стене у камина.

— Если хоть пикнешь о сегодняшнем и о Лене, я приду за тобой, — пообещал вервильфен. — Теперь убирайся отсюда, пока я не передумал.

Кэвендиш с трудом пробрался к двери.

То, как легко Уилл это сделал... Лена почувствовала легкую зависть. О, вот бы ей быть сильным страшным мужчиной...

Полузадушенное хмыканье раздалось с кушетки. Лена развернулась в вихре юбок и поспешила к Адель.

— Что случилось? — Лена встала на колени и повернула голову подруги, чтобы оценить ущерб.

Кэвендиш нанес ей глубокую рану элегантным небольшим кинжалом из тех, что предпочитали в Эшелоне. Более жестокие голубокровные подпиливали свои зубы, но большинство пользовалось клинками.

По крайней мере, ублюдкухватило ума зализать ранку. Что-то в слюне голубокровного ускоряло заживление.

— Вот, — прошептала Лена, оторвала полоску от нижней юбки, свернула подушечкой и

оторвала еще ленту, чтобы прибинтовать тампон.

— Я искала тебя, — прошептала Адель.

— Я всего лишь вышла в туалетную комнату.

— Появился... Колчестер.

Лена застыла, но потом продолжила вытирать кровь.

— Тебе все равно не следовало приходить одной.

— Увидела, как Колчестер разговаривает с Кэвендишем. — Адель сглотнула. — Он вышел из комнаты, и я подумала....

— Они заманили тебя в ловушку. — Чертов Колчестер. Намеренно натравил одного из своих приятелей на Адель. Разозлился на ее вмешательство.

— Кто такой Колчестер?

Лена совсем забыла про вервильфена. Она застыла, затем повернулась, пытаясь придумать объяснение. Лена видела выражение лица Уилла, когда тот душил Кэвендиша. Если рассказать про герцога, то Уилл, возможно, решит на него напасть.

— Герцог Ланнистер, — беспечно отозвалась она. — У него свои счета с Лео.

Адель пошевелилась, и Лена стиснула ее руку, умоляя не выдавать секрет.

Уилл бесстрастно посмотрел на подруг.

Адель кашлянула и спросила:

— Кто... это?

— Один из людей Блейда, — ответила Лена, снова повернувшись к раненой.

Повязка замедлила кровотечение. Однако платье уже не спасти. Надо вынести Адель отсюда, чтобы никто не заметил.

— Кэвендиш сказал, что он... — Адель запнулась.

Лена никогда не видела подругу такой напуганной. Уставшей от мира и циничной — да, но не напуганной. Лена подняла взгляд и поняла, что так смущает Адель. Уилл держался в тени и все равно внушал страх тем, кто его не знал. И даже тем, кто знал...

Адель слышала от голубокровных истории о вервильфенах и их приступах ярости. Для Эшелона Уилл всего лишь опасное чудовище.

— Вервильфен? Да, — подтвердила Лена, помогая подруге сесть. Потом улыбнулась Адель и прошептала: — Не пугайся его хмурой гримасы. Она впечатляет, но под мрачным фасадом скрывается доброе сердце. Какие-то мальчишки однажды хотели утопить мешок с котятками, а он спас малышей. Несколько месяцев они следовали за ним по пятам по всему Логову. Боюсь, это испортило в моих глазах его специально возвращенную репутацию. Я видела лишь курицу-наседку с подопечными. — Тут ее улыбка пропала. — Единственные чудовища — Колчестер с друзьями.

Уилл выглядел сонным. Опасный знак. Значит, он думает, а Лене только этого не хватало. Встретившись с ним взглядом, она подняла подбородок:

— Нам придется вытащить ее отсюда, чтобы никто не видел. В противном случае, Адель пропала.

Уилл снял куртку и предложил пострадавшей. Адель вздрогнула, но позволила Лене ее укутать. Куртка была замечательно теплой и приятно пахла.

Уилл закатал рукава рубашки, и пламя свечи озарило бронзовые от загара руки. Не в первый раз Лена задумалась, весь ли он такой золотистый.

Опасные мысли. Она быстро отвернулась.

— Давайте я вас понесу, — предложил он, стараясь по-своему проявить любезность.

Адель округлила глаза, но кивнула и разрешила ему себя обнять. Уилл выпрямился, легко держа ее на руках, и глянул на Лену:

— Куда?

Вместе с Уиллом прогулка по темным коридорам прошла без проблем. Его развитые органы чувств несколько раз помогли избежать нежелательных встреч. Выскользнув через черный ход в сад, они поспешили к экипажу Гамильтонов.

Слабая от потери крови Адель сонно устроилась в коляске. Лена натянула на подругу плед и проверила импровизированную повязку, а потом прошептала одному из лакеев:

— Приведите миссис Гамильтон.

Осталось решить последний вопрос. Стоя на ступеньке экипажа, Лена неохотно повернулась к Уиллу:

— Спасибо, что помог нам с Адель.

Он стоял спиной к газовому свету, а на лицо падали тени. Легкое янтарное сияние глаз выдавало настроение Уилла.

— Нам надо поговорить.

— Нам не о чем говорить. — Лена повернулась, собираясь сесть в экипаж, но Уилл схватил ее за юбки.

— Лена, не увливай.

Оглянувшись через плечо, она заметила агрессивную искренность на его лице.

— Почему бы тебе не отстать? Это не твое дело.

Будто ему не все равно. Уилл делает это только ради Блейда.

Повернувшись на ступеньке, Лена оказалась с вервильфом лицом к лицу. Хотя она всегда не любила их неравенство из-за разницы в росте, такое положение вдруг показалось слишком интимным. Жар большого тела вервильфа защищал от прохладного вечернего ветерка, а ее юбки касались его бедер. Лена внимательно всматривалась в глаза Уилла, желая ошибиться. Надеясь, что он пришел сюда ради нее.

— В чем дело?

Он задумчиво отвел взгляд.

— Я нашел тот же самый код у человека, который пырнул Блейда в сердце. Чо-то назревает, Лена. Я не позволю втравить в эту хрень его и жителей трущоб. — Он посмотрел на нее. — Ты знаешь больше, чем говоришь.

Лена поджала губы. Ну конечно, Блейд и трущобы.

— Ты правда думаешь, что я ввяжусь в то, что может навредить Блейду, а впоследствии моим сестре и брату?

— Не знаю, — прошептал он.

В эту минуту Лена его возненавидела. Несмотря на все свои недостатки, она никогда не рискнула бы жизнями Онории и Чарли. Потянувшись к двери экипажа, Лена последний раз сердито посмотрела на вервильфа:

— Иди домой, Уилл. Тебе здесь не место, и тебе здесь не рады. Просто вернись домой и патрулируй свою частичку Лондона. Я не буду приходить туда и не думаю, что увижу тебя в городе.

Лена холодно посмотрела на его руку, и он медленно ее отпустил.

— Я погорячился. Канешн, ты любишь брата и сестру.

— Ты меня почти не знаешь. — Она поправила юбки и собралась закрыть дверь.

Уилл удержал створку и наклонился ближе. Рукава рубашки натянулись на его плечах.

— Лена, черт побери...

— Позвольте... этот парень вам мешает?

Отвлечшись на Уилла, Лена не сообразила, что тут кто-то еще. Вервильфен тоже проморгал приближение постороннего, раз вздрогнул от изумления.

Бросив на Уилла последний пронзительный взгляд, Лена оглянулась через плечо на слегка подвыпившего молодого лорда и улыбнулась. Спасена голубокровным. Какая ирония.

— Он уже уходит. Благодарю.

— Не стоит благодарности. — Молодой повеса подмигнул ей и отсалютовал. Она встречала его прежде, но сейчас позабыла имя.

Уилл опустил руку.

— На сей раз я тебя оставляю.

Лена закрыла дверь и улыбнулась ему через стекло. С ворчанием он повернулся и так зыркнул на молодого лорда, что тот побледнел. Затем Уилл сунул руки в карманы и скрылся в клубах тумана.

— Расскажи мне об этом Уилле, — прошептала Адель, опуская голову на сиденье экипажа. Она все еще была в черной куртке.

— М? — Лена перестала разглаживать юбки. — А что с ним?

Адель прищурилась. Прежний румянец начал возвращаться на ее щеки.

— Он желает съест тебя, Лена, и вовсе не в плохом смысле слова.

— Уилл? Ничего подобного! Он ясно дал понять... — Она запнулась, сообразив, что чуть не проболталась.

— Точно?.. — переспросила Адель. А когда Лена не ответила, устало улыбнулась: — Ты же понимаешь, дорогая, что я этого просто так не оставлю.

Глядя в окно, Лена смотрела на огни в окнах поместья лорда Харкера. Вскоре грум приведет мать подруги, тем самым прекратив надоедливые расспросы.

Однако... она почувствовала внезапное желание, потребность довериться хоть кому-нибудь, пусть даже Адель. Лена месяцами столько всего держала в себе, что скоро просто взорвется.

— Я его поцеловала. Не знаю почему. Обычно я играла с ним. Флиртовала. Ничего особенного. — «Да неужели?» Лена нахмурилась. На этот вопрос она ответить не могла. — Это было ужасно. Он даже не ответил. А когда я перестала... — Теперь она покраснела. — Заявил, что мирится с моими детскими проказами ради Блейда, но предпочел бы, чтобы я не бросалась на него, раз уж мы живем под одной крышей. — От воспоминаний в животе все переворачивалось.

Уилла тогда прямо трясло от гнева, затем он молча вышел.

Она заставила себя небрежно пожать плечами.

— На следующий день он покинул Логово. И я решила, что пора вернуться в общество. Для меня ничего в Уайтчепеле не осталось.

— Он так и не поцеловал тебя в ответ?

— Даже не попытался.

Адель нахмурилась:

— Как необычно. Я ожидала как раз противоположного, моя дорогая. Он не сводил с

тебя глаз, а когда Кэвендиш напал, был готов его прикончить.

— Уилл предан Блейду. Если я пострадаю, ему придется объясняться перед ним и Онорией.

Адель устало откинулась на спинку сиденья.

— Хм, ставлю сотню фунтов, что ты ошибаешься.

— И как нам это выяснить? — саркастично спросила Лена. — Не собираюсь просить его повторить.

Адель закрыла глаза и слабо улыбнулась:

— Я уверена, что в следующий раз он тебя поцелует.

Дверь в личный кабинет лорда Харкера распахнулась.

Колчестер оторвался от бокала и окинул взглядом Кэвендиша, отметив мятый воротник фрака и ярость, бурлящую в глазах приятеля. На его горле уже появился большой синяк.

— Какого дьявола случилось? Вряд ли она особо сопротивлялась.

Кэвендиш мрачно посмотрел на герцога и подошел к графину.

— Ты забыл упомянуть, что она под защитой. — Он щедро плеснул бладеина в стакан и выпил.

— Под защитой? — тихо переспросил Колчестер и снова посмотрел на синяк. — Какой еще защитой?

Кэвендиш опустил бокал и пробормотал:

— Неважно.

Колчестер встал, отбросив газету. Внизу, судя по звукам, еще бушевал бал, однако герцог не собирался присоединиться к водовороту толпы. Нет, у него другие планы, которые, вполне возможно, испортил Кэвендиш.

— Ты же голубокровный, а не жалкий смертный. Я попросил тебя погубить девчонку, а ты не справился даже с этим, — презрительно выплюнул Колчестер, обходя приятеля. — Она что, тебя сумочкой избил? Или их было больше? Тебя напугал целый выводок дебютанток...

Глаза неудачника потемнели от гнева.

— Хотел бы я посмотреть, как ты бы справился со Зверем. Твоя сучка обзавелась охранником — грязным вервильфеном.

— О чем это ты?

Кэвендиш ухмыльнулся:

— Вероятно, он сейчас девчонку оприходует. Похоже, тебе не удастся заполучить эту малышку.

Колчестер схватил приятеля за горло:

— Зверь Уайтчепела?

Тот едва кивнул.

Невероятно. Маленькая стерва. Вздумала найти покровителя? Когда Кэвендиш издал полузадушенный всхлип, герцог бросил его и отступил, смахнув с подноса бокалы. Те разлетелись вдребезги, усеивая ковер осколками.

Лена принадлежала Колчестеру. Но если она запятнала себя связью с одной из этих мерзких тварей, значит больше не подходит на роль его трэли. *« Богом клянусь, я заставлю*

ее пожалеть».

Кэвендиш рухнул на стол, с опаской глядя на герцога, и уточнил:

— Что ты собираешься делать?

Он понял, что последнюю фразу произнес вслух.

Плохо уже то, что Совет собирался связаться с этими созданиями. А теперь один из них уводит трэль прямо у него из-под носа. Колчестеру еще сильнее захотелось завладеть Леной.

Он мрачно улыбнулся:

— Разберусь. Заставлю ее пожалеть. — Страхивая стекло с рукава, герцог повернулся к двери. — Их обоих.

— Входи.

Уилл оглядел коридор, мягко ступая сапогами по турецкому ковру. Он чувствовал Лену в доме, но не поблизости. Пока это его совершенно устраивало.

Скользнув в кабинет, он закрыл за собой дверь. В окна лился утренний свет. Вообще-то, было безбожно рано. Уилл почти не спал, проигрывая в голове все события прошлой ночи. Стоило задремать, как всплывали воспоминания о запахе страха, исходящем от Лены. Надо узнать побольше, особенно о том, чье имя так ее напугало.

Бэрронс поднял взгляд от стола и слегка округлил черные глаза.

— Уилл. — Затем откинулся в кресле, так что хорошо смазанная кожа прогнулась. На Бэрронсе красовался черный бархатный жакет, на фоне которого выделялись лишь белые кружева на рукавах и воротнике. Сверкнула маленькая рубиновая булавка. — Ты же понимаешь, что награда за твою голову не снята, пока не подпишешь документ принца-консорта? — Голубокровный взял пачку бумаг и нахмурился. — Полагаю, он где-то тут.

Уилл скрестил руки на груди:

— Че вам известно о мужчине по имени Колчестер?

— Колчестер? — Руки Бэрронса застыли на бумаге. — Мы дружили, пока я не устроил дуэль между Блейдом и кузенком Колчестера — Викарсом. Почему спрашиваешь?

— С чего Лене его бояться?

Наследник Кейна выпрямился, в его обсидиановых глазах появился опасный блеск.

— О чем ты?

— Прошлой ночью мы встретились по делу. Она так его... испугалась.

Бэрронс откинулся на стуле:

— Выкладывай.

Уилл поскреб небритый подбородок и рассказал все, умолчав лишь о зашифрованном письме.

— Лично не знаком. Сплетен тож не слышал. Он опасен?

— Как и все голубокровные.

Их взгляды встретились.

— Он может до нее добраться?

На сей раз Бэрронс забеспокоился и неуверенно нахмурился:

— Не знаю. У Лены есть компаньонка. На балы она приходит либо с ней, либо со мной. Но такой, как Колчестер, сумеет найти лазейку.

— Че он от нее хочет?

— Можно только предполагать. Либо отомстить мне. Либо Лена ему интересна сама по себе. Поговаривают, он ищет новую? трэль.

— Вы ж этого не допустите?

Бэрронс пристально посмотрел на Уилла:

— А какое тебе до этого дело?

— Блейд защищает своих, а я — его самого. Он не переживет столкновения с еще одним герцогом. Надоть остановить ублюдка, пока не дошло до драки.

— Понятно. — Бэрронс указал на стул напротив. — И как ты предлагаешь это сделать?

Уилл сел.

— Я придумал, как защитить Лену и выполнить задание принца-консорта. Такскать, разом убить двух зайцев.

Бэрронс жестом велел продолжать.

— Принц-консорт надумал нарядить меня шутом, шоб я плясал под его дудку. Тока эт не сработает. Я ниче не знаю о поведении при дворе.

— И?

— Кто лучше Лены мя обучит? Она не даст мне опростоволоситься и кого-нить задеть.

— Разве только Колчестера... которого ты и хочешь сильно задеть, если не ошибаюсь? — Бэрронс наклонился вперед. — Уилл, он опасный противник.

— Я тож.

Бэрронс долго изучающе на него смотрел, а потом кивнул:

— Вервильфен-охранник. Это угомонит почти всех, у кого есть голова на плечах. Договорились. Я передам, что она должна сопровождать тебя и привести в должный вид.

— Ежели я буду с Леной, Колчестер не сможет напасть.

— Не делай ничего предосудительного, — предупредил Бэрронс. — Помни свою цель... если убьешь Колчестера, то не рассчитывай на помощь и расположение принца-консорта. Включая реформу законов, которую тебе так хочется провести.

Уилл оскалился в предвкушении:

— Вы сообщите Лене о ее новых обязанностях или я?

«Повышение кровавой дани!» — кричали заголовки.

Лена опустила ложку в яйцо, сваренное всмятку, и поглядела на статью.

— Миссис Уэйд, вы это видели? — спросила она, указывая ложкой. Желток капнул на газету, и Лена поспешно отодвинулась. — Они поднимают кровавую дань! С двух пинт в год до трех. Все, кто не сдавал в прошлом месяце, должны прийти на обязательное кровопускание в следующие пару месяцев.

— Юной леди не пристало об этом говорить. Особенно за завтраком. — Миссис Уэйд поджала губы, скрупулезно разрезая колбасу. — А ты прочла светскую хронику? Что думаешь об описании платья мисс Хэмбли?

— Увядший нарцисс? По-моему, весьма точно подмечено, — отстраненно ответила Лена. — Наверное, это из-за пожара на слив-заводах. Должно быть, запасов крови Эшелону сильно не достает.

Голубокровные держали трэлей для свежей крови, но также нуждались в холодных запасах. Опасно забирать слишком много от человека, а осушить одного из них до смерти — дурной тон. Единственные аристократы, которые могли держать достаточно трэлей, чтобы жить только на их крови, — Великие герцоги, правившие городом. Остальному Эшелону приходилось покупать пропитание с правительственных слив-заводов или держать кровавых рабов.

— Рабочему классу это не понравится. — В этом году уже было три бунта: дважды по поводу исчезновения рабочих мест из-за внедрения автоматов на заводы, а в третий раз, когда в переулке нашли девушку, иссушенную до смерти.

Миссис Уэйд неодобрительно хмыкнула и наколола колбасу на вилку.

Послышался стук, и на пороге столовой появился Лео, одетый в обычный черный костюм.

— Дамы.

Миссис Уэйд прижала салфетку к губам.

— Доброе утро, милорд. Вы позавтракаете с нами?

— Боюсь, что нет. — Он посмотрел на Лену, и она застыла. Судя по выражению глаз, Лео что-то задумал.

— Да? — спросила она с колотящимся сердцем. Узнал ли он, что случилось с Адель и Кэвендишем?

— Я хочу попросить об услуге, — сказал Лео, прижавшись бедром к краю стола.

— Конечно. Что такое?

Тут Лена заметила краем глаза движение. В комнату вошел Уилл: руки в карманах, взгляд донельзя довольный.

Лена уставилась на него. В открытом воротах виднелся кусок загорелой плоти. Уилл даже не побрился. С горящими янтарными глазами и щетиной он выглядел поистине опасным. Серебристый клык свисал с кожаного шнура на шее.

На губах вервульфена играла непривычная улыбка, от которой ее пульс забился в бурном темпе. О боже! Лена редко видела его улыбку. Ей он точно не улыбался. Результат оказался просто поразительным.

Лео кашлянул. Лена оторвала взгляд от гостя и выпалила:

— Ни в коем случае.

— Ты еще не слышала мое предложение.

— В этом нет нужды.

— Карвер получил поручение от короны.

Эти слова заставили ее встрепенуться.

— Поручение? — Чего хочет принц-консорт? Только он мог дать такое поручение. Пусть королева и сидит на троне, но она лишь марионетка. Александра почти не высказывалась без разрешения принца.

— Через неделю сюда прибывает делегация из Скандинавии.

— Делегация? — тихо переспросила Лена.

— По политическому делу, связанному с Советом и принцем-консортом. Боюсь, ничего интересного. Но ты знаешь, как относятся друг к другу наши страны. Похоже, присутствие Уилла может послужить успокаивающим фактором.

Лена медленно кивнула, а голове от потрясения мысли просто кипели. Уилл в это ввязался?

— Его надо привести в порядок, — продолжал Лео. — Поработать над манерами и внешностью. Также нужен тот, кто проведет его мимо опасностей при дворе. К сожалению, у меня нет времени...

О да, Лена поняла, к чему он клонит.

— Ты хочешь, чтобы я его сопровождала. — Она прищурилась и посмотрела на Уилла. — Интересно, чья это идея?

Тому даже не хватило совести изобразить раскаяние. Прислонившись к двери, Уилл улыбнулся, точно наевшийся сметаны кот.

От этой улыбки все внутри переворачивалось.

— Твоя способность вращаться в высшем свете послужит стране хорошую службу, — ответил Лео.

— Боже, какая ужасная идея.

Лена была просто вне себя. Как он смеет? А ведь именно об этом предупреждал ее мистер Мандевилль, когда она только согласилась шпионить для гуманистов. Нельзя поддаваться чувствам и лишиться такой возможности.

Узнать о скандинавском мирном договоре намного важнее, чем разmozжить голову Уилла Карвера супницей.

— Значит, ты нам поможешь? — спросил Лео.

— Я едва ли могу отказаться от столь любезного предложения. Мы начнем завтра. — Лена оглядела растрепанные волосы Уилла, восхитительные спутанные медово-каштановые пряди до плеч. — Хотя одному богу известно, с чего же мне начать.

— Ему не надо быть идеальным. Просто наведи немного лоска. И научи, что говорить.

— Скорее, чего не говорить. — Она сузила глаза. — Ему надо хотя бы походить на джентльмена. Постричь, побрить... возможно, вывести вшей. — У нее на губах расцвела улыбка. — Заказать новый гардероб. Организовать уроки танцев.

Уилл вскинул бровь:

— Я не умею танцевать.

— Сумеешь, если я тебе скажу. Ты будешь кланяться по моей указке и вести себя вежливо. — В глубине души Лена ждала этого с нетерпением. — В противном случае я умываю руки, а вы ведь этого не хотите?

О нет, Уилл будет милым, если вздумал за ней шпионить.

Он прищурился, явно доводя до сведения Лены: это объявление войны. Но у него нет выбора, кроме как принять ее условия.

Лео посмотрел на них обоих:

— Мне нужно что-то знать?

— Нет, — в унисон возразили Лена и Уилл.

— Совсем ничего, — добавила она, сердито глядя на вервульфена, чтобы он не посмел проговориться.

— Ты, наверное, думаешь, что это смешно, — сказала Лена, резко натягивая перчатки.

Уилл прислонился к стене, обводя разгневанную фурию ленивым взглядом. Она была бледной, но глаза метали молнии. Он хотел ее поцеловать, прижать спиной к китайским обоям и облизать шею.

Опасно.

Надо управлять своими порывами, своим желаниями. Другого выхода нет.

Разминая пальцы, он посмотрел в коридор. Компаньонка крутилась рядом, как служебный автомат, ее глаза ярко блестели каждый раз, когда она замечала взгляд Уилла, будто подозревала, что он на нее набросится. Уилл хотел бы зарычать на драконшу. Вдруг да бухнется в обморок.

— А ты заденет, если я признаю, что наслаждаюсь каждой минутой?

Лена остановилась, глядя на Уилла в зеркало. На ее голове лихо сидел цилиндр, а пальцы запутались в фиолетовых лентах.

— Я тебя предупреждал, — прошептал он, наклонившись ближе, так что и его отражение появилось на гладкой поверхности.

В темной куртке он выглядел как огромная тень за стройным телом Лены в пурпурном

одеянии. Большой злой волк, готовый ее сожрать.

Запах Лены обволакивал, соблазняя именно так и поступить. Уиллу хотелось прижаться лицом к ее шее и вдохнуть аромат, погладить заключенный в корсет изгиб ее бедер...

Лена беспомощно посмотрела на Уилла и тихо ахнула. Наверное, намек на голод отразился на его лице.

— Я узнаю, че ты задумала, — предупредил он.

Она рассеяла чары, резко потянув и завязав ленты.

— Наслаждайся моментом, Уилл. Ты в последний раз взял надо мной верх. — И со сладкой улыбочкой добавила: — И считай это предупреждением.

— Об чем ты?

Лена повернулась в пене юбок.

— Сейчас это мой мир, а ты понятия не имеешь о его правилах. Ты не научишься ничему, а я... буду наслаждаться.

Лена попыталась обойти Уилла, но тот отказался уступать дорогу и отходить подальше. Дыхание Лены участилось, но лицо осталось бесстрастным, когда она протиснулась мимо, коснувшись бедрами его бедра.

— Че ты?..

— Завтра. В полдень, — сказала она, хватая кружевной зонтик от солнца, от которого никакого толку в непогоду. — Не нужно приходить сюда слишком часто, а то пойдут слухи. Так что я заверну к тебе в Логово. Могу сделать вид, что навещаю сестру и помогаю ей с какой-то работой. — Лена бросила на Уилла последний взгляд. — Постарайся не испачкаться и оденься как надо. И без этого привести тебя в порядок будет довольно сложной задачей.

Уилл шагал по краю крыши, выглядывая за стену, окружавшую Уайтчепел. С севера от входа в Бишопсгейт доносились крики и песни. Сначала негромко, словно тихий рокот грома, но с каждым часом буря все усиливалась, пока ее не услышали даже Чарли и Ларк.

— Что происходит? — спросил младший Тодд, сидя на трубе и стуча каблуками по кирпичной кладке.

Ларк расположилась у дымохода, скрестив ноги и пожевывая прядь своих длинных каштановых волос. С тех самых пор, как Онория переехала в Логово с Леной и младшим братом, Чарли с Ларк стали неразлучны.

— Начинается бунт, — ответил Уилл.

Чарли округлил глаза и улыбнулся. В семнадцать он был еще достаточно молодым, чтобы не понимать, что вскоре произойдет.

— Бунт? Потрясающе! Можно посмотреть?

— Не дури, — рявкнула Ларк. Она выросла в трущобах и знала намного больше Чарли. — Ничо не выйдет, кроме кровопролития.

— Тем лучше, — ухмыльнулся Чарли, в глазах которого появились черные тени.

Ларк стукнула его по бедру, и он поморщился.

— Ты не видел, как разбираются с бунтом, дурак. На такое лучше не смотреть. Задавленные тела и раздробленные кости. Мужчины, женщины, дети. — Ларк покачала головой. — Эшелон такого долго не потерпит. Они спустят Троянскую кавалерию, чтобы подавить их, а по улицам потечет кровь. — Она задрожала. — Однако ж до нас она не дойдет.

Уилл уставился на крыши и раздул ноздри.

— Заварушка возле Лэнгбурна.

Чарли понурился:

— Уже и подурачиться нельзя. Ничего такого не имел в виду.

— Ты не подумал, — поправила Ларк. Пусть Чарли и был голубокровным в три раза сильнее ее, но соотношение сил между ними по-прежнему оставалось в ее пользу. Хитрая девчонка знала уличные приемчики, а также имела про запас «дядюшек» постарше, которые всегда поддержат, если ей нахамят.

Уилл не обратил внимания на их перебранку, шагая по краю крыши. Быстрый взгляд на небо показал, что солнце доблестно пытается выйти из-за пушистых серых облаков.

— Чарли, который час?

Малец вытащил карманные часы:

— Без четверти двенадцать, сэр.

«Полдень».

Уилла охватило нетерпение. Лена сказала, что придет сюда на урок. Он мысленно представил карту города. Если она заедет через Олдгейт, то доберется без особых проблем. Но если выберет Бишопсгейт, то...

Из горла вырвался рык.

— Ой... Все в порядке? — спросил Чарли. Даже он знал, что не стоит выводить Уилла из себя.

— Наверно. — Тот повернулся и пронзил юных непосед взглядом. — Оставайтесь здесь.

Следите в оба. И ни в коем случае не покидайте трущобы. Ежели возникнут проблемы, вернитесь в Логово и зовите на помощь.

— Да, сэр! — Чарли встал по стойке смирно. — А вы куда?

Уилл подошел к краю стены.

— За твоей дурехой-сестрой. Она обещалась седня приехать. Не удивлюсь, ежели вляпается в самую гущу.

Рано утром пришло послание от мистера Мэндевиля.

Лена отвлеклась от верстака, на котором лежали зубья и кусочки железных листов, и, подняв гогглы на макушку, взяла письмо и вскрыла его отверткой.

В груди медленно и размеренно стучало сердце.

«Дорогая мисс Тодд,

Надеюсь, это письмо застанет вас в добром здравии. Я получил для вас отличный заказ, связанный с тем особым механизмом, который вы мне показывали на днях. С удовольствием обсужу его с вами лично в удобное для вас время.

Ваш Артур Мандевиль».

Прижав к груди листок, она медленно поднялась. Механическая трансформация! Кому-то понадобилась копия ее шедевра!

— Миссис Уэйд! — закричала Лена, выбегая из комнаты в спальню компаньонки. — Миссис Уэйд!

Через полчаса она запихнула спутницу в экипаж и отправилась в «Часовой магазин» Мандевиля.

Улицы были забиты, что не располагало к быстрой езде. Лена отодвинула занавески и посмотрела на зевак и омнибус впереди. Въезжая в Бишопсгейт, одни из крепких ворот, охраняющих сам город, она нетерпеливо мяла в руках сумочку.

— Почему тут такая толпа?

Миссис Уэйд выглянула из окна и переговорила с кучером. Когда же опять села, то задыхалась от волнения:

— Бунт. На Лэнгбурне и Лайм-стрит. Опять эти механоиды.

Лена с любопытством выглянула на улицу. До нее доходили слухи о механоидах. О тех, кто годами служил Эшелону в обмен на био-механические конечности и органы. Они жили в паровых анклавах города, с ними обращались почти как со зверьем. Нельзя доверять человеку, наполовину сделанному из металла. На самом деле многие в Эшелоне спорили о том, что создания с искусственными конечностями уже не являются людьми в полном смысле слова, а посему не обладают человеческими правами и свободами.

— Их надо отправить обратно в анклавы и запереть, — фыркнула миссис Уэйд.

— Глупости. Из-за наличия металлической руки человек не перестает быть личностью, — возразила Лена.

Двое подручных Блейда, Дровосек и Рип, имели металлические конечности. По закону, оба должны были находиться в анклавах, но никто не осмелился заикнуться об этом господину.

— Им нельзя доверять, — ответила миссис Уэйд.

— Почему? Металл не влияет на разум. Они все те же, кем были до того, как получили эти конечности.

— Это просто неестественно.

Не стоит спорить с тем, у кого нет рациональных аргументов. Лена прикусила язык и попыталась поближе взглянуть на толпу.

— Надеюсь, они пошлют металлогвардейцев и разгонят толпу, — добавила миссис Уэйд. — Тогда транспорт снова двинется.

До магазина было уже недалеко. Живя в трущобах, Лена проходила в десять раз больше.

— А почему бы нам не пойти пешком?

Предложение вызвало взгляд, полный чистого ужаса.

— Когда тут носятся все эти мехи?

— Возьмем одного из лакеев. Экипаж нас подберет, как только дорога освободится.

Лена потянулась к двери.

— Погодите! Ваш зонтик! — Миссис Уэйд запыхтела вслед, захватив шляпку, зонтик и корзинку с вязанием, с которой не расставалась, а Лена уже выпрыгнула из экипажа. Компаньонка панически оглядывалась, ожидая, что на нее в любой момент нападет механоид.

Чем ближе они подходили к магазину часовщика, тем заметнее редела толпа. Большинство собравшихся были бедняками, махавшими плакатами и кулаками, будто Эшелону на них не плевать. Однако Лена понимала потребность людей что-то сделать.

Через несколько улиц шум усилился. Не желая угодить в самую давку, Лена повела компаньонку в другом направлении, хоть и пришлось идти в обход.

И тут же налетела на дородного мужчину с металлической пластиной на голове, от которого несло алкоголем. Его кисть тоже была механической, грубо прикрепленной к запястью. Судя по неровному краю кожи, работу делали быстро и некачественно. Незнакомец заметил красное платье Лены, поднял взгляд на нитку жемчуга на ее шее и перья на шляпке. Других украшений она сегодня не надела и в большинстве случаев не волновалась бы, гуляя пешком в таком виде.

— Эй, сюды, — презрительно ухмыльнулся здоровяк, хватая ее за руку. — Маленькая голубокровная шлюха, совсем одна.

— На твоём месте я бы тебя отпустила. И я не одна.

Миссис Уэйд направила на мужлана зонтик будто оружие:

— Отпусти ее, грубиян-механоид!

Лена сердито посмотрела на компаньонку и покачала головой. В этой ситуации хуже тона и слов не придумаешь. Она подняла руку, пытаясь утихомирить крикуна.

— Нас не интересует твой...

— Грубиян? — прорычал он. — Я грубиян-механоид? Считаешь себя выше нас?

Люди вокруг начали обращать внимание на перепалку.

— Отпусти ее или прогневишь герцога Кейна! — огрызнулась миссис Уэйд, как будто тут это имя что-то значило.

Лена попыталась уладить конфликт:

— Мы не считаем себя лучше, мы не отличаемся от...

— Эй, парни, сюды! — прорычал он. — Эта девка задирает нос!

Бормотание и недовольство усилилось. Лена отчаянно искала выход.

— Нет, ничего подобного я не говорила!

— Вы, горожане, смотрите на нас свысока. Ваше время пришло! — Он похотливо посмотрел на нее. — Теперь у нас есть способ разбираться с такими фифами.

— Отпусти ее! — настойчиво приказал лакей, хватая мужлана за руку. — Мисс Лена, вы в порядке?

Внезапно раздался громкий свист, и все, как один, ахнули и повернулись.

— Троянская кавалерия!

Раздались испуганные крики, и началась давка, так как толпа рванула прочь от опасности на площадь. Лена оказалась на задворках, вырвавшись из хватки механоида.

Кто-то обхватил ее за талию и поднял повыше.

— Прощу прощения, мисс, — сказал лакей Генри. Даже такому крепкому парню, ростом в сто восемьдесят сантиметров, приходилось несладко.

Миссис Уэйд прислонилась к стене, обмахиваясь рукой.

— О, Лена! О, слава богу!

Она потащила подопечную в безопасную нишу, а Генри своим телом прикрыл их.

— Что происходит? — Лена выглянула из-под его вытянутой руки.

— Похоже, Эшелон выпустил кавалерию, мэм, — ответил побледневший Генри. — Пожалуйста, не двигайтесь. Они снесут все на своем пути.

— Но ведь не все устраивают беспорядки, — запротестовала она.

— Это не имеет значения.

По бульжникам загрохотало — словно сотня лошадей маршировала в идеальном унисоне. По спине Лены пробежал холодок. Огнеметы причиняли слишком большой ущерб, потому для подавления бунтов и разгона толпы использовали троянскую кавалерию. Мало что могло выстоять против армированных металлических коней. Ходили слухи, что они просто затаптывали всех на месте. Таким образом жилища не страдали. Только люди.

Лена выглянула на другой конец улицы:

— Что мы будем делать?

— Оставайтесь здесь, — мрачно велел Генри.

Они втроем едва помещались в узком проеме. Лакей больше всего выдавался на улицу. Испуганная толпа задевала его на бегу.

— Мы не можем тут оставаться. Это слишком опасно.

Магазин мистера Мандевилля не так уж далеко. Если поспешить, они успеют туда добраться. А уж эти улицы Лена знала, как свои пять пальцев.

Миссис Уэйд закашлялась, побледнев, точно простыня. У Лены сердце ушло в пятки. Пожилая компаньонка в жизни не уйдет так далеко и быстро, как надо. Судя по ее дыханию, она на грани истерики.

Если только...

Поднырнув под руку Генри, Лена посмотрела вверх на выступ желоба.

— Генри, а кавалерию высылают вместе с огнеметами и металлогвардейцами?

— В них нет нужды. После проезда кавалерии мало что остается.

Большая часть зевак пропала. В конце улицы солнечный свет отражался от полированной брони ряда металлических коней.

— Идемте, миссис Уэйд, — прошептала Лена, сжимая руку компаньонки. — Нам надо спешить.

Та покачала головой:

— Нет, нет, я не могу! Они нас задавят.

— Генри, а ее можно поднять?

Лакей задумался, и на его лице промелькнула неуверенность.

— Я не знаю, сколько смогу ее нести.

— Тут совсем недалеко. — Лена подняла голову. — Мы пойдем по крышам.

— Конечно! Почему я об этом не подумал?

Потому что никогда не жил в трущобах, где Блейд, Уилл и многие из его подручных пользовались крышами как собственной дорогой.

Успокаивая миссис Уэйд, Лена помогла Генри ее поднять.

— Вам придется уцепиться за желоб!

— Я н-не м-могу!

— Можете и сделаете! — рявкнула Лена. — С меня хватит этих истерик. Если не поспешите, то мы с Генри не успеем последовать за вами, и тогда вам придется объяснять моему опекуну, почему меня растоптали!

Это расшевелило миссис Уэйд, которая стала, лягаясь и пыхтя, цепляться за крышу. Генри попытался поднять ее выше своих плеч и крепко зажмурился, когда под объемными складками юбок дамы промелькнули ее панталоны.

Стальные подковы стучали по булыжникам. Лена нервно посмотрела вдаль.

— Теперь ваша очередь, мисс, — сказал Генри.

Лена встала на его согнутое колено, потом на плечо и ухватилась за желоб. Надо спешить. Подъем миссис Уэйд занял очень много времени. Закусив губу, Лена запрыгнула на крышу, затем повернулась и легла, глядя на Генри:

— Скорей!

Кавалерия почти их догнала. Лошади были два с половиной метра в холке с широкими тяжелыми грудными пластинами и огромными, будто суповые миски, копытами. Из ноздрей вместе с фырканием вырывался пар. От зрелища Лену замутило.

— Генри! — Она протянула руку.

Лакей посмотрел на нее расширившимися голубыми глазами и покачал головой:

— Я только стащу вас вниз.

Лена схватила у компаньонки зонтик и сунула его в руки Генри.

— Зацепись им за желоб и перенеси часть своего веса. Миссис Уэйд! — Лена оглянулась на спутницу, лежащую на черепице. — Держите меня за лодыжки и делайте, что хотите, но не дайте ему меня стащить!

Миссис Уэйд подчинилась, ухватив Лену за ноги мясистыми руками и стараясь удержать ее на месте.

Металлическая кавалерия перешла с рыси на легкий галоп. Перед ней бежал мужчина. Он рухнул и попал под тяжелые стальные копыта. Среди кавалерии ехали операторы — каждый управлял десятком коней с помощью маленьких коробочек с антеннами, которые подавали радиосигнал.

— Генри! — закричала Лена, сиюсь схватить его за руку, пока он отчаянно пытался подтянуться.

Сзади миссис Уэйд всхлипнула и соскользнула еще на несколько сантиметров по крыше. Лена проехала на животе вперед, так что ее лицо и плечи повисли над водосточным желобом. Она потянулась, чтобы поймать руку Генри, но его ладонь сорвалась с желоба, и теперь лакей висел лишь на зонтике Лены.

— Только не отпускай меня! — закричала она.

Генри отчаянно поджал ноги, уворачиваясь от первого ряда металлических лошадей и задыхаясь от поднятой пыли. Кусок рукава, за который Лена держала лакея, вырвался из пальцев и...

— Нет!

Позади миссис Уэйд вскрикнула и разжала руку. Лена открыла глаза и полетела вперед, скользя по крыше. Она успела заметить расширенные испуганные глаза Генри, и тут...

Что-то схватило ее за юбки.

Перевернувшись, Лена упала спиной на черепицу рядом с миссис Уэйд, которая моргая, пялилась на Уилла. Его широкие плечи выделялись на фоне тяжелых облаков, а мышцы обнаженных руках задвигались, когда он сжал кулаки.

— И как я не догадался, шо ты — ходячая неприятность.

— Генри! — вскрикнула Лена, указывая на край крыши.

Уилл встал на колени, так что кожаные брюки натянулись на крепких мускулистых бедрах, наклонился, схватил зонтик, а потом выпрямился, совершенно не прилагая усилий.

Генри взмыл вверх, слабо лягаясь на ручке зонтика. Уилл схватил лакея за руку и поднял на крышу, где тот упал, дрожа всем телом.

— О боже, — прошептал он. — О, мисс Лена! Я думал, что вы... Вы не должны так собой рисковать.

— Я не собиралась дать тебе упасть.

Склонившись над Генри, Лена осмотрела его на случай травм. Ее руки начали дрожать.

«Так близко. Слишком близко».

На нее опустилась тень. Сердце ушло в пятки.

Подняв голову, Лена увидела хмурого Уилла.

— Какого хрена ты думала?

— Я...

— Ты не думала! — Он всплеснул руками. — Ты точно не думала! Какая идиотка выходит из экипажа в самой гуще толпы? Ты вообще сознавала, как это опасно?

— Я пыталась не попасть в самую давку. Магазин мистера Мандевиля всего через две улицы. Если бы мы...

— Две улицы — слишком далеко! Ты хоть представляешь, что я подумал, когда нашел тот проклятый экипаж, перевернутый на бок и пустой? Твои чертовы лакеи сидели на крыше и курили сигары!

Лена встала, отряхивая юбки.

— Я не думала, что бунт разгорится так быстро. И оставаться в экипаже было явно небезопасно.

— Не думала? Не думала? — Последние слова он проревел так, что миссис Уэйд и Генри вздрогнули.

Лена покраснела.

— Я совершила ошибку. Но я уже попадала в подобные ситуации прежде. Просто не была...

— Как это — ты уже попадала в подобные ситуации прежде?

Лена вздохнула, чтобы успокоиться. Судя по выражению лица вервульфена, ее скоро схватят и начнут трясти, как тряпичную куклу.

— Когда я работала на мистера Мандевиля, у меня не было денег на трамвай, так что приходилось идти домой пешком. Я пару раз попадала в бунтующую толпу, пусть и не в

самую гущу. — Когда Уилл еще сильнее помрачнел, она поспешила заверить: — В первый раз я вскочила на крышу, а во второй раз спряталась в чужом доме. Хозяин не возражал.

Уилл глубоко вздохнул, потом еще раз. Но его плечи оставались все так же напряжены, а в глазах сверкала дикая ярость.

— Если снова выйдешь на эти улицы без защиты, я тебя придушу.

— В шестнадцать я полгода ходила пешком домой, — огрызнулась Лена. — На сей раз со мной миссис Уэйд и Генри. Это намного безопаснее, чем когда мы были бедны и скрывались от Викерса.

Уилл издал полузадушенный хрип. Лена захлопнула рот. Не время упоминать все ужасные вещи, которые произошли с ней после смерти отца.

Уилл повернулся и окинул Генри взглядом, от которого тот сглотнул.

— Больше никада, сечешь?

Лакей резко кивнул.

— Пойдем, отведу тебя обратно в Логово, — проворчал вервильфен. — А потом посмотрим, как доставить тебя домой.

— Мне сперва надо заглянуть к мистеру Мандевиллю.

Он развернулся, и Лена отступила на шаг.

— Мандевилль меня ждет. Мне бы не хотелось, чтобы он пошел искать меня по улицам.

Уилл поджал губы, отвернулся и пробормотал что-то невнятное.

Однако Лена увидела, как кровь отлила от лица миссис Уэйд.

— Слава богу, вы целы!

Мистер Мандевиль обнял Лену и облегченно вздохнул.

Она кратко обняла его в ответ.

— А у вас тут не было неприятностей?

— На сей раз нет. Однако я слышал крики в соседнем квартале. — Он оглянулся через плечо и застыл.

— Вы знакомы с миссис Уэйд и Генри. — Лена указала на усталых спутников. Смотревший в другую сторону Уилл повернулся. Свет из окна отразился в его горящих янтарных глазах. — А это — Уильям Карвер, друг мужа моей сестры.

Мандевиль напрягся. Он точно знал, что означают подобные глаза, и ответил с резким кивком:

— Рад с вами познакомиться.

Лена улыбнулась, чтобы сгладить грубость часовщика:

— Уилл помог нам выпутаться из передраги во время бунта. Он проводит меня домой.

— Понятно. — Мистер Мандевиль переводил взгляд с Лены на Уилла. — Вы получили мое сообщение?

— Получила. Я бы хотела обсудить заказ в подробностях, если не возражаете.

— Пройдемте в задние комнаты?

— Я мигом. — И заметив недовольство Уилла, поспешно добавила: — Обещаю.

Взяв мистера Мандевиля за руку, она повела его в заднюю комнату. Как только дверь закрылась, он повернулся, но Лена предупреждающе подняла руку и похлопала себя по уху.

— Значит, есть заказ на трансформационный заводной механизм? — спросила она, взяла ручку на пружинке и написала на листке бумаги: *«Не говорите ничего, что хотели бы скрыть»*.

Мистер Мандевиль потрогал кончик своих усов.

— Я рассказал о нем одному моему другу. — И написал «Меркурию». — Он желает подарить нечто подобное скандинавскому послу при подписании мирного договора. Он был потрясен точностью вашей работы.

«Для чего?»

Лена не забыла о случившемся на слив-заводах, хоть и не понимала, как можно использовать во зло трансформационный механизм.

«Он хочет сам договориться с представителями Скандинавии». А вслух мистер Мандевиль добавил:

— Он в жизни не видел ничего подобного.

Затем глубоко вздохнув и спросив, сколько ей положено за работу, Лена нерешительно написала:

«Вам известно содержание тех писем? А о сгоревших слив-заводах?»

Часовщик погладил усы.

— Не сомневаюсь, что вы могли бы попросить внушительную плату. Он желает получить заказанное в течение двух недель.

— Двух недель? — вскрикнула она.

— Представители Скандинавии приедут на следующей неделе. Полагаю, что будут

обычные переговоры и общественные мероприятия.

Взяв ручку, он написал:

«Мы не единственные работаем против Эшелона. Есть еще одна небольшая группа, желающая свергнуть его более радикальными методами. В письмах, насколько мне известно, содержатся даты и время встреч».

Мистер Мандевилль едва успел положить ручку, как Лена ее перехватила.

«Но вы точно не знаете?»

Часовщик заколебался.

«Нет, не знаю. Но я бы не потворствовал таким явным террористическим атакам».

«Хорошо. — Лена красноречиво посмотрела на работодателя. — Потому что я тоже не желаю в таком участвовать».

«Мне нужно передать еще одно послание. Вы его доставите?»

Лена посмотрела на листок бумаги. Ее снедало беспокойство и сомнение. Словно что-то чешется, а дотянуться никак.

«Я хочу встретиться с Меркурием».

Мистер Мандевилль поднял голову и вслух ответил:

— Это невозможно.

Сердито покачав головой, Лена снова принялась писать:

«Тогда я выхожу из игры. Я не желаю потворствовать деяниям, из-за которых могут погибнуть невинные. На тех фабриках были охранники-люди. Я хочу поговорить с тем, кто знает, что в этих письмах».

Мистер Мандевилль посмотрел на нее и поджал губы:

— Я передам ему просьбу вместе с вопросами по заказу. Пусть решает, встречаться ли с вами. — Скривившись, часовщик протянул письмо и одними губами спросил: — Берете?

Лена уставилась на послание. Такое безобидное. Просто клочок пергамента. Медленно она взяла его и сунула себе в лиф. Никто его там не найдет. И написала:

«На сей раз».

— Благодарю. Я начну работать над трансформационным механизмом.

Склонившись, она написала:

«Я хочу встретиться с Меркурием».

Мистер Мандевилль отрывисто кивнул:

— Посмотрю, что можно сделать. — Она почти дошла до двери, когда он добавил: — Я рад был познакомиться с источником вашего вдохновения, Лена, но будьте осторожны. В наше время не только голубокровные представляют опасность для молодой девушки.

Она покраснела.

— Я знаю, что делаю, благодарю, мистер Мандевилль.

— Да, полагаю, вы так считаете.

Уилл зашел в Логово, сунув руки в карманы. В противном случае просто придушил бы Лену. Опоздай он на пару секунд, и она бы упала, погибнув под железными копытами Троянской кавалерии. Грудь сковало холодом. Ужасным незнакомым ощущением, от которого Уилл задыхался. Лучше об этом не думать.

Позади него лакей помог подняться по лестнице толстой пожилой даме, которая

пыхтела и жаловалась. Лена тихонько попросила Генри отвести миссис Уэйд на кухню и предложить укрепляющий напиток. Судя по бессвязным причитаниям толстухи за последние полчаса, Уилл подозревал, что понадобится чуть ли не целая бутылка.

— Что ж, — вздохнула Лена, остановившись рядом с ним на лестничной площадке и глядя вслед компаньонке. — По крайней мере, она впала в истерику после происшествия.

От теплой женской кожи исходил восхитительный аромат мыла. Хоть бы раз Лена воспользовалась чем-то иным. Уилл привык связывать с ней этот запах, и даже от легчайшего намека член тут же встал.

Она посмотрела в прихожую, задев юбками его голени.

— Где бы ты хотел начать урок? В гостиной Блейда?

Первый этаж Логова был покрыт пылью и паутиной, половицы скрипели, а обои отслаивались. Ничего ценного. Вид отпугивал воров и шпионов Эшелона. Наверху однако жилище было совсем другим. Роскошные ковры, красивые картины, аромат пчелиного воска, а большинство комнат отапливались богато украшенными каминами. Очень немногие доверенные лица допускались туда.

Уилл мрачно кивнул:

— Сойдет.

— Я попрошу принести чая и пряников. — Лена посмотрела на него. — Ты голоден?

Он всегда был голоден. Гнев и страх быстрее сжигали запасы энергии в его теле.

— Ага.

— Тогда я захвачу что-нибудь посуше.

Она проплыла на кухню, а Уилл открыл дверь в гостиную. Прохладный воздух обдал лицо. Здесь давно не топили. Блейд в последнее время предпочитал находиться наверху в лаборатории жены.

Уилл почти не испытывал неудобств, но Лена любила сидеть перед разгоревшимся уютным камином. Чем-то она напоминала кошку. Уилл много раз наблюдал, как Лена сворачивалась калачиком на коврик, возясь с деталями сломанных часов. Он не разбирался в устройстве подобных штук, но Лена справлялась с ними играючи, будто с детской мозаикой.

К тому времени, как пламя затрещало в очаге, Лена вернулась. Уилл услышал шуршание юбок из коридора и почувствовал запах горячего ростбифа. Рот налился слюной, и вервульфен встретил Лену на пороге, сосредоточившись на тяжелом подносе в ее руках.

— Дай сюда, — пробормотал он, забирая ношу.

Лена перевела взгляд на огонь, подошла и вытянула бледные руки.

— Миссис Уэйд приходит в себя. Уверяет, что поднимется сюда с минуты на минуту. — Она криво ухмыльнулась. — Мне кажется, она не желает оставлять тебя наедине с моей девичьей чувствительностью.

Лена озорно прищурилась. Уилл медленно поставил поднос на маленький журнальный столик. А эта миссис Уэйд оказалась умнее, чем он думал.

— Ты голодна?

Запах говядины влек его к подносу. Уилл поднял крышку и оглядел тарелку. Жаркое Эсме с щедрой порцией подливки и толстым ломтем хлеба.

— Не очень.

Уилл поставил блюдо на колени и с удовольствием принялся за еду. Давно он подобной вкуснятины не пробовал.

Лена села напротив, сдвинув юбки на бок. Налила им обоим чая, а потом взяла себе тарелку с пряником. И несмотря на ее тихое мурлыканье вкупе с успокаивающим звоном столового серебра, в воздухе чувствовалось напряжение, такое же тяжелое, как молчание. Лена захлопала ресницами, украдкой взглянула на Уилла, а потом быстро отвернулась.

Так продолжалось уже год. С того самого дня, как она залезла к нему на колени, состроила глазки и прижалась к его губам.

Прямо здесь на этом проклятом диване.

Уилл сердито посмотрел на вышитые подушки. Его первый поцелуй был чертовым провалом от начала и до конца. Как только потрясение пронзило разум, Уилл уже не смог отодвинуться. Губы Лены были шелковистыми, влажными и соблазнительными. Затем она лизнула его языком, требуя ответного поцелуя. Он почему-то сжал в кулаке ее юбки. Приподнял другую руку, обхватил девичью шею и притянул ее ближе до того, как понял, что происходит.

Затем он вскочил, Лена упала на подушки с расширенными от изумления глазами, а ее зеленые юбки разметались вокруг. Мелькнули лодыжки, затянутые в чулки ножки манили рассмотреть их поближе. Перед Уиллом будто пролетали молниеносные видения. Он даже не сознавал, что делает.

Опасно. Лишь однажды Уилл не сдержался, потерял ощущение времени. То, что Лена так легко могла с ним это сотворить, напугало его больше, чем целая армия металлогвардейцев.

Если бы Уилл потерял контроль, если бы причинил ей боль, если бы инфицировал ее... то никогда бы себе не простил.

— Урок первый, — прошептала Лена, прерывая его раздумья, — джентльмен не пялится на даму так... нагло.

Жар залил ее щеки, а Уилл стал видеть еще четче. Он пялился на нее, как отчаянный идиот. Вспоминал тот поцелуй и вкус ее губ.

Опустив взгляд, Уилл подцепил вилкой кусок говядины и спросил:

— Как твоя подруга? Та блондинка?

Лена отломилась маленький кусочек пряника.

— Адель? Я навещала ее сегодня утром. Родители пустили слух, что она заболела. По крайней мере пока следы не исчезнут.

Слюна голубокровного ускоряла заживление, но Уилл видел немало шрамов, чтобы знать: отметины не всегда исчезают полностью. По правде сказать, не будь он вервувльфеном, его шея выглядела бы как железнодорожная колея.

— Думашь, исчезнет?

— Я принесла ей мазь. Лео иногда использует ее со своими трэями. — Возьсь с вилкой, Лена поинтересовалась: — Думаешь, Кэвендиш будет держать рот на замке?

— Будет, ежели хочет жить.

— Тебе нельзя просто угрожать голубокровным, Уилл. Это сработало бы в трущобах, но ты вливаешься в их мир и должен научиться играть по их правилам.

— А те вроде как не понравилось. — Он отставил пустую тарелку и откинулся в кресле, утонув в мягкой обивке.

— Не в этом дело. Конечно, я с удовольствием наблюдала, как он получает заслуженное. Кэвендиш задира и подхалим. Подстерегает молодых женщин в укромных уголках и силой навязывается. Ему и его репутации ничего не угрожает. — Ее лицо

помрачнело. — Только нам.

— Нам?

Лена побледнела.

— Я неправильно выразилась, имела в виду всех молодых девушек Эшелона. Он никогда не угрожал лично мне раньше.

— Но если пригрозит, ты мне расскажешь?

Она посмотрела ему прямо в глаза и солгала:

— Конечно.

— Лена, — предупредил Уилл, вставая на ноги.

Она взяла чашку и нервно поставила между ними.

— Это не мне он отомстит. Уилл, ты вчера выставил его дураком, он этого не забудет. Обещай, что будешь осторожен.

Наклонившись, Уилл положил руки на подлокотники по обе стороны от нее. Лена поджала губы и поставила чашку на колени.

— Ты мя не отвлечешь, — сказал он, беря ее подбородок большим и указательным пальцем.

Ошибка. Кожа Лены была шелковистой и мягкой, губы слегка раскрылись. Вид едва не лишил Уилла самообладания. Ее глаза смягчились, она затаила дыхание. Несмотря на нарочито легкомысленное поведение, в этот момент выражение ее лица было странно бесхитростным, робким и неуверенным.

Намек на уязвимость едва не уничтожил Уилла.

Он отдернул руку, будто ошпарился, и отвернулся, тяжело дыша.

— Если он будет те угрожать, ты ж мне расскажешь?

Лена опустила взгляд на колени:

— Конечно.

Какого дьявола с ней теперь не так?

— Ты его не боишься?

— Я могу справиться с мужчинами вроде Кэвендиша. — Отставив чашку, она пробормотала: — Головную боль мне устраивают другие, уж точно.

— Колчестер?

— Нет. — Она нахмурилась. — Зачем ты о нем заговорил?

— Он тя пугает, — признал Уилл. И продолжил потише: — Хошь, я его убью?

Лена встала:

— Ты с ума сошел? Он же герцог! Даже если ты до него доберешься, Эшелон тебя уничтожит. — И схватила вервувльфена за руку, глядя на него большими карими глазами. — Уилл, обещай, что ничего подобного не сделаешь! Обещай, что не станешь искать Колчестера.

Снова запах страха. Но на сей раз Лена боялась не за себя.

Уилл почесал затылок, настороженно глядя на ее руку. Никто никогда прежде за него не переживал, кроме Блейда.

— Я не позволю никому коснуться того, че мое.

— Я могу справиться с Колчестером, — убеждала Лена.

Намек на сомнение в ее голосе заставил волосы на его шее встать дыбом.

— Как? Улыбкой? Флиртом?

— Играя в игру! Прячась на виду и не позволяя ему застать меня одну.

— Ага, а че ты сделаешь, ежели он все-таки застанет тебя одну?

На это она не нашлась, что ответить.

Уилл прижал ее к себе.

— Ну?

— Есть... методы. — Лена положила руки на его живот, пытаясь сдержать. — Отпусти меня, Уилл, это неподобающе.

— Че еще за методы?

Взгляд ее стал сердитым.

— Я подчинюсь. Ему нужна лишь кровь. Мне это ничего не стоит. Он не сможет взять слишком много и убить меня. Я не... какая-то бедная беззащитная девушка с углем.

Эти слова пронзили его как нож. Горячая ярость прожгла разум, мир сузился, пока не осталось лишь напуганное лицо Лены.

— Черта с два.

Она вздрогнула, когда Уилл невольно усилил хватку.

— Прекрати, Уилл, отпусти меня!

Вскрик у двери привлек его внимание. Там стояла миссис Уэйд, ее черные юбки развевались словно парус на корабле.

— Я оставляю вас одних на пять минут, и вот, что случается! Сэр, сейчас же уберите руки.

Он даже не услышал, как она пришла.

Видимо, заметив что-то в выражении его лица, Лена прошептала:

— Не смей.

Она выказывала упрямство, а вовсе не страх. Это спасло миссис Уэйд. Немногие люди видели в Уилле мужчину. Только чудовище. Он не мог испортить свой образ в глазах Лены. Не мог действовать как зверь, которым его считали в этом мире.

Закрыв глаза, он разжал хватку, а Лена отступила и резко вздохнула, потирая руки.

Уилл схватил ее за юбку и наклонился. Он даже близко не закончил.

— Ежели он тока сунется к тебе, я его убью, Лена. Похороню так глубоко, что никто никогда не отыщет. Либо ты найдешь способ его остановить, либо это сделаю я.

Пять дней спустя Лена, пережевывая вишенку, следила за мечущимся взад-вперед Уиллом. Утром он был с Лео на примерке нового гардероба. Хотя Лене и поручили представить вервильфена Эшелону, ей не позволили взять на себя все.

«А жаль», — подумала она, сидя на кушетке в гостиной и разглядывая широкие плечи Уилла.

— Выпрями спину, будто просто прогуливаешься, а не выслеживаешь по переулкам какого-то грабителя.

Нельзя было не признать, что грация движений Уилла привлекательна, но в его повадках сквозило нечто опасное. Даже застывая, он все равно казался готовым к нападению.

Уилл мрачно зыркнул на Лену:

— Не хочу семенить, как один из тех стервятников в рубашках с буфами. Скока б ты меня ни гоняла.

Лена села ровнее. Уже четвертый урок, а Уилл сопротивляется на каждом шагу. Проблема не в том, что он не способен, просто ему плевать на правила этикета.

— Еще раз, — приказала она с вызовом.

Уилл скрестил руки на груди:

— Не пойму на кой.

— Как и всегда. Дело в том, что я дала тебе указание, а ты согласился меня слушаться. Я знаю этот мир, а ты — нет. И сейчас ты похож на трущобного хулигана, готового треснуть кого-то по голове.

Скрежеща зубами, Уилл вернулся к окну.

Лена прижала руку к глазам, едва сдерживая вздох. День обещал быть долгим.

— Расскажи про источники власти в Эшелоне.

— Все решения принимает Совет герцогов.

— И кто в него входит?

— Семь глав Великих домов и принц-консорт.

— Кто может наложить вето?

— В теории, королева по праву регента, — отозвался вервильфен, поворачиваясь кругом напоказ, чем напомнил ей Блейда. — Хотя правительница и выражает мнение принца-консорта.

— Как ты все это помнишь? — Он на все вопросы отвечал верно, хотя будто бы не слушал, когда Лена рассказывала о власти имущих в Эшелоне.

— Мя Блейд научил. Мы в Логове писать не мастаки, над все помнить. Кто нам денжат должен, скока кто уплатил, адреса, имена, кто поколачивает свою девку... — Уилл пожал плечами. — Плевое дело.

И медленно прошелся к Лене. Пальто он снял сразу, как часто делал в помещении. Серый твидовый жилет натянулся на широкой груди, а рукава Уилл закатал. На внутренней стороне запястья виднелась татуировка в виде пары скрещенных кинжалов — метка Блейда. Такую носили все в банде.

— Надо тебе избавиться от привычки закатывать рукава.

«Да и пальто не снимать».

Но Лена настолько наслаждалась видом, что ничего вслух не добавила. Взяв еще вишенку, она оторвала стебелек и сунула ягоду в рот.

Глаза Уилла задержались на ее губах.

— Че еще? Мы изучили поклоны, расшаркивание, жеманную походку, кого мне надо опасаться, у кого есть власть, у кого ее нет, че мне надеть...

Лена прокусила округлую сочную мякоть и сглотнула.

— Танцы.

— Тока не это. Мы уже потанцевали. — Он встал на колени на край кушетки и взял одну из вишенок.

Да, танцевали, под зорким взглядом миссис Уэйд, которая вела себя как неодобрительная мамаша. Теперь же они были одни...

— Определенно надо еще потанцевать.

Вытащив парочку ягод, Уилл наклонился и поболтал ими у губ Лены.

— Ты эт делаешь, чтоб меня помучить.

Лена сорвала вишню зубами.

— Точно.

Уилл закинул оставшуюся себе в рот и задумчиво прожевал.

— Позже. Все эти скачки мне надоели, а я еще не выспался.

— Извини, что мое общество так тебя утомляет.

Опершись на руку, он убрал ее ноги повыше, чтобы сесть нормально. Уилл действительно выглядел усталым: челюсть заросла щетиной, глаза темнее обычного.

— Дело не в твоём обществе. Прошлой ночью кто-то решил поджечь лавку под покровительством Блейда. Пришлось их искать. Какой-то пьяный идиот, который чуть не обосрался, када нас увидел. Такой проспиртованный, шо даж не заметил на двери скрещенные кинжалы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ладно, — сказала она, выпрямляясь. — Отложим танцы на потом.

— И больш никаких нотаций.

Лена поджала губы.

— Ни танцев, ни нотаций. Может, тебе больше понравится демонстрация?

— Определенно.

С улыбочкой она встала на колени. Дверь была открыта, и миссис Уэйд часто заглядывала, но пока они одни. И Лене хотелось проучить Уилла за то, что ему скучно в ее обществе.

— Расскажи, как женщина демонстрирует свою доступность в качестве потенциальной трэли?

— Понятия не имею.

Лена встала и подошла к миске с вишней, чуть больше покачивая бедрами. Взяла позолоченную миску, вернулась и села рядом, задев изумрудными юбками его бедра. Она оделась наряднее, чем обычно днем, но ученику этого знать не стоит.

Уилл напрягся. Она никогда прежде не понимала, сколько силы таится в мускулистом теле, но от него буквально исходила энергия.

— Во-первых, она одевается в белое, — сказала Лена, подцепляя еще одну ягоду. — Но

только вечером, так как днем такое платье считается немодным. Вишенку?

Уилл смотрел, как ягода приближается к его губам. На мгновение Лена засомневалась, возьмет ли он угощение, но затем вервильфен откусил сладкий плод, и ярко-красный сок окрасил его губы.

— И ты это сделаешь для голубокровного? — еле ворочая языком спросил он.

Лена глянула на него из-под ресниц. Он слизал сок с ее пальцев.

— Они бы посчитали меня фривольной, а это опасная репутация для дебютантки.

Уилл закрыл красивые глаза.

— Значит, со мной ты в игры играешь?

— Это все игры, — ответила Лена, легонько его обнимая. Заметив, что цвет глаз Уилла изменился, она поднесла еще одну ягоду к его губам. — Я же тебя не усыплю?

Уилл поймал ее за запястье.

— Нет.

Забрав вишню из несвободной руки, Лена откусила кусочек.

— Хорошо. — Наклонившись поближе, она указала на горло, легонько проводя пальцами по коже. — На женском теле есть некоторые местечки, которые трель обнажает, если ищет покровителя. Если они прикрыты, значит она не заинтересована. К примеру, горло. — Выгнув шею, Лена грациозно продемонстрировала гладкую кожу. — Ни одна дебютантка не наденет ни ожерелья, ни другого шейного украшения, если, конечно, не собирается подписывать контракт.

Зрачки Уилла блеснули, а взгляд опустился на горло Лены и ниже — к ключицам и холмикам груди. Платье было смелым даже для нее. Такое она надела лишь для Уилла.

— Че еще? — прошептал вервильфен, и по коже побежали мурашки.

В его глазах сиял вызов.

Наклонившись ближе, Лена показала ему внутреннюю сторону запястья. Мягкая кремовая кожа и голубые пульсирующие вены.

— Вот. — Их глаза встретились. — Помнишь, как здороваться с женщиной?

Уилл по инерции взял ее за руку, но она приподняла запястье. Вервильфен застыл, от неуверенности его лицо напряглось.

— Нужно прижаться губами к тыльной стороне руки, — прошептала Лена. — А женщина выражает свой интерес, подставляя запястье.

Уилл опустил голову и, чуть царапая щетиной коснулся губами нежной кожи внутренней стороны запястья Лены. Прохладная, едва ощутимая ласка. Напряженные соски вжались в черное кружево корсета. Лена прикусила язык, чтобы заглушить стон.

— Если голубокровный заинтересован, то поцелуй будет продолжительным. Возможно, даже с языком.

Уилл снова наклонил голову, следя за ней. Лена приоткрыла губы, когда он прижался ртом к ее запястью, посасывая мягкую плоть. Прикосновение шершавого языка задело что-то глубоко внутри, и она сжала ноги вместе, чувствуя раздражающее трение ткани панталон.

— А это очень дерзко для голубокровного, — прошептала Лена.

Уилл прервался. Его теплое дыхание охлаждало чувствительное местечко. Сердце Лены стучало под тесным корсетом. Что он с ней делает? Как ему удалось поменяться ролями так ловко? Она не могла этого вынести.

Уилл согрел ее руку в своей, словно обдавая волной гостеприимного жара, и задумчиво посмотрел на нее.

— А ты часто подставляешь свое запястье?

— А что? — Лена поерзала.

Янтарная радужка его глаз загорелась.

— Отвечай.

От властного голоса она заволновалась.

— Какое это имеет значение?

— Расскажи мне. — Он крепче стиснул ее руку.

— Однажды, — призналась она. — Я была молода, а лорд Рэмси — красив. Однако я усвоила урок. С тех пор — ни разу.

— Мне не нужна твоя кровь.

— Тогда что тебя интересует? — Лена наклонилась, зная, что корсет чуть соскользнул, а кудри рассыпались, обрамляя лицо.

Она затаила дыхание. Уилл невольно подался к ней, точно его влекла какая-то невидимая сила. Провел костяшками пальцев к ее лифу, легко поглаживая шелк, будто запоминая текстуру. От прикосновения по телу прошла искра, и Лена прижалась ноющими сосками к его ладони. Именно там, где ей хотелось. Именно там.

Каждый волосок на ее теле встал дыбом. Внезапно она ощутила сильное желание, отчаянную потребность почувствовать прикосновения Уилла. Лена наклонилась вперед, скользнув рукой по мускулистому бедру, склонив голову на бок к его...

Открыв рот, Уилл попытался что-то сказать, но затем зарычал.

— Черт ты дери, Лена. — Он отвел взгляд, решительно оттолкнул ее и сел, раскинув руки на спинке кушетки. — Я хочу тока научиться тому, за чем пришел.

И вот так, в один миг она его потеряла. Потрясение и разочарование затягивали в бездну неутоленной потребности. Лена всегда умела крутить мужчинами, но Уилл упорно не поддавался.

Задыхаясь, она попробовала в последний раз:

— Конечно, как и горло, закрытое запястье имеет разные значения. — И, указав на перчатки на столе, добавила: — Видишь, вечером я ношу длинные перчатки или такие, которые пристойно прикрывают запястья.

— Так и надо, — пробормотал Уилл.

Она покосилась на него, но выражение его лица было пустым и непонятным. Вервильфен уперся локтями в колени и мрачно воззрился на Лену в ответ.

— Леди в полуперчатках — другое дело. Так она обнажает запястье для голубокровного. Верный признак того, что она свободна, возможно, даже немного легкодоступна.

— А голые запястья?

— Никогда. Только покровитель видит обнаженные запястья женщины. Это считается очень интимным.

— Ток сейчас на тебе нет перчаток.

— Ты сам сказал, что тебе не нужна моя кровь.

Уилл помрачнел. Лена прислонилась к спинке кушетки, играя с его рукавом.

— Тебя, наверное, больше заинтересует разница между правом на кровь и правом на плоть, — прошептала она.

Мышцы его руки чуть дернулись.

— Об чем это ты?

— Женщина предлагает свою кровь покровителю, когда становится его трэлью в обмен

на защиту и пропитание. А вот с плотью — совсем другое дело. Это одна из ошибок, которые совершают представители среднего класса. Они предполагают, что покровитель не только пьет кровь трэли, но и берет девушку себе в постель.

Уилл посмотрел на Лену.

— Что невозможно без ее согласия, — тихо добавила она, зная, что ступила на опасную почву. — Плотские права она может предоставить добровольно. Возможно, это тебя больше интересует? — Наклонившись, Лена облизнула губы, и вервильфен тут же опустил на них взгляд. — А тебе хочется плоти, Уилл?

Он отшатнулся и жестко спросил:

— А ты предлагаешь? Потому что там, откуда я, мы эт называем по-другому.

— Ты путаешь разные понятия. Плотские права даются добровольно. Всего лишь ради удовольствия.

Уилл покраснел и сунул руки в карманы.

— И как покровитель узнает, шо их предложили?

Лена вскинула бровь и провела пальцем по гладкой ключице.

— Она приходит к нему обнаженной в кровать.

Уилл зашипел на это наглое заявление. «*Интересно, представил ли он себе то же, что и я?*» От этой мысли Лена затрепетала.

— Обычно об этом не говорится, но помимо уроков этикета, шитья и музыки, молодым девушкам часто... намекают... как доставить удовольствие мужчине, если вдруг захочется предоставить ему плотские права.

Не то чтобы она многому научилась, прежде чем отца убили, а ее потащили в Уайтчепел. Но Уиллу не стоит об этом знать.

Он прищурился:

— Уверен, что об этом надо говорить тока с самим покровителем.

— Правда. Я просто дразню тебя, — пожала плечами Лена.

— Опять игры, — пробурчал Уилл с отвращением. Затем встал, сцепил руки за спиной и принялся вышагивать по коврику перед кушеткой. — Те стоит преподать урок, чо мужик в моем мире делает с зарвавшейся девицей.

— Ты не посмеешь. — Лена не собиралась бросать вызов, понимая, что нельзя заводить вервильфена слишком далеко. Она прекрасно знала: он отойдет в ту же секунду, как в игре появится намек на сексуальность.

Уилл повернулся, и их взгляды встретились.

— Не посмею?

Он наклонился, оперся на кушетку по обе стороны от Лены и просунул колено между ее ног, раздвигая бедра и сминая юбки. Она застыла, когда он сжал локон черных волос, упавший на ее плечо.

— Все энти игры... А че ты сделаешь, ежели играть буду я?

В венах Лены забурлило волнение. Уилл никогда не флиртовал с ней в ответ.

— Не говори мне, что я наконец достала тебя до печенок.

— Скорее, играешь на нервах. — Он осторожно погладил ее волосы, затем запустил руку в кудри, красиво уложенные на затылке. Склонил к ней лицо. Их дыхание смешалось. Возбуждающе близко.

Лена осознала: ее поймали в ловушку. Сжав рубашку Уилла в кулаке, она уставилась на него. Он смотрел сурово, почти жестоко. Вдруг ей перестало нравиться происходящее.

— Отпусти меня, — прошептала Лена.

— Почему? Разве ты не этого хотела? Моих рук на своем теле? Разве не заради этого играла последний час? Я перешел границы? Или говори начистоту, или я заведу твою забаву, куда ты не собиралась.

Одно слово. «Да». Одно слово, и он это сделает. Но встретившись со стальным взглядом в невероятных глазах, Лена поняла, что Уилл не шутит. Когда это перестало быть игрой? Чем-то больше невинного флирта?

«Хм, ставлю сотню фунтов, что ты ошибаешься, — прошептал в ее голове голос Адель. — Что в следующий раз он тебя поцелует».

Так да или нет? Сердце колотилось в груди. Однажды Лена поцеловала Уилла. Заигралась. Но его сообщение ясно как день: больше он такого не потерпит. А в глубине души Лена боялась выводить все на новый уровень.

Она не настолько отважна: если для него их поцелуй ничего не значит, если Уилл ею воспользуется и беззаботно отбросит, то это не пройдет для нее бесследно.

— Нет.

Он закрыл глаза:

— Больше ниче такова. Хватит на седня игр и уроков. Да они и так не особо полезны.

Уилл отпустил ее и выпрямился.

Лена разозлилась. Ее все еще трясло. Какое-то странное ощущение, словно мир крутился все быстрее, а она за ним не попевала.

— Уроки не бесполезны. Я пытаюсь помочь, однако тебе плевать на все, что я говорю.

— Эшелон все равно мя не примет. Они хотят Зверя, и я им его предоставлю. — Уилл бросил ироничный взгляд на Лену, расправляя рукава.

Она с трудом села. Юбки помялись, эмоции захлестывали. Уилл взял их маленькую забаву и перевернул все с ног на голову. Раньше он отвечать не осмеливался. Лена годами его подкалывала, а Уилл ее игнорировал... Тогда казалось, что самое худшее — его притворство, словно ее не существует, но Лена ошиблась. Хуже всего — ответить тем же, совершенно уничтожить ее защитные барьеры, а потом стоять, будто случившееся и вполонину не задело его так сильно, как ее.

— Значит, в этих уроках нет нужды, — сказала она. Изумительно, что голос едва дрожал.

Уилл застыл, застегивая рукав.

— Нет нужды, поэтому можешь больше сюда не приходить и не надо сопровождать меня в обществе.

Вервильфен задумался, но потом угрюмо ответил:

— Нет, я продолжу.

— А зачем мне тратить попусту время? — Лена сумела подняться, расправила юбки и пригладила лиф. Быстро взглянув в зеркало, заколола выбившиеся из прически волосы и воткнула шпильки на место, чувствуя на себе взгляд Уилла.

Кожу покалывало. Черт его возьми.

— Ты не слушаешь, что я говорю, высмеиваешь все правила общества и мои усилия, — продолжала Лена, пытаясь не обращать внимания на ощущения. Кожа вдруг стала тесной и зудела. — А знаешь, что самое худшее, Уилл? Ты позволяешь им видеть в тебе зверя. — Она повернулась к нему лицом. — Делаешь все, чтобы подтвердить свою репутацию, образ, а потом презираешь их за то, что они смотрят на тебя свысока.

В его взгляде блеснул жар. Уилл шагнул к Лене.

— Эт репутация нас всех и спасает. К тому ж я вервувльфен. Они меня другим и не видят.

— И ты себя тоже!

Этот возглас застал врасплох их обоих. Лена выдохнула и дерзко уставилась на Уилла.

— Ты называешь себя зверем, потому что в это веришь. Считаешь, что ты такой и есть. — Судорожно вздохнув, она продолжила: — Ты сопротивляешься мне на каждом шагу, потому что ненавидишь Эшелон, но я не только пытаюсь помочь тебе влиться в него. Я стараюсь показать тебе другую жизнь.

Между ними повисло молчание. Уилл потрясенно уставился на Лену. Но не злился. Воодушевившись, она шагнула к нему.

— Используй мои уроки для того, чтобы стать тем, кем хочешь. Заставь Эшелон посмотреть тебе в глаза. Брось им вызов, чтобы с тобой обращались, как с человеком. С опасным человеком, если так надо, но не... как с животным.

Уилл отвернулся, будто Лена его ударила. Затем прищурился:

— А ты?

— А что я?

— Как ты поступаешь со мной?

Она покачала головой:

— Не знаю, я...

Уилл помрачнел.

— Ты знаешь, че скажут. Че подумают, када увидят тя со мной. Притворишься? Будешь смеяться с ними украдкой, чтоб сохранить место в их мире? Или рискнешь попасть под их осуждение? Рискнешь всем, чтоб доказать свою правоту? Так как, попомни мои слова, тебе это обойдется недешево.

Лена посмотрела на него, чувствуя волнение от близости его тела. Ни разу она не подумала, чем ей грозят их уроки. Водить знакомство с вервувльфеном — совершить самоубийство в глазах света.

— Ага, — прошептал он, — я так и думал. — Уилл прикоснулся к ее щеке, поворачивая к себе. — Ты играешь со мной, Лена, потому что здесь этого никто не видит. Ну а я устал быть твоей игрушкой. Ты права. Мож, я и позволяю другим влиять на мое мнение о себе. Но, несмотря на все дерзкие речи, ты ведешь ся точно так же.

Слова ранили. Несмотря на ненависть к Эшелону, Лена следовала их правилам так же как и он. Позволила им определять свою сущность, свои мысли и поступки.

Уилл отпустил ее.

— Ты об этом не подумала? — Его губы сложились в грустную усмешку, он схватил пальто со стола и закинул на плечо. — Увидимся на официальном представлении. — С коротким кивком, Уилл отправился к двери. — Посмотрим, че стоят твои слова.

Два дня спустя Уилл стоял, прислонившись к кирпичной стене, и разглядывал огромную белую башню, которая тянулась к небесам. Алебастровый мрамор блестел даже в унылом вечернем дожде, постоянно напоминая о власти Эшелона. Завтра ночью в честь прибытия скандинавской делегации здесь пройдет официальный бал-представление. Уиллу

придется вооружиться лучшими манерами и очарованием, чтобы попытаться уговорить их подписать мирный договор. От этого титанического задания у него потели ладони.

Что если он не справится?

Уилл прежде не сознавал, насколько в глубине души мечтал о респектабельности свободного человека. Чтобы сняли цену за его голову, дали возможность приходить и уходить, когда вздумается, не оглядываясь через плечо. Делать то, что хочется... что угодно... не ограничиваясь лишь ролью наемного охранника.

Уилл об этом почти не задумывался, но слова Лены с последней их встречи все крутились у него в голове. Он должен Блейду целый мир, но в глубине души злился, что его жизнь так ограничена. Что-то голодное и полное желания скрывалось в сердце вервульфена, и он не знал, что это такое и как его успокоить.

Уилл, прищурившись, наблюдал, как к парадным воротам подъезжает позолоченный экипаж. Вырвался густой угольный дым выхлопа. Уилл проследил за коляской от Мейфэра, где все утро охранял особняк Бэрронса. Дождь помог ему скрыться, а лакеи потеряли бдительность. Какие дураки. Это лишь доказывало, как просто Колчестеру, при желании, добраться до Лены.

Слуга открыл дверцу, и на его руку легла изящная ладонь. Вышла Лена в платье цвета смятых розовых лепестков и нервно оглядела башню.

При виде нее Уилл всегда переставал дышать. Внезапно неизвестная потребность, внутренний голод обрели имя и лицо.

И это волновало его сильнее, чем весь Эшелон вместе взятый.

«Она не для тебя».

Она человек, а он — вервульфен. Он никогда не сможет разделить с ней постель, не рискуя жизнью Лены и случайным заражением волчьим вирусом. Ему вообще не стоило об этом забывать.

С хмурой гримасой Уилл скрестил руки на груди и стал ждать. Он не мог охранять Лену в Башне из слоновой кости, отчего волосы на затылке вставали дыбом. Ему придется надеяться, что там Лена будет в безопасности.

Иное совершенно исключено.

Лена оглянулась через плечо, поглаживая блестящие перышки ворона. Гнездовье на верхушке Вороньей башни кишело клетками с кричащими птицами, которых Эшелон когда-то использовал для отправки сообщений. Теперь, с изобретением пневматических трубок и радио-частот, нужда в пернатых отпала, но вороны оставались традицией. Не видеть их, кружащих у самого шпиля башни, было бы в самом деле странно.

И люди по-прежнему иногда пользовались птицами. Среди голубокровных и юных дебютанток стало очень модно посылать друг другу тайные сообщения. В теперешнее время ворон значил намного больше, чем букет цветов.

Лена отыскала знакомую уродливую старую птицу, открыла клетку и подманила посыльного себе на запястье. Не обладающий такой же точностью, как почтовый голубь, хорошо обученный ворон все равно мог найти дом, в котором вырос. Затем слуга возвратит птицу обратно в башню для следующего сообщения.

На клетке не было герба; Лена не знала, кому она принадлежит.

Стальной браслет обвивал левую лапку ворона. Лена вытащила небольшую кожаную трубочку из корсажа и надежно закрепила. До этого отправить сообщение мистера Мандевилля у нее не было возможности. Слишком частые визиты в трущобы вызвали бы подозрения, и после нескольких дней в раздумьях, она решилась отправить записку.

Это последнее послание до встречи с Меркурием.

Оглянувшись через плечо, она поднесла птицу к открытым часам, которые занимали большую часть помещения. Тяжелый бронзовый циферблат на верху башни привлекал взгляды, а через грани проникал холодный ветер. Размеренно тикающая секундная стрелка проплыла мимо, и Лена подняла ворона и выпустила.

Перед ней высилась Башня из слоновой кости. Воронья была одной из четырех башенок поменьше, которые окружали крупную цитадель. Птица взмыла вверх, облетела блестящую белую махину и исчезла над соседним заброшенным собором.

Выполнив задание, Лена пошла по лестнице мимо деревянных клеток. Она как-то пыталась проследить за вороном через подзорную трубу, но узнала лишь, что он направился на запад, а через некоторое время спикировал вниз.

Судя по всему, либо в Мейфэр, либо в Кенсингтон.

Значит, ее связной внедрился в высшие круги Эшелона. Может, слуга? Или трэль у влиятельного покровителя? Тот, у кого есть доступ к тайнам Эшелона. Судя по переданным сведениям, источник близок к самому Совету герцогов.

Завтра или через день ответный ворон поскребется в ее окно с запиской для Мандевилля. Лео считал, что у Лены завелся поклонник.

Закрыв тяжелую деревянную дверь в гнездовье, она задвинула щеколду и повернулась. Мелькнула молния из черного шелка, и кто-то прижал Лену спиной к себе, легонько приставив нож к сонной артерии.

— Не шевелись, — раздался хриплый шепот.

Лена застыла, сердце подскочило к горлу. Неужели кто-то за ней проследил? Они знали, что она только что отослала?

— Какое у смерти лицо? — произнес то ли мужской, то ли женский голос, но слова были знакомы. Значит, тоже гуманист.

— Бледное, — прошептала Лена.

Нажим клинка чуть ослаб, но не пропал.

— Завтра прибывает скандинавская делегация. Я хочу, чтобы ты сорвала подписание мирного договора.

— Вы ошиблись, я уже этим не занимаюсь. Я же сказала Мандевиллю.

Нажим усилился, и Лена выгнулась назад, судорожно сглатывая. Нападавший был выше, но не слишком.

— Когда Меркурий прикажет, тогда и перестанешь. — Ледяной голос, жестокие руки.

Лена резко вздохнула.

— Вы — Меркурий?

Повисла долгое молчание.

— Я передаю его приказы.

— Как мне остановить заключение договора? Я не знаю...

— Используй Зверя, — прошептал гуманист.

Лена стиснула зубы.

— Нет.

Резкий ответ эхом прозвучал в каменном коридоре. Нападающий убрал руку с ее талии.

— Может, это изменит твоё решение?

В ладонь Лене вложили что-то угловатое и металлическое. Она приподняла вещь и когда поняла, что это такое, сердце забилося неровно.

Один из заводных солдатиков Чарли, которых Лена сделала собственноручно. В последний раз они стояли у брата на полке в его спальне.

— Сорви мирный договор или я заберу не только его игрушки, — резко прошипел нападавший.

Затем давление на горло исчезло, и Лена накренилась вперед, пока кто-то поспешно удалялся прочь по коридору.

Она заметила лишь черный закручивающийся плащ. Но кое-что привлекло ее внимание: человек не способен двигаться с такой прытью.

Ей угрожал голубокровный.

Рядом с южными доками пьяняще пахло духами. Вот только этот аромат никак не мог скрыть землистый запах Темзы, сейчас еще более зловонный из-за стоящего на дворе лета. Тут и там леди подносили к носикам надушенные мешочки с ароматическими шариками, а у некоторых даже в веерах были вшиты благовония.

Вокруг платформы, воздвигнутой вдоль доков, замерли настороженные металлогвардейцы. В из глазницах приглушенно сияли едва заметные голубоватые огоньки, от полированных золотых нагрудников отражались газовые фонари. Хотя императорский эскадрон насчитывал лишь пару сотен машин, выглядели они впечатляюще. И пусть их использовали в основном только на церемониальных мероприятиях, встроенные в механические руки кинжалометы делали гвардейцев крайне опасными.

От волнения по коже мурашки бежали. Восторг толпы был заразителен, но даже несмотря на это Лена не могла толком улыбнуться. Здесь присутствовал практически весь Эшелон, разодетый в сверкающие драгоценности и яркие шелка. И любой мог оказаться голубокровным из Башни.

Кто-то подошел сзади.

— Расслабься. Его здесь не будет. Если, конечно, он хочет пожить еще немного, — прошептал Лео. Его рука согревала изгиб ее спины.

Колчестер. Лена про него почти забыла.

— Знаю. Не здесь. Не у всех на виду, во всяком случае. — Она посмотрела по сторонам. — Что-нибудь слышно про Уилла?

Уже три дня как Лео получил гардероб Уилла, но тот лишь запиской предупредил ее, что чем-то очень занят. Прозвучавшие в тот раз слова задели их обоих за живое. И лишь бы не думать о нем, Лена заняла себя созданием игрушки.

Легче сказать, чем сделать. Не важно, что сейчас она занималась только внутренними зубчиками и шестеренками, рано или поздно ей предстояло припаять внешнюю железную обшивку на место, формируя грубую фигуру заводного воина. Даже в работе — деле, в котором Лена всегда полностью отключала свой беспокойный ум и просто погружалась в сборку кусочков головоломки, — даже тут она не могла избежать мыслей об Уилле

— Он придет, — заверил Лео и окинул взглядом кричаще разодетых голубокровных. — Когда придут скандинавы, мне придется присоединиться к Совету, но не хочу оставлять тебя без присмотра.

— Со мной все будет хорошо.

Лео поймал ее взгляд и кивнул:

— Стой здесь. Я пригляжу за тобой с платформы.

И тут неожиданно над рекой взорвалось небо. Вздых изумления наполнил воздух, и толпа зааплодировала.

Вихрь кружащихся розовых и голубых огней разорвал бархат облаков, перемежаясь визгом ракет. Оранжевый огненный шар расцвел, лишая Лену ночного зрения.

— А вот и они, — пробормотал Лео. — Я лучше пойду.

Проморгавшись, Лена разглядела на реке темный силуэт. Он скользил по маслянистой воде, гладкий и целеустремленный, словно змея. По мере приближения корабля смех и приветствия стихали до приглушенного шепота. В итоге остался лишь только писк

запущенного в небо фейерверка.

Корабль длиной едва ли не в двести футов слегка напоминал суда, на которых плавали предки нынешних скандинавов. Носовой фигурой служила изогнутая голова дракона, а громадные парусиновые крылья были крепко прижаты к бортам. Металлический корпус поблескивал золотой краской, украшенные драгоценностями щиты тянулись вдоль бортов, и каждый самоцвет сиял в свете фонарей.

Корабль-дракон сопровождали еще два других судна, чьи гелиевые оболочки сейчас были спущены и убраны. Такие корабли могли использоваться одновременно на воде и в воздухе, представляя равную опасность. На палубах выстроились рослые воины в синих мундирах с нашитым на груди золотым шнуром и в шлемах с высокими черными плюмажами. Свет фонарей с доков янтарным блеском отражался в глазах новоприбывших.

— Посмотри на них, — зашептала рядом с Леной какая-то женщина. — Такие дикие!

— Я и смотрю, — ответила ее товарка в свой веер, и обе рассмеялись.

Взрыв салюта вызвал у собравшихся буйный восторг. Небо озарилось золотыми, голубыми и розовыми всполохами. Лена ничего не могла с собой поделаться и в конце концов отвернулась от кораблей, бесшумно скользящих по воде.

Она почувствовала его задолго до того, как увидела.

Покалывание по коже.

Какое-то внутреннее ощущение угрозы, хоть и столь волнующей.

Уилл.

Затаив дыхание и крепко сжав веер, Лена посмотрела вокруг. Ее зрению еще мешали кружащиеся слепые пятна, но она искала его. Ничего не имело значения, ни толпа, ни приближающиеся корабли. Ни даже Колчестер.

Весь день она провела в волнении, не в силах успокоиться. Поковыряла еду да пробежала глазами заметку в «Таймс». Голос Уилла продолжал звучать в ее голове: *«Посмотрим, че стоят твои слова»*.

Лена вздрогнула, почувствовав на себе его взгляд.

За ее спиной раздались шепотки. Толпа зашевелилась. В затылке закололо. Лена обернулась, взволнованно обмахиваясь веером, и увидела, как, шелестя юбками, дамы расступились, словно Красное море. Сперва Лена его не узнала. Видела лишь мужчину в черном костюме, шедшего сквозь толпу таким с высокомерным презрением, будто он из их среды.

Лена окинула взором элегантный крой пиджака с пуговицами точнехонько по левой стороне груди, подняла взгляд выше и...

«О боже...»

Она действительно перестала дышать.

Она никогда не видела Уилла в чем-то, кроме свободной рубашки и пальто. В вечернем костюме он выглядел просто сногсшибательно. Строгий черный цвет привлекал внимание к смуглому золоту его кожи, вот только не стало тех прекрасных янтарных локонов, к которым Лена всегда жаждала прикоснуться.

Ее веер замер, кончики перьев в невесомом танце касались груди. Уилл выступил из теней: свет фонарей выделил строгие линии скул и лба, а взгляд бронзовым прожектором уперся в Лену с такой интенсивностью, что трактовать его двояко было невозможно. Неприкрытый интерес хищника.

Уиллу пора прекратить так на нее смотреть.

Если этот взгляд заметят окружающие, ее репутации конец. Лена резко отвернулась, испуганно втянув воздух.

То есть поступила именно так, как он и предсказывал

Плечи Лены поникли. Уилл и в самом деле подначивал ее демонстративно отринуть связь между ними. И, несмотря на звучащую в голосе насмешку, в его глазах мелькнула боль.

Словно он знал, что никогда не будет достаточно хорош для нее.

Склонив голову, Лена вновь повернулась, чувствуя устремленные на них ехидные взгляды. Если бы только он не стоял там безмолвно, в ожидании, когда она примет решение: порвать ли с ним, или навсегда отказаться от возможности влиться в этот блистательный мир.

Но как сможет Эшелон принять вервульфена, если сама Лена этого не сделает?

Уилл протянул ей руку столь плавно, будто они отработывали это движение тысячи раз, а не пару десятков. В глазах плясали дьявольские огоньки.

— Идем?

Несмотря на перчатки, Лена даже сквозь рукав почувствовала неестественный жар его тела. Стоило им только направиться к платформе, как началось перешептывание, и улыбка на губах Лены померкла.

— Мне не полагается подниматься вверх, — прошептала она.

В небе гремел салют, и пронзительный вой ракет заглушил ее слова.

Уилл наклонился. Теперь, когда он стоял к ней боком, оказалось, что его волосы забраны назад в тугую косу, а концы бархатной ленты свисают с затылка.

— Я подумала, что ты подстригся, — выпалила Лена.

— А чему тада радуешься? Сама ж говорила, мол, моя стрижка немодная.

Ни единого намека, что он испытывает те же мучения, что и она. Лена сжала зубы:

— Так и есть.

— Ну тада обкорнаюсь.

Она выглядела такой потрясенной, что на губах Уилла заиграла улыбка, невольно притягивая взгляд. Опасно. Сердце тревожно затрепетало.

— Все срежу. — Он провел рукой по голове. — Все равно, они мя раздражают.

— Делай, что хочешь, — солгала Лена. — Меня это не волнует.

Уилл лишь усмехнулся в ответ.

— Ну вот и пришли, — сказал он, уставившись на платформу.

Ни принц-консорт, ни королева еще не явились, но все семь членов Совета уже были здесь.

Уилл глубоко вздохнул, и только сейчас Лена поняла, что он волнуется. Она сжала его руку:

— Ты никогда не встречал кого-нибудь из своего вида?

— Никада. — Его взгляд остановился на морских офицерах, что выстроились на палубе корабля-дракона. — Большую часть жизни просидел в клетке, ну а потом в Чепеле, када за голову цену назначили.

Что-то сжалось у нее в груди. Лена взяла Уилла за руку, скрыв их соединенные ладони в складках своей юбки. Все смотрели на реку. Она стиснула его пальцы, он вроде замешкался, но через несколько секунд ответил на пожатие.

— Перемирие, — прошептала Лена. — Только на эту ночь?

— Мир, — согласился Уилл.

Пока они поднялись на лестницу, ветерок взлохматил ее волосы, принеся с собой насыщенный коричневый аромат духов леди Араminy. Лена встала за спиной герцогини и высвободилась из хватки Уилла.

За грохотом салютов и бормотанием толпы стал нарастать странный постукивающий гул. Вода за последним из кораблей-драконов вспенилась, и из-под нее появилась чья-то гладкая темная голова.

— Что это? — спросила Лена.

— Подводная лодка «Кракен», — отозвалась герцогиня. Ее глаза цвета бренди внимательно вглядывались в волны. — Невидимый убийца военно-морских сил скандинавов. Единственное, что когда-либо смогло потопить один из наших дредноутов.

Удивленная, что герцогиня ей ответила, Лена осмелилась задать еще вопрос:

— Я думала, дредноуты неуязвимы?

— Нельзя бороться против того, что не видишь. А вибрацию их винта можно ощутить лишь в последнее мгновение. Захваченный в одиночку, даже дредноут не устоит против стальных щупальцев «Кракена».

Наполнившая воздух пульсация едва ли не пробиралась под кожу. Лена с трудом могла вообразить силу, необходимую для подобного.

— В любом случае, они нечасто решаются заплывать столь далеко от своих вод, — задумчиво продолжила Арамина. — Должно быть, сейчас стараются произвести на нас впечатление.

— Им удалось. — Лена наблюдала за полными благоговениями лицами толпы, когда из воды вынырнула куполообразная голова подводной лодки, сделанная из металла и стекла.

Первый из кораблей-драконов причалил к пристани. Двое из экипажа корабля носили голубые мундиры шведской армии с золотыми эполетами с кисточками. Каждый был ростом с Уилла. Двигаясь по-военному четко, они застыли по стойке смирно, когда на палубе корабля появились три офицера.

Еще один корабль пришвартовался к пристани с небрежной легкостью, остановившись практически вплитык к шведским судам. Седовласые, покрытые рубцами матросы сердито поглядывали на толпу. Толстые волчьи шкуры свешивались с их плеч, лица большинства моряков украшала густая растительность.

Норвежские кланы.

За спиной Лены раздался шум — по мостовой звонко вышагивали металлические сапоги. На площадь выехала карета, сверкающая перламутровой инкрустацией, и замерла прямо перед платформой. Императорские металлогвардейцы выстроились в живой коридор и перекинули церемониальные ружья через бронированные плечи.

Из кареты вышел утонченно прекрасный принц-консорт, и толпа восторженно его поприветствовала.

Лена не знала, на что смотреть. Мир превратился в вихрь красок, салют взорвался безумством огней. Принц-консорт открыл дверь кареты и помог спуститься на причал хрупкой королеве-человеку. Позади них стояли скандинавы под предводительством огромного мужчины в алом кителе. Ростом он был даже чуть выше Уилла, а рубленные контуры его скул смягчал только полноватый рот.

Уилл вздрагивал при каждом всполохе, его ноздри трепетали. Ну конечно, для него все это в новинку.

Лена потянула его за рукав:

— Полагаю, вон тот мужчина — глава шведской делегации. Граф Стефан Халлестрём из Скальдов. Его называют Боевым молотом. Даже норвежские кланы обходятся с ним почтительно, а они-то совсем бесстрашные.

Ленивый взгляд янтарных глаз задумчиво остановился на ней. Уилл расслабился, чего она и добивалась.

— Норвежцы те еще хитрецы. Официально, стортинг был распущен, и страна покорила Шведскому двору. В столице многие уже приспособились к новому положению дел, а вот провинция больше привержена традициям. — Лена взглядом указала на группу хмурых норвежцев на пирсе. — Впереди — Магнус Рагнарссон, фенрир клана Ворона. Может, он и одноглаз и старше нас обоих вместе взятых, но считается очень хитрым, и его люди верны ему до последнего вздоха. По правую руку от него его сын Эрик. — Тут глаза Лены чуть расширились. До нее доходили слухи, что Эрик красавчик, но стоило светловолосому воину улыбнуться, как половина присутствующих дам прекратила дышать. Веера затрепетали, словно целая стая бабочек. — Только не дай ему себя очаровать. В клане нельзя занять высокое положение, никого не убив по пути. Чем выше они стоят, тем больше крови пролили. А этот метит занять однажды место своего отца.

В ответ на это замечание — лишь тишина. Лена подняла глаза и увидела, что Уилл смотрит на нее, угрожающе прищурившись.

— Что?

— Похож, не мне надоть волноваться по поводу его очарования.

Она покраснела и быстро замахала веером:

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ты вздохнула.

— Ничего подобного.

— Похож, у ты опасная слабость к вервильфенам-мужчинам.

— Уверю тебя — ничего подобного!

И все же Лена никак не могла отвести любопытного взгляда от златовласой фигуры на пирсе, от доспеха из серебряных пластинок и тяжелого топора на поясе. Когда-то она обвиняла Уилла в варварском поведении, а Эрик был воплощением варвара.

Или, по крайней мере, скандинавским богом.

Загремели фанфары, и ряды норвежцев расступились, чтобы пропустить кого-то еще. Вервильфены переиграли голубокровных — все на пристани вытянули шеи, чтобы разглядеть, кто же достоин таких почестей.

Из рядов кланов выступила молодая женщина.

— Ох, — выдохнула Лена.

Безмолвие повисло над толпой. И неспроста. Девушка была высокой, стройной и с грудью красивой формы, а таким лицом можно и переполненный бальный зал погрузить в тишину. Каскад светлых волос небрежными волнами спадал до талии, голову венчала золотая диадема. Незнакомка облачилась в простое белое платье с щеголеватой накинутой на одно плечо волчьей шкурой — но и этой простоты оказалось достаточно. Золото и самоцветы потерялись бы рядом с этими мягкими губами и восхитительными чертами лица.

— Иисусе! — поднял бровь Уилл.

Тело пронзила острая вспышка. Лена обрушила на его ногу весь свой ничтожный вес:

— Закрой рот, а то муха залетит. Она прекрасна, но не настолько же!

Осознав, что Уилл теперь уставился на нее, Лена отвернулась. Жар его взгляда опалял

кожу, и пришлось обмахиваться веером еще быстрее.

— Ревнуешь? А я-то думал, эт лишь игра!

Лена замерла и встретила его пылающий взор. Уилл вроде бы шутил, но выражение его лица говорило совсем о другом.

— Нет, конечно! Пялься на нее сколько влезет. Меня не волнует. Но моя задача — помочь тебе выйти в свет и не выглядеть при этом мужланом из трущоб. Ты же хочешь произвести на них впечатление?

Хотя сама Лена предпочла бы держаться от Эшелона подальше.

Она покрепче сжала веер, чувствуя укол вины, и прошептала:

— Что ты на меня уставился?

— Ты се равно самая красивая женщина из всех, кого я видел.

Сердце яростно забилося в груди.

— Тебе не стоит говорить мне такое.

Уилл пожал плечами. Будто для него это ничего не значило.

Вот только для Лены — еще как значило.

За время при дворе она выслушала от голубокровных тысячи пустых комплиментов. Слова необходимы, чтобы очаровывать и соблазнять. Уилл же никогда не занимался пустословием. В груди потеплело.

Но тут Лена вернулась с небес на землю. Если Уилл узнает, что она намерена расстроить перемирие, то придет в ярость. И не будет больше улыбок и комплиментов. Он ее возненавидит. Лена сжала веер, глаза защипало. Она поспешно отвернулась и с трудом сглотнула. Он никогда не узнает. Поддержка скандинавов не важнее жизни Чарли.

— Ты стока про них разузнала, — протянул Уилл, когда принц-консорт вышел вперед поприветствовать шведского посла.

Стороны обменялись формальными приветствиями вкупе с натянутыми улыбками и рукопожатиями.

Посол склонился перед королевой ниже, чем перед принцем-консортом. Хитрец наверняка в курсе, кто де-факто правит Британией, так что это оскорбление, и, без сомнения, лишь первое из многих.

Быть может, в конечном итоге задача Лены окажется не столь сложной?

— Мне было любопытно.

А еще необходимо знать, кто станет ее целью. И снова живот скрутило от чувства вины.

— Этот Магнус, — пробормотал Уилл. — Он возглавляет норвежцев?

Она не могла отказать Уиллу в информации, которую заполучила, сплетничая часами напролет.

— Сейчас в Норвегии осталось только пять кланов. Магнус возглавляет один из них, но в этой делегации он будет говорить от имени всех. Истинная власть в Норвегии принадлежит Валдемару Еинарссону, ярлу всех кланов. — Лена украдкой взглянула на склонившуюся в поклоне перед королевой девушку. — Должно быть, это его дочь, леди Астрид.

— А че будет после того, как они закончат кланяться и расшаркиваться?

— Все направятся в Башню, и начнется приветственный бал.

Легкий проблеск тревоги мелькнул в глазах Уилла.

— Да, Уилл. Танцы, — подтвердила Лена, наслаждаясь моментом. — Там и посмотрим, как ты запомнил мои уроки.

Лампы сияли. Стены официального зала торжеств были завешаны чередой зеркал, украшенных по краям завитками позолоты и перемежающихся изысканными картинами. Уилл задержался наверху застланной красным ковром лестницы, когда объявили их с Леной имена.

Сотни лиц обернулись в его сторону. Голубокровные, вервульфены и люди. Быстрым взглядом окинув толпу, Уилл обнаружил, что норвежцы собрались в углу, всем своим видом выражая внимательность и настороженность. Фенрир перехватил взгляд, его черный глаз отчетливо выделялись на фоне этого сияющего рая. Мех топорщился на плечах предводителя, серебряные нити в черной бороде говорили о прожитых годах. Уиллу показалось, будто одним взглядом его успели оценить и измерить.

Не хотелось бы перейти дорогу такому противнику.

— Пойдем, — прошептала Лена, потянув его за рукав.

Какого черта он вообще на это согласился? Чувствуя себя агнцем на закланье, Уилл послушно направился вниз по лестнице.

Следующий час прошел в вихре светских условностей со скрежетанием зубов и фальшивыми улыбками, пока Лена представляла его членам Эшелона. Тяжелые взгляды хлестали спину, многие голубокровные откровенно переглядывались. Выражения их лиц было довольно-таки просто истолковать. Какого черта он тут делает? Что за игру затеял Совет?

Огни. Музыка. Смех. Все блестело и сияло, дюжины газовых люстр разливали по комнате жар. Раздувая ноздри, Уилл подхватил с подноса в руках дрона бокал шампанского и протянул его Лене. Она служила единственным якорем в этом мире, который он не понимал, да и не хотел понимать.

Но сама Лена вела себя абсолютно естественно. Она смеялась, похлопывала друзей сложенным веером по плечам и постоянно вынуждала Уилла принимать участие в разговоре, в то время как он бы предпочел стоять за ее спиной и хмуриться. Весь этот вечер не требовал от нее никаких усилий. Даже голубокровные плясали под ее дудку, вся спесь сбивалась с них игривым кокетством и манерно медлительными шутками.

Уиллу же хотелось разбить их лица за каждую полученную ими улыбку.

— Мне нужно на воздух, — прорычал он на ухо Лене.

— Не сейчас. — Она взглянула на него и задумчиво кивнула. — Пойдем. Потанцуй со мной.

И только ради нее он был способен вынести подобную пытку.

Взяв за руку, Уилл повел Лену на танцевальную площадку и притянул в свои объятия. Глаза партнерши чуть расширились, когда его рука скользнула на ее талию, а бедра задели юбки. Но она не собиралась вслух отчитывать его за то, что прижал ее к себе слишком близко.

Музыка захватила их, и Уилл закружил Лену в танце, упорно сосредоточившись на счете шагов. Должно быть, они выглядели нелепо — его массивное тело рядом с ее утонченной фигуркой, но Лена с присущей ей грацией каким-то образом достигала нужного результата. Она словно парила, элегантная с легкой примесью кокетства. Если Уилл спотыкался, Лена всегда ободряла его улыбкой и взглядом из-под опущенных ресниц, и все шаги тут же

вылетали из его головы.

Да и мысли тоже.

— Прекрати считать, — прошептала она с легкой улыбкой.

Уилл смотрел на нее, кружа в пируэте. С этого ракурса открывался прекрасный обзор на лиф платья, прямо на нежные кремовые округлости, которые Лена демонстрировала с излишней самоуверенностью. Жемчуг стекал в V-образный вырез, утягивая взгляд Уилла еще ниже.

— А вроде ж дебиантка в поиске покровителя должна оставлять горло и шею обнаженными, не?

Лена оглянулась через плечо:

— Но я-то нет.

— Че «нет»?

Чуть поколебавшись, она уточнила:

— Я не ищу покровителя.

Уилл крепче сжал ее пальцы. Это не имеет значения. Она все равно никогда не сможет быть с ним. Но сама мысль переполняла его острым чувством удовлетворения. Или обладания.

Уилл прижался сзади к соблазнительному телу. Партнеры подняли руки вверх. В такой позе Лене пришлось выставить грудь вперед и изогнуть шею. Каждый шаг танца ассах был продуман для соблазнения, чтобы продемонстрировать голубокровному лучшие женские черты. Уилл не жаждал крови Лены, но не мог оторвать глаз от плавной линии плеч. Хотелось провести по коже губами, почувствовать трепет, узнать вкус, чтобы у Лены побежали мурашки и участилось дыхание.

Член набух. Опасные мысли. Особенно здесь, посреди бального зала. Шуршание турнюра около паха вызвало опустошительное желание, побуждая уменьшить расстояние между ними.

— Ты держишь меня слишком близко, — прошептала Лена с беззаботной улыбкой, будто ничего и не происходит.

Спектакль для тех, кто за ними наблюдает.

Вот только ее дыхание говорило об обратном.

Что он творит? Уилл судорожно вдохнул и отвел глаза. Он закружил Лену вокруг оси, затем вернул в объятия, теперь уже лицом к себе. Ее взгляд сводил с ума.

А случись это все в какой-то иной день? Осмелилась бы она на людях отнестись к нему благосклонно? Испытала бы себя в собственной игре?

Пустые вопросы. *«Она не твоя и никогда твоей не будет»*. Но... как же соблазнительно держать ее в своих объятиях, мучая себя пыткой близости, пусть даже им ничего не светит.

Есть только сейчас.

— Уилл, — прошептала Лена. — Прекрати.

Уилл не мог ее отпустить. Не мог даже отодвинуться на должное расстояние. Музыка текла сквозь него — струнно-флейтовый квартет с легким ближневосточным напевом в качестве экзотичного контрапункта. Каждый шаг теперь давался легко. Уилл не сильно задумывался о движениях. Лишь следовал за женским телом сквозь череду шагов запутанного танца. Охотник за жертвой. Но на этот раз вся власть была в руках у жертвы, соблазнявшей, притягивавшей ближе.

Он не говорил, да и она тоже молчала. Все, что требовалось произнести, было сказано

сплетением их тел. Лена сдалась неизбежному, ее щеки заливало румянцем при каждом пьянящем прикосновении.

И Уилл заявлял на нее свои права: пальцами обхватывал запястье при повороте, скользил по затянутым в корсет бокам, крепко обнимал, притягивая Лену обратно. Какие там шаги! Теперь он создавал свою собственную линию танца. Охотник за добычей, каждое движение как предсказание.

Музыка стихла на вибрирующей ноте. Взрыв аплодисментов — и Уилл замер, крепко держа руки на талии Лены. Она оглянулась, мечтательное выражение тут же стерлось с лица, стоило ей только осознать, где они находятся. Румянец на щеках Лены стал гуще, она посмотрела куда-то выше его плеча.

Слишком много заинтересованных глаз следило за ними. Лена дернулась из его рук. Уилл на какое-то мгновение задержал ее в объятиях, заставив снова посмотреть в лицо, и лишь затем отпустил.

С вежливой улыбкой Лена присела в реверансе.

— Благодарю, — пробормотала она, зная, что каждое сказанное ей слово теперь жадно впитывается сплетниками. — За чудесный танец.

Уилл склонил голову в знак уважения, коим не почтил здесь ни одну даму.

— Мне тоже понравилось.

Что само по себе удивительно. Но ее присутствие превратило мучительные мгновения в удовольствие. Он с удивлением обнаружил, что хотел бы продолжить танцевать.

Любое оправдание, лишь бы держать ее в объятиях...

Уилл отвел глаза. Нельзя позволять себе подобные мысли. Он посмотрел на стоящих в углу норвежцев. Вот причина его присутствия здесь. Вот о чем ему не должно забывать.

— Каждая женщина в этом зале теперь хочет с тобой потанцевать, — тихо произнесла Лена.

— Я ж танцевал только что.

В ответ — легкая улыбка.

— Полагаю, если бы тебя о танце попросила я, ты не был бы столь категоричен.

— А ты просишь?

Лена посмотрела на него из-под ресниц:

— Не думаю, что нам стоит. Если я еще раз с тобой потанцую, мы лишь привлечем внимание.

— Мы уже его привлекли.

Она обежала взглядом комнату:

— Мне нужно потанцевать еще с кем-нибудь.

Тихая мелодия снова начала наполнять зал — на сей раз нечто более традиционное. Кажется, вальс.

Уилл схватил Лену за запястье:

— Только не ассах.

— Нет?

— Нет.

Ассах — только его танец.

От распутившейся на ее губах улыбки дыхание перехватило.

— Хорошо, не ассах. Ступай, найди своих норвежцев. А я послушаю сплетни, в которых предметом обсуждения, вне всяких сомнений, будешь именно ты. — Лена печально

усмехнулась. — Ты меня до сумасшедшего дома доведешь, честное слово.

«Как и ты меня». Слава Богу, не его одного беспокоит это взаимное безумие.

Бросив последний выразительный взгляд через плечо, Лена поплыла прочь и поманила пальцем какого-то молодого незначительного лордика в желтом жакете. Он тяжело сглотнул, помчался к ней, вежливо предложил руку и повел танцевать.

Уилл повернулся и зашагал сквозь толпу, бормоча извинения тем, кого отстранял с пути. Слишком много народу. Слишком душно. А еще он не желал видеть Лену в чужих объятиях.

Обнаружив комнату с закусками, Уилл потянул ворот смокинга. Прохладный воздух освежил лицо, а несколько бродивших там же гостей, осознав, кто к ним присоединился, рванули назад в основную бальную залу. Что Уилла полностью устраивало.

Взяв тарелку, он наполнил ее засахаренными фруктами, пирожными и теми маленькими кексиками, которые, кажется, нравятся Лене. За спиной раздались приглушенные ковром шаги, и Уилл замер, заметив отблеск белого на хрустальной вазе перед собой.

Недолго пришлось ждать.

Любопытствуя, кого же к нему послали, Уилл повернулся. Ну разумеется.

Нервно улыбаясь, к нему шла леди Астрид. Ее белое платье при каждом шаге колыхалось столь изысканно, что ни одной смертной портнихе не повторить такой крой.

— Ты — Уильям Карвер, — тихо произнесла леди Астрид, ведя пальцем по скатерти и подкрадываясь ближе. Она мельком улыбнулась. Больше никакого беспокойства. Если оно вообще когда-либо было. В ее запахе, во всяком случае, от нервозности ни следа. — Мы не ожидали встретить здесь кого-нибудь из нашего вида.

— Сам не ожидал сюды попасть, — ответил Уилл.

Нет смысла плести словесные кружева. Он тот, кто есть. И сколько не наводи лоска, природы это не изменит, и не заставит спокойно относиться к столь любимым голубокровными играм.

Астрид искоса посмотрела на него:

— Почему нет?

— Это не мой мир.

Она рассматривала его так, будто он сделал что-то неожиданное.

— Ты ведь шотландец?

— Вообще, да. Родом с мелкой фермы недалече от Эдинбурга.

Приблизившись, она чуть задела его рукой.

— Сколько тебе было, когда ты получил Дар?

Он посмотрел поверх ее плеча в зал. Сквозь арку виднелись лишь сверкающие юбки розового бального платья Лены. Она болтала с каким-то щенком, который ловил каждое ее слово. Пока в безопасности.

Уилл снова обратил свое внимание на стоящую перед ним женщину.

— Пять. И эт совсем не Дар.

Он с трудом мог вспомнить того незнакомца, что приехал однажды на задке телеги, трясущийся в лихорадке и обливающийся потом, с руками покрытыми кровавыми царапинами. Послали за доктором, но чужак впал в ярость берсерка, расшвыривая в стороны мужчин, будто те ничего не весили. Один лишь Уилл, объятый ужасом, остался смотреть на незнакомца. И не мог вспомнить, что случилось потом. Но ему рассказывали, что

потребовались усилия пятерых, чтобы оторвать чужака от его горла.

Никто не ожидал, что Уилл выживет. Тот мужчина вспорол его, будто жирного кролика. Но каким-то образом тело стало исцеляться само по себе. К тому времени, как все поняли почему, было уже слишком поздно. Уилл уже проходил первую стадию вируса.

— Понимаю. — Глаза Астрид сочувственно смягчились, но запах оставался по-прежнему жестким. Урок номер один: доверяй носу, а не глазам. — Как ты научился себя контролировать? Рядом был кто-то опытный?

— Мать продала меня в странствующий балаган. — Старая рана, давно уже зажила и покрылась коркой, но шрам остался. — Там заперли в клетку на десять лет. Када пытался бежать — секли, пока не падал. — Уилл глотнул шампанского, ощущая покалывание пузырьков. — Так и научился.

Пальцы Астрид сомкнулись на амулете на шее. Поигрывая им, она удивленно спросила:

— Тогда как ты можешь здесь находиться? Рядом с ними? Зная, что из-за их законов столько лет просидел под замком?

— Я просто делаю свою работу.

— Пытаются нас умаслить? Они, похоже, плохо нас знают, так ведь? — Астрид снова коснулась его рукава и провела выше, шурша перчатками. — И во что им обойдется твоя небольшая услуга? — Она глубоко вздохнула, ее грудь поднялась. — О чем вы договорились?

Он позволил ей приблизиться. Астрид была прекрасна, но она — не Лена.

— Я должен убедить вас подписать соглашение.

— И что получаешь взамен?

— Свободу.

— Она стоит больше, чем твой вес в золоте, — пробормотала она.

— Для всех вервильфенов на островах, — уточнил он. — Больш никаких клеток, никаких бойцовых ям, никаких цен за наши головы. Свободные мужчины. И женщины.

В ее запахе проскользнула тревога. Может, Астрид и улыбалась, но он смог задеть ее совесть.

— Достойная цена. — Она поглаживала его ладонь, но мыслями витала где-то далеко отсюда. Затем нахмурилась. — Тебе надо встретиться с моим дядей. Возможно, его заинтересует твое предложение.

— Ваш дядя?

— Магнус.

Уилл обдумал предложение. Затем кивнул и показал на тарелку:

— Дайте мне тока отнести это моей спутнице, Лене.

Уиллу потребовалось всего десять минут, чтобы снискать расположение норвежцев.

Лена откусила кусочек лимонного пирога и улыбнулась стоящему перед ней молодому лорду, украдкой глядя через его плечо. Уилл обменялся рукопожатиями с седеющим Фенриром и поприветствовал его сына Эрика.

Какое-то движение. Чья-то рука скользнула по спине Уилла. Лена чуть не подавилась пирогом и прищурилась. Та норвежская ведьма. Прошло пять минут, а уже пытается заявить на него права.

Пробормотав что-то невнятное в ответ на вопрос лорда Фолсома, Лена чуть сдвинулась, чтобы лучше видеть происходящее. Светловолосая богиня одобрительно улыбалась Уиллу, собственническим жестом поглаживая ткань его смокинга и принимая его восхищенный взгляд.

У Лены сердце перевернулось в груди.

— Дорогая, с вами все хорошо? — спросил лорд Фолсом.

Он был человеком, его семья не обладала достаточным положением, чтобы заслужить право пройти кровавый ритуал.

— Просто прекрасно, — выдавила Лена, передавая ему тарелку. — Легкое головокружение. Мне полегчает, как только выберусь из этой давки.

Ей следовало сорвать инициативу Уилла, вот только Лена вдруг осознала, что у нее не хватает мужества так поступить. Надо проветрить голову. Собраться с мыслями. Прежде, чем она совершит что-то глупое, например, пригласит Эрика станцевать с ней ассах.

Лена точно знала, как Уилл это воспринял бы.

Протолкнувшись сквозь толпу, она оказалась на краю бальной залы, расположенной на предпоследнем этаже Башни из слоновой кости. Отсюда открывался захватывающий дух вид на весь Лондон. По внешнему кругу этаж опоясывала колоннада, где юным леди можно было прогуливаться, оставаясь в пределах видимости.

Толкнув французские двери, Лена вышла наружу и облокотилась на перила. Ветер откинул ее волосы с лица. До земли сотни футов, внизу манящая трава. Не один голубокровный нашел здесь смерть. Но ни разу во время бала. Так дела не делаются.

Стянув перчатки, Лена бросила еще один взгляд на бальный зал. С таким ярким освещением он просматривался как на ладони, в то время как она оставалась в тени. Лена с легкостью отыскала Уилла. Похоже, он уже успокоился и обменивался редкими улыбками с обхаживающими его норвежскими кланами.

Его народом.

Выряди Уилла в шкуры и не дай побриться хотя бы день, и его можно будет принять за одного из них.

Отвернувшись, Лена сжала перчатки в кулаке. Что за глупость! *«Ты же знаешь, что он никогда не будет с тобой»*. Хотя последняя неделя немного развеяла ее сомнения, подарив ложную надежду. Улыбки, соприкосновение тел, поддразнивания...

Стоит Уиллу узнать, что Лена собирается сделать, и он больше никогда с ней не заговорит.

Погрузившись в свои горестные мысли, она едва услышала звук открывшейся двери. Ветерок остужал ее кожу, но не имел никакого отношения к вставшим на затылке волосам.

Обернувшись, Лена застыла. Колчестер улыбнулся и закрыл двери с тихим щелчком. За его спиной в танце кружились пары, окна искажали их силуэты. Так близко и в то же время так далеко.

Лена отступила, Колчестер последовал за ней. Мороз продрал по коже.

Приподняв подбородок, Лена принялась натягивать перчатки. Если кто-то заявится сюда, то не стоит давать пищу слухам, будто она его поощряет. А обнаженное запястье равноценно выставленной напоказ груди.

Колчестер наблюдал, как шелк скользит по ее коже.

— Ты ведь понимаешь, что тебе это не поможет?

— Я лишь соблюдаю приличия.

Он приблизился и положил руки на перила по обе стороны от Лены, поймав ее в ловушку.

Она посмотрела в сторону зала. Чья-то широкая спина заслонила двери. Похоже, Кэвендиш. Не дает никому выйти на балкон.

— Я же сказала, что еще не приняла решение, — произнесла Лена и затаила дыхание, когда голубокровный наклонился ближе и задумчиво посмотрел на ее шею.

— Возможно, я все равно отзову свое предложение. С чего мне желать испорченный товар?

Колчестер провел кончиками пальцев по ее ключице. Лена вжалась в перила, но отодвигаться было уже некуда. Позади лишь воздух и ветер.

— Испорченный товар?

— Другого голубокровного я, может, тебе и простил бы. Но не одного из этих грязных выроdkов.

Он легко обхватил ее горло.

Лена не могла вздохнуть. Она посмотрела в эти безумные глаза, зная, что он хочет сделать.

— Нет. Не здесь. На нас смотрят.

Пальцы Колчестера сжались.

— Думаешь, меня это волнует? — Он издал лающий смешок. — Я — герцог, Хелена. А ты... ты — ничтожество.

Она обхватила его запястье, стараясь ослабить удушающую хватку. Голова кружилась.

— П... пожалуйста...

Он чуть разжал пальцы.

— Что-что? Молишь сохранить тебе твою убогую жизнь? Что-то у тебя не особо получается, дорогуша.

«Шевели мозгами, идиотка!»

— Вы ошибаетесь. Что бы вы ни думали о произошедшем, вы ошибаетесь. Лео попросил меня обучить Уилла, чтобы тот мог войти в Эшелон. Это... просто моя работа, ничего боле.

Колчестер оценивающе посмотрел на Лену и погладил ее шею.

— Только работа? После такого танца? Похоже, выродок крайне собственнически к тебе относится, дорогуша.

Лена заставила себя улынуться:

— Грубые привычки, от которых я стараюсь его отучить. На самом деле, обвинять меня в подобном.... Вы же знаете, я по жизни предпочитаю все самое утонченное. Что-то поизощреннее.

— М-м. — Его глаза сузились. — Не уверен, что ты меня полностью убедила.

Резким движением Колчерстер схватил Лену и, повернув лицом к перилам, с силой вжал в них. Чувствуя, что туфли больше не касаются пола, она с криком ухватилась за поручень. Казалось, что до булыжников внизу мили и мили.

— Отсюда уже свалилось две дюжины гостей, — прошептал он ей на ухо. — И учитывая, что ты всю ночь напролет потягивала шампанское, будет невероятно просто убедить всех, мол, ты просто поскользнулась.

Подхватив жертву за турнюр, голубокровный безжалостно толкнул ее вперед. Лишь на мгновение он выпустил из хватки ее затылок, и на уровне инстинкта, о наличии которого у себя Лена даже не подозревала, она ударила головой назад.

Раздался жуткий треск, и Колчестер закричал. Давление на спину ослабло, и Лена свалилась на перила. Так близко. Слишком близко. Колчестер схватился за лицо, кровь струилась между пальцами. В его глазах сияла жажда убийства.

Лена рванула к двери. Ее плечо пронзило резкой болью, и кровь брызнула на окна. Колчестер вытащил свой кинжал, один из тех небольших, что использовал для кровопускания. Увернувшись, Лена распахнула дверь и вбежала в комнату.

Кэвендиш отшатнулся, удивленно расширив глаза. В их сторону начали оборачиваться, и Лена, крепко сжав зубы, растянула губы в улыбке. Ее охватила паника, весь зал поплыл, самоцветы, лица и платья перетекали друг в друга. Зажав плечо, Лена стала протискиваться сквозь перешептывающуюся толпу.

Колчестер не осмелится наброситься на нее здесь. Не со сломанным носом. Ни один голубокровный не сможет примириться с унижением, что его обвела вокруг пальца смертная девушка.

Сердцебиение, от которого она чуть было не задохнулась, начало успокаиваться. Осталось только отыскать Лео или Уилла. Спаслась. На этот раз она спаслась.

Но Лена не чувствовала себя в безопасности. Кровь струилась меж затянутыми в перчатки пальцами, пока она протискивалась вперед. Окружающие разглядывали ее слишком пристально. Музыка грубо била по нервам.

Вдруг в толпе образовался просвет, и Лена уставилась на Уилла. Его взгляд замер на ее кровоточащем плече. Вся бальная зала затихла. Уилл ничем не выдал свои эмоции, ни один мускул не дрогнул, но неожиданно Лена осознала, насколько он опасен.

Медь ярко засияла в его глазах. Стоящая рядом женщина задала ему какой-то вопрос, мягко погладив по рукаву. Не обращая на нее ни малейшего внимания, Уилл оттолкнулся от стола, на который опирался. Лена же не могла заставить свои ноги двигаться. Ей оставалось лишь смотреть на вервульфена и молча молить его не устраивать сцену.

За своей спиной она слышала приближающийся голос Кэвендиша. Уилл тоже его слышал, и тут же глянул в том направлении с убийственным блеском в глазах.

— Нет, — прошептала Лена.

Слишком поздно. Уилл повернулся к Кэвендишу, сжав кулаки. Небрежно прошествовав между парами, он практически остановил всех танцующих вальс.

Если она ничего не сделает, то Уилл убьет Кэвендиша. И тогда у них не останется другого выбора, как казнить его. Неожиданно Лена смогла двигаться. Перехватив вервульфена на полпути, она схватила его за рукав и прошипела:

— Стой! Не вздумай!

Но не человек смотрел на нее этими горящими глазами. Лена всегда верила, что Уилл

никогда, вот никогда-никогда ее не ранит, но в то мгновение даже она замерла при виде его ярости. При виде его дикой сути.

— Уилл. — Есть только один способ остановить его в этом состоянии и как-то отвлечь. — Уилл, у меня кровь идет. Мне нужно попасть домой, позаботиться о руке. Я неважно себя чувствую. — И Лена навалилась на него всем весом.

Как она и рассчитывала, вервильфен ее поймал. Блейд как-то обмолвился, что Уилл самый опасный мужчина из тех, кого он когда-либо встречал, но его защитные инстинкты берут вверх над насильственными. Волк до мозга костей.

Когда он подхватил ее на руки, Лена уткнулась лицом в его плечо. Вот и все. Прощайте, шансы попасть в Эшелон. Возможно, получится еще пожить на краю мира голубокровных, но снова его частью ей уже не быть. И пока Уилл шел по залу, следом неслись шепотки.

Последний взгляд над его плечом, когда они проходили сквозь двери. Платья, украшения, элегантные дамы в пышных нарядах. Кончено. Шанс Лены остаться среди них был потерян с первым шагом танца с Уиллом. И как ни странно, словно груз спал с ее плеч.

Она снова уткнувшись в его шею, вдыхая мужской аромат. Что делать дальше, Лена не знала. В труппах для нее ничего не осталось, в Эшелоне теперь тоже. Она вцепилась в ворот смокинга. Лена всегда хотела лишь одного, вот только Уиллу она не нужна.

«Но достаточно ли ты боролась?»

Она снова зарылась лицом в его смокинг, слишком испуганная, чтобы найти ответ на этот вопрос. Она никогда и не боролась, никогда не говорила Уиллу о своих чувствах. Слишком боялась, что ее сердце разобьют на кусочки, потому и не осмелилась продемонстрировать свои чувства.

Ему и невдомек, что Лена с ним могла отважиться только лишь на эти игры.

— Куда? — спросил Уилл.

Она подняла глаза на огромную винтовую лестницу, что спиралью пронизывала Башню из слоновой кости. Говорили, в ней тысяча ступеней, хотя Лена так и не удосужилась пересчитать.

— В кабину лифта. Не хочу лишних ушей и глаз.

Уилл сердито зыркнул на пару дам, что последовали за ними из бальной комнаты, и те быстро испарились.

— Проблема решена.

— Не спорь. Ты не сможешь тащить меня вниз по всем этим ступенькам. Мы же на девятом этаже.

Уилл повернул к ней лицо. Янтарные огоньки вспыхивали вокруг зрачков.

— Чо случилось?

Лена потрясла головой. Надо вывести его отсюда, пока он снова не взорвался.

— Давай в лифт.

Лакей в ливрее кивнул им, словно каждую ночь видел, как леди выносят на руках из бальной залы. Начищенные латунные двери кабины медленно раздвинулись, показывая гладкие панели на стенах.

Уилл внес ее внутрь и створки плавно закрылись.

Лена жестом попросила поставить ее на ноги. Вервильфен нахмурился, но подчинился.

— Черт возьми, что произошло? — Кабина, дернувшись, пришла в движение, и Уилл с диким взглядом схватился за стену.

— Я вышла на балкон подышать свежим воздухом. — Правду не утаишь. — Колчестер

вышел вслед за мной.

Взгляд Уилла упал на ее окровавленную перчатку. Его ноздри раздувались.

— Он тебя порезал.

Слова прозвучали угрожающе. Надо разрядить обстановку.

— А я разбила ему нос. Так что мы в расчете.

— Лена.

— Это всего лишь царапина.

— Он тебя напугал, — отрезал Уилл.

Повернувшись, он врезал кулаком по стене, и латунная панель отвалилась от удара.

Лена вздрогнула:

— Прошу тебя, не надо!

С заметным усилием обуздав ярость, Уилл опустил руку:

— Я тебе не наврежу. Ты же знаешь. Я никогда тебя не пораню.

Лена осознала, что вжалась в противоположную стену, слишком напряженная, чтобы расслабиться, когда его гнев словно ураган кружит по кабине.

— Да, я испугалась. Но сейчас я в безопасности. И только это имеет значение.

— Что он с тобой сделал? Что он тебе сказал?

«Он угрожал меня убить». Лена побледнела и замотала головой.

Ритмичный стук, с которым паровой двигатель в глубине подвалов Башни опускал лифт вниз, действовал почти завораживающе. Но не на Уилла. Он вертелся в маленькой кабине, сцепив руки за спиной и с горящими гневом глазами.

— Ненавижу маленькие пространства.

И вдруг Лена поняла, что вервувльфен напряжен не только из-за Колчестера.

— Это... это место напоминает тебе клетку? — Пришлось прочистить горло, чтобы вымолвить хоть слово.

Уилл кивнул.

Лена взяла его за руку:

— Я с тобой.

Вновь кивнув, он отвернулся, но крепко сжал ее пальцы.

— Клетка — не самое страшное. Я смотрел на мир сквозь решетку. — Лицо Уилла потемнело, будто сейчас он видел что-то еще помимо гладких панелей кабины. — Када я не слушался, они избивали меня до потери сознания. Но када подрост, это наказание меня уже не так пугало. — Он облизнул губы. — Там был подвал. Глубоко под землей. Они стали запирают меня там. На дни. Или недели. Не знаю, там было так темно. Даж крысы не пробегали.

Маленький мальчик, потерянный в темноте. У Лены сердце кровью обливалось.

— Теперь ты свободен.

Уилл посмотрел на нее:

— Я не свободен, Лена. Пока еще нет. Просто теперь клетка побольше. По цельному Чепелю можно бродить.

— Но сейчас же ты здесь.

Выражение его лица сразу стало раздраженным.

— Тока пока перемирие не заключат. Я должен убедиться, что норвежцы его подпишут, иначе я вернусь в Чепель, и остальные, навроде меня, останутся в цепях.

От его слов у Лены перехватило дыхание.

— Так вот что они тебе наобещали? — Катастрофа. Полная катастрофа. — Свободу?

— Мне и всем вервульфенам в Империи.

Она прислонилась к стене, прижав руку к груди. Уилл оказался вовлечен в происходящее намного сильнее, чем Лена ожидала. Действуя против него, работая против него, она лишает его шанса на свободу.

Ну не может она так поступить.

Но что тогда будет с Чарли? Она уронила руку. Что же делать? Глаза защипало.

— Лена?

Уилл ждал ответа. Но у нее никак не получалось быстро что-нибудь придумать.

— Похоже, ты понравился дочери эрла, — бесстрастно заметила Лена, будто ее сердце и не болело. — Если ты ее очаруешь... — Дальше продолжать она уже не могла, слова застряли в горле.

— Не умею я очаровывать.

Лена рассмеялась, тихо и печально. Ей нужно отсюда выбраться. Стены будто сдвигались.

— Это точно.

Вздвогнув, кабина остановилась. Звякнул колокольчик, и двери начали открываться. Лена рванула вперед, как только они раздвинулись достаточно широко, чтобы можно было протиснуться.

Еще один пролет ступенек до выхода на улицу. Лена подхватила розовые юбки и побежала вниз, но Уилл с недовольным выражением лица прыгнул ей наперерез:

— Чо стряслось?

— Ничего. — Она попыталась пройти мимо, но он преградил ей путь. Уилл остановился на две ступеньки ниже, так, что их лица оказались на одном уровне.

— Уилл, я устала, я хочу домой. Ничего не...

— У тебя запах изменился. — Он встал на ступеньку выше, практически вплотную к Лене. — Как тока я сказал про условия сделки.

Неужели у вины есть особый аромат? Лена положила ладонь ему на грудь, сама не зная для чего — то ли чтобы оттолкнуть, то ли чтобы притянуть ближе.

— А потом твой запах опять переменялся, — заметил Уилл. Крохотные вспышки расплавленной меди сияли в радужке его глаз. — Када ты заговорила про леди Астрид. — Он склонил голову, его взгляд упал на ее губы. — И прям сейчас меняется.

Сердце Лены заколотилось. Всё, все эмоции, надежды, мечты и отчаяние — все то, что она старалась от него скрыть, выдавал ее запах. Лена встретила его взгляд, но не смогла его прочесть. Горящий янтарь. В этих глазах она могла бы утонуть, если только он позволит. Оттенок чуть смягчился, стоило Уиллу наклониться ближе.

Поняв его намерения, Лена затаила дыхание. Он собирался ее поцеловать. В фойе Башни из слоновой кости, прямо на глазах у любого, кто спустится по лестнице. Пьянящая радость охватила каждую клеточку тела.

— Ты не осмелишься, — прошептала Лена.

Уилл помедлил, его губы замерли в сантиметре от ее рта.

— Никада не мог тебя понять. — Его глаза потемнели от возбуждения. — Лена, так да или нет?

Теплое дыхание согревало ее губы. Лена разжала руку на его груди. Она поняла ответ прежде, чем успела его произнести. И Уилл тоже.

Он слизнул согласие с ее губ, обхватив ладонями лицо Лены и притянув его к себе. Вкус Уилла одурманил ее. Лена вцепилась в лацканы его пиджака и приподнялась на цыпочки.

Окружающий мир исчез. Остался лишь жар его твердого тела и вкус его губ с ноткой шампанского и лимонного пирога. Прикоснувшись языком к его языку, она проглотила тихий стон Уилла. словно получив разрешение, он ответил на ласку со всем жаром мужского обладания и обхватил Лену за попку.

Она чувствовала слои ткани, сбившейся между ними, и прикосновение твердой плоти, вжимающейся между ее бедер. Желая большего, нуждаясь в большем, Лена зарылась рукой в его волосы. Уже не было места ни особому мастерству, ни искусности, ни тем осторожным поцелуям, которыми она, флиртуя, обменивалась с кавалерами в Эшелоне. Ничего, кроме голода и едва сдерживаемой ярости, что она чувствовала под его кожей.

В постели Уилл никогда не будет смиренным или покорным. И именно это его качество притягивало Лену больше всего на свете.

— Отвези меня домой, — прошептала она, пока не успела передумать. — К себе домой.

Уилл поднял голову и замер. Искорки меди горели в его взгляде, и Лена тотчас поняла, что сказала что-то неправильное.

Она снова его поцеловала, прикусив нижнюю губу, но Уилл не ответил. Он обхватил ее лицо ладонями и отстранился, тяжело дыша и прислонившись лбом к ее лбу.

— Лена. — Одно слово, полное голода и подавленного желания. — Я не могу. Мы не можем.

Она провела руками вниз по его груди, остановившись на животе.

— Можем. Никто не узнает. — Лена затрепетала. — Я хочу тебя, Уилл. Ты мне нужен. Нужен весь. И это для меня совсем не игра, — добавила она уже шепотом.

Он вздрогнул, не открывая глаз, будто сражался с чем-то ей неведомым.

— Не можем. — И высвободился из ее рук. Щеки Уилла горели. Взгляд, которым он окинул Лену, был полон тьмы, опасности. Голода. Уилл медленно покачал головой: — Даже этого никогда не должно было произойти.

Словно удар прямо в сердце.

— Ты же меня хочешь, — прошептала Лена.

— Что я хочу и что я могу — не одно и то же.

Уилл провел руками по голове, растрепав аккуратную косу. Густые пряди цвета меда упали вокруг его лица, лаская строго очерченные скулы.

Его отказ потряс Лену. Словно в насмешку, кровь побежала по венам еще быстрее, что-то горячо и тяжело запульсировало между бедрами. Тело не осознавало того, что уже понял разум.

— Почему?

— Лена, я вервульфен.

— Неважно. Ты же знаешь, меня это не волнует...

Уилл обхватил ее запястья:

— Меня волнует.

Ее опасения подтвердились. Глаза защипало, и Лена отвернулась. Видимо, это ночь станет самой ужасной в ее жизни.

— Отпусти меня.

Уилл помедлил, но все-таки выпустил ее и отступил в сторону. Наконец-то можно свободно вздохнуть. С трудом сглотнув, Лена подавила слезы и схватила свои испорченные

перчатки.

— Можешь вернуться на бал, — бросила она. — У тебя там дела. Я сама найду экипаж.

— Лена...

— Ты должен вернуться. Я хочу домой. — Куда угодно. — В Уэйверли-плейс.

Не в силах больше находиться рядом с ним, она подхватила юбки и сбежала.

Над дверью лавки зазвенел колокольчик.

Стоящий за прилавком мужчина поднял глаза, но при виде вошедшего его улыбка тут же испарилась. Взгляд торгаша пробежался по рабочей рубашке и кожаным штанам Уилла.

— Чем могу вам помочь, сэр?

Витрины магазина слегка поблескивали в мягком солнечном свете, заполненные рядами револьверов. В углу стояла другая витрина с менее распространенными видами оружия; там были предназначенный для леди позолоченный арбалет, ручные булавы, даже пара кожаных перчаток без пальцев с лезвиями, выскакивающими вместо них с внешней стороны ладони. Один удар кулаком — и человек мертв. Уилл внимательно рассмотрел эти перчатки, а потом двинулся к револьверам. Он пришел не ради собственных нужд.

— Я за револьвером. Че-нить изящное.

Хозяин лавки удивленно изогнул бровь:

— Подобное будет стоить недешево.

Уилл не глядя бросил ему кошель; тот подпрыгнул на прилавке, тяжелые монеты звякнули друг о друга.

— Иного и не ждал.

Опершись о прилавок, Уилл склонился над витриной и принялся рассматривать ее содержимое. Утяжеленный дерринджер, сделанный в Германии рейхсревольвер М 1879, пневматический пистолет. А вот и вариант, подходящий для ручки Лены.

Перламутровая инкрустация, позолоченные детали. На стволе установлен латунный прицел, рукоять украшена изысканной тончайшей гравировкой.

— Вот этот, — заявил Уилл, тыкая пальцем в стекло витрины.

— Прекрасный выбор, сэр. Могу ли я узнать, с какой целью вы покупаете оружие? Этот револьвер предназначен для прицельной стрельбы.

— Защита.

Владелец магазина отпер витрину и вытащил оттуда шкатулку красного дерева, в которой лежал пистолет.

— Семнадцатый калибр. Боюсь, не защитит от чего-то крупнее голубя или небольшого животного. Если, конечно, вы не чертовски хороший стрелок.

— Защитит, после того, как я чутка с ним поработаю. — Уилл провел пальцем по гладкому стволу.

Парочка изменений, и Лена сможет хоть медведя завалить, ну или голубокровного. Ее собственный отец разработал пули, которые взрывались при попадании в цель. Нужно лишь воспроизвести химический состав и заменить пули на что-то более подходящее для компактного револьвера.

Сначала хозяин магазина суетился, поскольку посетитель сильно действовал ему на нервы, ну а теперь — потому что Уилл продемонстрировал наличие у него денег.

— А еще вот это, — бросил вервульфен пока не поздно, указывая на перчатки с обрезанными пальцами.

Снаружи улица была залита солнцем. Прохожие с любопытством смотрели на необычного посетителя, но никто не сказал ни слова. Молодая женщина в расшитом желтом платье схватила зазевавшегося сына за руку и утащила с дороги. Уилл с трудом сдержался,

чтобы не оскалиться в улыбке, но вспомнил слова Лены. Он — не чудовище. Неважно, что в нем видит эта незнакомка. Сдержанно кивнув, Уилл проследовал дальше, будто имел полное право находиться на этой улице наравне со всеми.

Ночь тянулась долго, а сон не приходил. Из головы все не шел Колчестер, противник, о котором Уилл так мало знал.

Пока мало знал.

Если Лена считает, что ее лучшая защита от голубокровных — принять все без спора и покориться, то ее ждет сюрприз. Прошлым вечером Уилл испугался. Даже в присутствии почти четырех сотен гостей Колчестер оказался способен приблизиться к ней.

Уилл укрылся от ветра в ювелирном магазине. Внутри пара облаченных в бархат и кружева голубокровных рассматривали выложенный на витрине товар. Один из них носил благоухающий парик в стиле короля Георга и тяжело опирался на трость. Под духами ощущался слабый гнилостный душок, от которого волосы на затылке Уилла встали дыбом.

Запах Увядания. Голубокровному осталось немного, пока кто-нибудь не решит облегчить его страдания и спасти город от очередной вампирской резни.

Мужчина средних лет подхватил пожилого под руку, когда тот повернулся.

— Сюда, дедушка, присаживайся. — И подвел его к стулу, махнув владельцу магазина: — Бладвейн. Живо.

Никто из них не успел еще почувствовать запах Уилла. Он крался вдоль шкафчиков, сдерживая острое желание обернуться и не спускать с парочки глаз. Вонь леденила кровь. Уилл лишь однажды столкнулся с вампиром, но того раза ему хватило. На память остались шрамы на животе — единственные раны, которые волчий вирус оказался неспособен полностью исцелить.

Во времена короля Георга вампиры почти утопили город в крови. Лондону это стоило десятка тысяч жизней, пока Эшелон не сумел уничтожить угрозу. Теперь в преддверии Увядания, когда вирус брал вверх над голубокровным, за ним присматривали крайне внимательно. Как только тело начинало бледнеть, глаза застилало пеленой, а зубы заострялись — сразу посылали за палачом.

Звякнул дверной колокольчик, и через порог магазина переступила пара тяжелых ботинок. Уилл заметил в стекле витрины отражение новоприбывшего.

Длинный черный плащ с кружевной завязкой у горла. Жилет из красного бархата, на фоне которого поблескивают золотые карманные часы. Руки в белых перчатках сомкнулись на золотом набалдашнике трости. Незнакомец взглянул на пару голубокровных в углу, и его губы изогнулись под свернутым набок носом.

— Черт возьми, Арсен, — рывкнул новоприбывший, вытаскивая надушенный носовой платочек. — Неужели вы еще не похоронили эту развалину?

Оба мужчины замерли. И пока тот, что помоложе, пытался выдавить из себя какие-то слова, старший поднял бледное припудренное лицо. В его темных глазах промелькнула злоба

— Я пока не умер, Колчестер. Быть может, еще тебя прихвачу с собой.

Колчестер.

— С удовольствием понаблюдаю за твоей попыткой, Монктон, — ухмыльнулся ублюдок. — Вдруг именно мне предстоит завершить дело, коим столь явно пренебрегает Арсен.

Колчестер оказался моложе, чем представлял себе Уилл, с чисто выбритыми щеками и

щегольски растрепанными волосами, которые вполне уместно бы смотрелись и на женской голове. Крупный и широкоплечий, он двигался с грацией фехтовальщика.

Окинув взглядом одежду Уилла, Колчестер его проигнорировал. Первая ошибка. Любой настоящий хищник будет смотреть не на наряд, а на его обладателя. Очевидно, годы высокого статуса и общественного положения заставили Колчестера привыкнуть к опасностям этого мира. В Эшелоне, если голубокровные друг другом недовольны, вопрос решается дуэлью. Но Уилл привык к жизни на улицах, где люди получают желаемое быстрым ударом ножа в спину.

— Пожалуйста, ваша светлость, — запинаясь, начал Арсен. — Дедушка не имел в виду ничего подобного. Мы внимательно за ним присматриваем. Просто подумали, что немного свежего воздуха пойдет ему на пользу.

— А топор будет еще лучше.

— О да! Прямо как с тем, кого ты сам позабыл отправить к праотцам, пока и для него не стало слишком поздно — приснопамятного Векерса, — с присвистом рассмеялся старик. — Слыхал, знатная была дуэль. Парик свалился с головы герцога прямо на глазах у всего двора. Говорят, потребовалась целая неделя, чтобы проветрить атриум от гнилостного зловония.

Колчестера невольно сжал кулаки.

— Не наживай себе опасных врагов, Монктон. Ты всего лишь младший отпрыск дома Мэллорин. А Оври — мой близкий друг. Может, шепнуть ему пару слов? И тогда посмотрим, кто обстоятельно займется этим делом.

Оба голубокровных побледнели. Арсен схватил деда за облаченную в бархат руку и потащил прочь из ювелирного магазина, по пути бормоча извинения. Колчестер наблюдал за ними со скучающим выражением на лице. Затем вытащил из кармана табакерку и жадно вдохнул понюшку, морща разбитый нос.

Колчестер и Уилл встретились взглядами в украшенном драгоценностями зеркале на дальней стене магазина.

— А разве это местечко для таких, как ты? — спросил голубокровный, убирая табакерку в карман.

— Представь себе, — ответил Уилл, напрягаясь.

Стоит поддаться ярости — и Лене больше не придется жить, оглядываясь. Вервильфен сделал шаг в сторону герцога.

Притащивший поднос с напитками хозяин лавочки прищурился, обнаружив, что посетители ушли. Колчестер, проходя мимо, взял себе один бокал и покосился на старинную камею.

— Право, Гриффин. Кого ты сюда пускаешь! Похоже, мне придется вести дела в другом месте.

— В-в-ваша светлость, — запинаясь, пробормотал хозяин магазина.

Гнев кипел в груди Уилла, но возможность была упущена.

Колчестер посмотрел на него:

— Ты все еще здесь?

— У меня тут дела, — ответил вервильфен, выступая из тени.

Глаза жгло, каждый мускул тела напрягся. Этот ублюдок обидел Лену. Уилл не знал, как именно, но произошедшего оказалось достаточно, чтобы ее напугать.

Ах, какой соблазн прикончить тварь здесь и сейчас. Но тогда Уилл лишится шанса вызволить собратьев из клеток и с арен.

Инстинкт требовал убить герцога. Но холодный разум выступал против. Уилл буквально слышал голоса Блейда и Лены, убеждающие, что это было бы неправильно. Пот выступил на лбу. Вервильфен никогда не понимал законы этого мира, и никогда их и не поймет. Но он доверял мнению близких и знал, что им не понравится, если он совершит нечто подобное.

Колчестер никогда не узнает, насколько был близок к смерти.

— Да ты вообще представляешь, кто я такой?

— Ага. Я точно знаю, кто ты.

Взгляд Колчестера стал острым. Уилл чувствовал жар бурлящего внутри гнева и на этот раз дал ему проявиться в засиявших расплавленным золотом глазах.

Колчестер резко втянул воздух и хлопнул рукой по поясу, будто нащупывая кинжал.

— Я б на твоём месте не дергался. — Уилл резко вздохнул и отвел взгляд.

Крошечные драгоценные камни отражали лучики солнечного света, переливаясь тысячей огней. Кольца, ожерелья, браслеты. Целый прилавок был заполнен короткими жемчужными ожерельями, стоившими больше, чем награда за голову вервильфена. Уилл уставился на них, стараясь не обращать внимание на духи герцога.

Отражение Колчестера дрогнуло в зеркалах, его взгляд сверлил спину противника.

— Ты — тот, кого зовут Зверем, так? Тот самый, кого приказано схватить, если ты посмеешь показаться в городе?

Уилл покосился на него через плечо:

— Они те ниче не сказали?

Колчестер прищурился:

— Не сказали мне что?

— Принц-консорт даровал мне прощение.

Колчестер пересек комнату и подошел к окну, держа руки за спиной. Его движения были отточенными и ловкими, он балансировал на грани, готовый драться при первой же угрозе. Уилл же двинулся в другую сторону, ведя пальцем по стеклянным прилавкам.

Опасный танец. Лавочник отступил к двери в кладовую, не понимая, что происходит, но чувствуя повисшее напряжение.

— Ясно, — ухмыльнулся Колчестер. — Эта та шутка с объединением, о котором столько болтают. До прошлой ночи я и не подозревал, насколько глубоко они тебя во все это втянули.

— Значит, ты не столь важная шишка, как сам про себя думаешь.

Если бы можно было убивать взглядом...

— Я уже давно умыл руки. Ушли годы, чтобы поставить вас, дикарей, на соответствующее место. Так зачем снова возвращать вас в нашу жизнь, да еще и изображать радость? — Герцог окинул Уилла взглядом. — Просто оскорбительно!

Но укол прошел мимо цели. Уилла совершенно не волновало, что о нем думает Колчестер.

И будто осознав это, герцог шагнул к нему:

— Должен признать, я разочарован. После всего, что мне говорил Кэвендиш, я ожидал настоящего бесноватого. Похоже, они посадили тебя за привязь, будто пса.

— Всему свое время и место.

— М-м-м. — Колчестер наклонился, рассматривая прелестную брошь в форме бабочки. Ее крылья трепетали, если подуть. — Скажи, — спросил он, выводя пальцем круги по стеклу, — она уже рассказывала тебе обо мне?

Уилл помолчал, затем переспросил:

— Она?

— Хелена, — ответил Колчестер, произнеся ее имя с особой интимностью. И буквально просиял, поняв, что слова задели противника. — Моя дорогая, сладкая Хелена Тодд.

Уилл с трудом сдерживался.

— И с чего б ей о те болтать?

— Потому что она станет моей следующей трэлью.

«Нет».

Уилл схватил голубокровного за горло быстрее, чем успел осознать, что делает. Колчестер рассмеялся.

— Оставь ее в покое, — прорычал Уилл сухим и резким тоном. — Тока почувешь, тут же сворачивай в другую сторону.

— Только почувю? — причмокнул Колчестер. — Мразь, да я уже испробовал кое-что посерьезнее аромата!

— О чем ты?

— Так она... тебе не сказала? — От восторга бледные голубые глаза Колчестера потеплели. А потом, когда хватка Уилла усилилась, округлились.

Вервильфен с трудом видел сквозь удушающий красный туман. Одно движение, и он сорвет голову ублюдка с плеч. Но тут Уилл краем глаза уловил какое-то движение. Лавочник, дрожа, с ужасом смотрел на них с порога.

Не здесь. Не сейчас.

«В другой раз», — пообещал себе вервильфен.

И отпихнул Колчестера. Покачнувшись, герцог налетел на стеклянные витрины. Осколки посыпались на пол. Голубокровный все еще продолжал смеяться, и звук его смеха жутко раздражал. Глаза Уилла снова застило красным, и он обернулся, тяжело дыша.

— Ты знаешь, у нее такая сладкая кровь! — воскликнул Колчестер. — И она урчит, словно котенок, стоит лишь прикоснуться...

Следующее, что Уилл помнил, как он разбивает лицом Колчестера еще одну витрину. Хозяин магазинчика испуганно отпрянул, но смех наконец прекратился. Уилл вытащил герцога из месива стекла и драгоценностей и с размаху ударил кулаком ему прямо в солнечное сплетение. Колчестер согнулся, словно мешок с растопленным салом, его лицо покрывала смесь крови и стекла.

Нога герцога зацепилась за ногу вервильфена, и они оба упали вниз. Что-то горячее ударило в спину Уилла, но он не стал обращать на это внимание, едва сдерживая бушующий внутри ураган. Сжимая шею герцога, вервильфен перевернулся, стукнул его затылком о твердый пол, замахнулся...

Но ударить не успел.

Чьи-то железные пальцы обхватили его кулак словно тиски.

— Достаточно! — рявкнули рядом.

Оскалившись, Уилл поднял взгляд.

— Держи себя в руках, — продолжил смутно знакомый голос.

Мужчина оказался таким же высоким, как Уилл, но более худощавым и крепким. Его глаза сияли холодным ледяным светом, а сам он был с ног до головы затянут в черную кожу. Твердый панцирь нагрудника прикрывал торс.

Уилл моргнул и наконец заметил пару стражей за спиной незнакомца. Затем посмотрел

вниз и увидел, что все еще держит Колчестера за грудки. Кровь стекала по бледному лицу герцога, стеклянная крошка впечаталась в щеки.

— Уберите его от меня, — рявкнул Колчестер, сплевывая кровь. — Я требую, чтобы эту тварь арестовали!

И только тут Уилл понял, кто же перед ним.

Сэр Джаспер Линч, командир Гильдии Ночных ястребов — охотников на воров. Три года назад они совместными усилиями убили вампира. Линч парень жесткий, но дельный. И, к сожалению, голубокровный.

Рывком подняв Уилла на ноги, Линч повернул ястребиный нос в сторону герцога и абсолютно бесстрастным голосом уточнил:

— На каком основании, ваша светлость?

— Нападение. — Колчестер встал на ноги, стряхивая с жилета стекло. Осмотрелся вокруг и самодовольно улыбнулся. — Порча имущества. Попытка воровства.

Уилл зарычал и дернулся вперед, но Линч перехватил его и впечатал лицом в стенку. Даже охваченный яростью Уилл сознавал, что глава Гильдии знает все нужные болевые точки, нажимая на которые, можно удерживать вервувльфена на месте, несмотря на его силу.

— Не будь дураком, — тихо прошептал Линч. — Именно этого он и добивается.

Потом еще раз напоследок вывернул руку Уилла и отпустил его.

Тот высвободился, не спуская глаз с Колчестера.

— Нам необходимо, чтобы вы подали официальную жалобу в главное управление Гильдии, — сказал герцогу Линч. — Затем мы определим судью, который займется вашим делом. Это также касается и свидетеля, конечно, — добавил он, кивая на владельца магазинчика.

Колчестер замер, прекратив отряхиваться.

— Какого черта нам нужен лавочник? Вы же видели — Зверь без причины напал на меня!

— Боюсь, я запоздал, — ответил Линч. — И успел увидеть лишь двух дерущихся мужчин.

Голубокровные уставились друг на друга. Колчестер прищурился:

— Линч, ты совершаешь ошибку. Я сделаю так, чтобы тебя уволили еще до заката.

— Маловероятно, ваша светлость. Правоохранительными органами города управляет весь Совет, а не вы лично.

Повисло тяжелое молчание, пока Колчестер не отвел взгляд.

— Посмотрим. — Ублюдок сжал кулаки и посмотрел на Уилла, оскалив кровоточащие зубы. — И не думай, что будешь первым. Эта маленькая потаскушка уже вошла во вкус.

На сей раз потребовалось трое Ночных ястребов, чтобы удержать Уилла. Он старался их отбросить, дотянуться до Колчестера. Герцог поправил лацканы, стряхнул стеклянную крошку со щек и не спеша вышел из магазина.

— Пусть идет, — проворчал Линч. — Ты добьешься лишь того, что тебя убьют, а он этого не стоит.

Уилл поднял взгляд. По спине стекало что-то теплое и влажное. Линч пару секунд рассматривал вервувльфена, а потом резко кивнул:

— Отпускайте его, ребята.

Ночные ястребы отошли в сторону, тяжело дыша.

— У тебя кровь, — повел носом Линч.

Уилл поморщился. Бешенство потихоньку отступало, и полдюжины порезов и синяков неожиданно дали о себе знать. Пульсация в спине усилилась, когда жар отхлынул от головы, и зрение вернулось к нормальному. Уилл обернулся и выругался от боли. Линч протянул руку и выдернул из его спины осколок.

«Вот же ублюдок!»

Уилл шумно вздохнул:

— Ты б поаккуратнее.

— Исцелишься, — отрезал Линч. — Может, это научит тебя сохранять голову холодной. — Он обернулся к одному из товарищей: — Гаррет, запиши свидетельские показания. И узнай сумму ущерба.

Уилл впервые огляделся по сторонам. Вся комната была засыпана стеклянными осколками, драгоценные камни вывалились из футляров на деревянный пол. Кровь капала с испачканных серебряных рам зеркал. Уилл с удовольствием вспомнил, как впечатывал в них лицо Колчестера, снова и снова.

Лавочник безмолвно, не мигая, взирал на разрушенный магазин и потом прошептал:

— Что я скажу Марте? Герцог очернит мое имя. Он меня уничтожит.

Уилл ощутил укол стыда. Надо было сдержаться.

— Я заплачу за ущерб.

Линч схватил его за руку и указал на дверь. На город зловеще напоздали сумерки, тяжелые облака клубились на горизонте.

— Полагаю, тебе сейчас самое время уйти. Не удивлюсь, если Колчестр вернется, да еще и с парочкой друзей. Он не захочет так это оставить. А я уже сделал все что мог.

Уилл кивнул. Иисусе, и о чем он только думал? Да вообще не думал. Одно упоминание Лены, и он тут же сорвался. Вервульфен прищурился:

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты мне помог?

Хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать всех, кто когда-либо добровольно помогал Уиллу. Остальным всегда было что-то нужно.

Линч помедлил на пороге, рассматривая собирающихся зевак. Тонкие морщинки разбежались от уголков глаз, насупленные темные брови сошлись на переносице.

— Три года назад Блейд в Подземном городе спас мне жизнь. Я ему должен. Считай это платой.

Уилл уставился на напрягшегося Ночного ястреба:

— И?

Линч потер гладкую челюсть:

— И еще... Совет на нас давит. Мне поручили найти бунтовщика по имени Меркурий. Здесь, в Лондоне, он главарь организации гуманистов и непосредственно отвечает за поджог сливзаводов. Я не дурак, Карвер. У Блейда есть уши в таких местах, куда мне никогда не добраться. Как и у тебя. Я уловил твой запах в туннелях, где мы арестовали пару поджигателей.

— Мы не при делах.

— Знаю. Та парочка нам все рассказала. Они думали, что прикончили Блейда.

— Лишь чутка его зацепили. — Нет нужды трепаться, что Блейда можно серьезно ранить. Созданная им легенда уже полвека позволяла держаться в стороне от Эшелона. —

Так те надо сплетни про Меркурия?

— Все, что знаешь.

Холодок пробежал по спине. Линч ведь отчаянный. Уилл чуял, как подобрался глава Гильдии. Несомненно, Совет уже взял его за горло. Всем известно, что Ночные ястребы состоят из грязнокровных — тех, кого инфицировали незаконно или случайно. Стоило такому нелегалу поддаться одержимости жаждой крови, как его тотчас уничтожали. А способные себя контролировать получали иную возможность — мрачную и одинокую жизнь в качестве Ночных ястребов на поводке Совета. Они были полезны Эшелону, но никогда не станут его частью.

Расходный материал.

Особенно если не исполняют свою роль.

Уилл вспомнил закодированное письмо, которое обнаружил у Лены. Неужели возможно, что она связана с гуманистами, с этим Меркурием? Страх начал разрастаться, подтачивая вервувльфена изнутри. Во что же она ввязалась? Сначала Колчестер, теперь это.

— Буду держать ухо востро, — ответил Уилл, сознавая, что Линч пристально за ним наблюдает. — Все, что услышу, передам.

— Я бы не стал переходить мне дорогу в этом вопросе, Карвер. Если что-то знаешь, что угодно, лучше расскажи.

Уилл кивнул. Ночной ястреб явно почувствовал его волнение.

— Лады, пошлю записку, если что услышу.

«Но сначала сам разберись в том, что происходит».

Налетел легкий прохладный ветерок. Лена оторвала взгляд от раскиданных по письменному столу шестеренок и винтиков, подняла гогглы на макушку и, отложив тонкие плоскогубцы, встала. Ночной халат розового цвета спускался до босых ступней, шелк ласкал кожу.

— Эй? — позвала Лена, запахнувшись потуже и крепче затянув пояс.

Почти полночь. Миссис Уэйд легла несколько часов назад, но Лена не могла заснуть из-за одолевавших ее мыслей и решила заняться трансформационным механизмом в человеческий рост. Тем самым, что заказал Меркурий. Игрушки просто собрать... не то что ее жизнь. До официального подписания мирного договора всего неделя. Лена уже начала работать над внутренней частью, но едва ли успеет закончить все за оставшееся время. Придется попросить помощи Мандевилля для сбора внешней оболочки.

Вдруг дверь, отделяющая гостиную от спальни, скрипнула. Лена схватила кочергу и с колотящимся сердцем подкралась к проему.

Вряд ли кто-то посмеет напасть на нее здесь. Дом хорошо охранялся даже ночью, так как в Эшелоне заказные убийства не редкость. В силу нездоровья герцог Кейн нечасто показывался на публике, потому Лео правил вместо него, играя роль главы дома, и с полдюжины дальних родственников наверняка мечтали занять его место.

Вдалеке загрохотал гром.

Приглушенное сияние газовой лампы едва освещало темную спальню. На мгновение Лене захотелось разбудить слуг. Но если дело всего-то в соскочившей задвижке, то она лишь зря всех переполошит.

Лена оглядела спальню. Тонкие занавески трепетали на ветру, а капли дождя брызгали на отполированный пол. Одна застекленная дверь на балкон была распахнута, но комната казалась пустой.

— Проклятый ветер.

Лена плотно закрыла створку. Сверкнула молния, и вдруг позади закричала половица.

Чья-то большая рука заглушила рвущийся изо рта Лены крик. Прижав ее к твердой груди, из-за чего халат тут же пропитался водой, мужчина прошептал:

— Тс-с-с.

Уилл. Теперь Лена почувствовала его мускусный аромат, смешанный с дождем и свежим воздухом. Она выронила из ослабевших пальцев кочергу, которую Уилл поймал ботинком, не дав удариться о пол, и осторожно положил на ковер.

Сердце Лены трепетало. Она перестала отбиваться, поникла и прижалась грудью к его руке. В углу она заметила движение. В напольном зеркале отражались они вдвоем в запретном объятии. Лена встретилась взглядом с Уиллом. Он был огромным, мокрым и мрачным, глаза горели янтарем. Похоже, настроился на ссору.

Лена прищурилась. Не только Уиллу хотелось поскандалить. Больше она себя так пугать не позволит.

Она укусила его ладонь.

— Бушь вести себя хорошо, если отпущу?

Лена яростно задергалась.

— Похож, что нет. — Уилл подтащил ее к кровати, бросил на матрас, тут же схватил с

пола шелковый шарф и заткнул ей рот импровизированным кляпом.

Лена вытаращила глаза и принялась лягаться, издавая полузадушенные звуки. Уилл оседлал ее, прижимая руки к кровати. В схватке ночная сорочка задралась до бедер, и когда вервильфен посмотрел вниз, Лена застыла. В его взгляде было море жара.

— Мир?

Она настороженно кивнула. Он встал на колени, отпустил ее, и Лена вытащила изо рта шарф.

— Какого черта ты тут делаешь?

Уилл прижал ладонь к ее губам:

— Застань нас Бэрронс сейчас — мигом поженит. Нам ведь этого не надо, так?

Ее сердце неуверенно забилося. Затем Лена неистово покачала головой. Она видела, как сестре повезло найти счастье. Единственное, что хуже брака по расчету, — брак без взаимности.

Уилл смотрел на нее какое-то время, потом посуровел и убрал руку, мимоходом погладив по щеке.

— Он все равно не заставил бы нас заключить контракт. Лео, вероятно, притворился бы, что не видел тебя. Конечно, выставив тебя за дверь и сняв шпалеру с моего окна.

— Мне бы эт не помешало. — Уилл играл с поясом ее халата. Затем понял, что сказал и добавил: — Если б я захотел.

— Прекрати! — Лена прижала его дьявольски теплую ладонь к своему животу. — Ты позволяешь себе слишком много.

— Не впервой.

Что-то в выражении лица Уилла настораживало.

— О чем это ты?

Он долго молчал, а потом пробормотал:

— Да так.

Кажется, он говорил вовсе не о том поцелуе. Лена оттолкнула его руку.

— Чего ты хочешь? Что ты здесь делаешь?

Мокрые волосы прилипли к голове вервильфена, капли стекали за расстегнутый воротник. Взгляд был твердым и пустым. Уилл достал листок, и Лена с изумлением поняла, что это оставшаяся у нее часть разорванного письма.

А ведь она спрятала его в дымоходе за расшатавшимся кирпичом, чтобы потом попытаться расшифровать.

— Ищу правду. Ведь от тя ее не дождешься.

— Это мое! — Лена потянула листок, но Уилл не отпускал.

Они сердито уставились друг на друга. Рубашка неприлично облипала плечи вервильфена, рукава были закатаны до локтей, а кожаный сюртук обрисовывал все грудные мышца. Капелька воды зависла на изгибе губ, а вторая ползла по загрубелой щеке. Боже, как Лене хотелось провести руками по плечам Уилла, убрать эту капельку языком.

Зарыться руками в мокрые волосы, притянуть его рот к своим губам.

Глубоко вздохнув, Лена задрожала от безответного желания.

— Что ты с ним сделаешь? Расшифруешь?

— Ага.

Она облизнула губы.

— Может, и к лучшему. — Ей хотелось узнать, что там, не меньше, чем Уиллу. —

Только никому ни слова.

— Боишься выволочки от Онории?

— Боюсь, она меня в монастыре запрет.

— Мож, и стоило бы.

Его глаза были цвета расплавленного золота.

Лена застыла. Уилл ясно дал понять, что их поцелуй — ошибка. И все же... Ее соски напряглись под обжигающим взглядом. Вервильфен смотрел на нее так, словно хотел съесть. В таком настроении он непредсказуем.

«Надо выставить его отсюда, пока сама не выкинула какую-нибудь глупость».

— Ты только за этим пришел? — Лена отпустила листок. — Напугал меня до полусмерти.

Дождь барабанил по окнам. Вервильфен поднялся, но уходить не спешил.

— Уилл? Что бы ты там ни задумал, оно может подождать до завтра.

Она никак не могла рассмотреть выражение его лица в темноте.

— Над поговорить.

— Не сегодня. Если кто-нибудь...

— Седня, — прорычал он под низкий раскат грома. — Я и так долго ждал. С меня хватит. Мне нужны ответы, и ты, черт подери, все расскажешь. Отвечать надо тока «да» или «нет», сечешь?

Лена медленно кивнула. Уилл всегда сдерживал свой темперамент, не осмеливался его проявлять. Сегодня же в нем таилась дикость, которая требовала осторожности.

— Ты знаешь, кто этот Меркурий?

Лена затаила дыхание.

— Я не... я не уверена, что...

Уилл прижал палец к ее губам:

— Да или нет. Ты знаешь, кто этот Меркурий?

Откуда он узнал имя? И почему подозревает ее в связях с Меркурием? Надо играть аккуратно, иначе, кто знает, как он отреагирует? Лена робко кивнула:

— Да.

Уилл нахмурился, явно не обрадовавшись ответу.

— Черт побери, Лена. Во шо ты ввязалась?

На этот вопрос нельзя ответить «да» или «нет».

Как будто осознав ее намерения, Уилл прищурился:

— Ты спуталась с гуманистами и с Меркурием?

— Да и нет.

— Лена, за ним охотятся Ночные ястребы! Вскоре они найдут его и всех, кто с ним связан. Седня мне пришлось пообещать сэру Джасперу Линчу искать Меркурия. И я соврал, потому что знал — ты замешана. — Он с отвращением провел руками по волосам. — Чо мне с тобой делать?

На ум пришло несколько вариантов, но вряд ли Уиллу понравится хоть один из них.

— Ну? Скажешь, чо происходит?

А вот на это ответить просто. Лену охватила тревога.

— Нет.

— Милая, эт неправильный ответ.

— Другого не получишь.

— Я мог бы тебя заставить. — Уилл наклонился, нависнув над ней.

Лена приподнялась на постели и прижалась спиной к изголовью.

— Не посмеешь. Ты ведь, как и я, не хочешь, чтобы тебя нашли в моих покоях. Я закричу.

От выражения его лица она задрожала.

— Попробуйся. — Уилл схватил Лену за лодыжку и потащил к себе. Его глаза стали полностью волчьими.

Ночная сорочка зацепилась за шелковые простыни, задираясь на бедрах. Халат соскользнул с плеч. Лена могла бы его удержать — на какую-то секунду здравый смысл вернулся. Взгляд Уилла... Это по-настоящему? Или ей показалось? Он действительно ее хотел?

«Небеса помогите, — безмолвно взмолилась Лена, потом повела плечами, и халат спал до талии. — Я должна узнать».

Взгляд Уилл стал острым. Жарким. Голодным. Лену охватил жар. Она оказалась права. Будь Уиллу все равно, он бы так не напрягся.

Мысль сводила с ума. Лена едва дышала, когда вервильфен обхватил рукой ее подбородок.

«Да, о боже, да».

Затем вдруг осмотрел шею с обеих сторон. Лена нахмурилась, сжав его запястье. Что он делает?

Не обращая внимания на изящный зазубренный вырез сорочки, Уилл поймал запястье Лены и перевернул.

«Нет».

Она затаила дыхание и потрясенно прижала ладонь к груди, осознав, что же Уилл ищет.

— Лена. — Он стиснул в кулаке подол ее сорочки.

Взгляд вервильфена пугал. Там не было ни сознания, ни самого Уилла. Лишь разозленный хищник. Сжав его руку, Лена перевела ее выше по внутренней стороне бедра и положила на кривой шрам.

Безобразное напоминание о том, что Колчестер забрал у нее в тот день в переулке.

— Это ищешь? — Лена оттолкнула Уилл и отползла.

Острая боль пронзила грудь.

«А я-то думала, он снова собирается меня поцеловать».

Накинув халат на плечи, Лена туго подпоясалась.

— Откуда ты узнал?

Молчание.

Она повернулась и увидела, что Уилл сидит на постели, опустив голову и сжав простыни. Плечи его задрожали, рука дернулась. Он медленно поднял голову, и когда их взгляды встретились, по спине Лены пробежал холодок.

— Колчестер рассказал, — хрипло выдавил Уилл. — Мол, поимел ты.

Лена покраснела.

Черт побери, только не сейчас!

Чуть склонив голову на бок, она утерла глаза рукавом.

— Ты видел его? Где? Я же просила не делать глупостей.

— Я был у ювелира. Вошел он.

Защуршали простыни. Уилл встал перед Леной на колени. Вблизи она заметила

разбитую губу и намечающийся синяк на скуле. Кто-то его ударил. Без сомнения, Колчестер.

— Лена? — Уилл погладил костяшками пальцев ее мокрую щеку. — Чо случилось?

От его нежности Лена чуть не расклеилась и поспешно отскочила. Паника мешала дышать.

— Не хочу об этом говорить.

Удалось сделать всего три шага, прежде чем Уилл ее поймал. Она развернулась, чтобы оттолкнуть, но оказалась в кольце сильных рук и прижалась щекой к его груди. Его жар обволакивал. Боже помоги, но Лена не удержалась и стиснула пальцами его рубашку. В объятиях Уилла было так спокойно. Соппротивление ее вымотало. Вот бы остаться так навсегда.

Если бы только Уилл захотел.

— Черт побери, чо он с тобой сделал? Он тя... изнасиловал?

— Нет, хотя и пытался.

Воспоминание пачкало душу. Колчестер, красивый молодой денди, очаровательно ей улыбнулся на улице. Тогда это не показалось Лене странным, она ведь привыкла к флирту. И даже узнала в красавце наследника герцога Ланнистера, хотя глупо было вообразить, будто он увидел в ней нечто большее, чем просто девушку с углем. Легкую добычу.

— Он взял мою кровь. — Затащил в переулок, прижал к твердой стене. Содержимое ведер рассыпалось, уголь упал на грязные булыжники. Лена попыталась отказаться, не в силах понять, что происходит. — Я того не желала. Не хотела. Но он все повторял, что я обманываю, что мне понравится.

Щеки пылали. Осознав, что плачет, она уже не смогла сдержать рыданий. Колчестер был прав. Под конец Лене понравилось. Химические вещества в его слюне вызвали какую-то реакцию в ее теле.

Уилл нежно прижал ее к себе и успокаивающе погладил по спине:

— Успокойся, mo chridhe. Щас ты в безопасности, я рядом.

«Нет, не в безопасности». Слезы полились сильнее. Безопасность — это мир без Эшелона и алчных кровососов. Без гуманистов, угрожающих ее семье, без преследования Колчестера. Мир, где ее любят, и она счастлива. Безопасно лишь здесь, в объятиях Уилла.

— А гуманисты?

— Я н-не собираюсь в это влезать. — Неправда. Лене хотелось что-то обрести, что угодно, найти смысл жизни.

— Во что? Лена? — шепотом позвал Уилл, убирая волосы с ее заплаканного лица. — Выкладывай.

Она вырвалась и отвернулась, вытирая лицо о плечо сорочки. Надо сначала ему объяснить, показать, что это не просто легкомысленный каприз. Может, Уилл ее не слишком сильно возненавидит, когда узнает о миссии.

— В Уайтчепеле для меня ничего не осталось. У Онории появился Блейд. Чарли привык к новому месту. Мы всегда были так близки, но он не хотел, чтобы я к нему приближалась, когда стал голубокровным. А потом... — Голос слегка сорвался, и Лена поспешно выпалила: — Ты ушел, а там я никому не нужна. Я считала, что все изменится, стоит только вернуться в общество. Для этого меня и растили. У Онории всегда был отец и работа, а у меня — только уроки этикета и все то, что следует знать юной леди. Когда отец умер, я вот-вот должна была выйти в свет. Самое счастливое время в моей жизни. — Она понизила голос. — Я просто хотела туда вернуться.

Тогда все восхваляли ее красоту и очарование, и увиденное мельком в Эшелоне только усиливало желание присоединиться к высшему свету. Лена смотрела на жизнь сквозь розовые очки. Уайтчепел изменил ее. Она больше не была той наивной девочкой, любовавшейся на звезды. Прошое не вернуть, но она поняла это далеко не сразу.

— Сперва я не заметила гниль. Лео оплачивал мой дебют, все были такими очаровательными и элегантными. Ну конечно. Они во мне нуждались. В первую же неделю мне предложили три контракта трэли. Это было ужасно волнующе.

— Ты их не приняла.

Не оборачиваясь, Лена сложила руки на груди и покачала головой:

— Один из них, лорд Рэмси, пригласил меня на прогулку в сад. Я знала, что он собирается сделать. Не так уж редко девушка предлагает кровь до подписания контракта. Я не смогла. Чем больше я думала об этом, тем сильнее расстраивалась. Я не могла дышать. Лишь видела Колчестера в том переулке. Я так разволновалась, что лорд Рэмси вlepил мне пощечину, а Лео отвез домой, и я...

Теплые руки обняли ее за талию.

— Лена, не плачь, черт побери!

Конечно, Уилл не хотел видеть ее слез... Лена попыталась вытереть глаза.

— Прости, я не могу. Прости.

— Те не за чо извиняться. — В резком голосе звучала злость. — Ненавижу, када ты плачешь.

— Да? — переспросила Лена.

Уилл осторожно поглаживал ее бедро, легко, почти завораживающе. Незаметно для себя она расслабилась в его объятиях.

Он подхватил ее на руки. Лена ахнула и вцепилась в его плечи.

— Уилл?

Он нес ее в постель.

— Ты дрожишь.

Лена осознала, что и правда трепещет от прохлады в комнате — и от воспоминаний. Прижавшись к шее Уилла, она закрыла глаза и вдохнула мускусный аромат. Вержульфен уложил ее, подоткнул одеяла и выпрямился.

Лена поймала его руку, безмолвно умоляя не уходить.

Уилл заколебался:

— Эт неприлично. И я промок...

— Мне так холодно, а ты такой теплый. Пожалуйста, — прошептала она.

— У меня рубашка промокла до нитки.

— Такними.

В его взгляде мелькнуло что-то мрачное и безжалостное. Уилл глубоко вздохнул. Золотые глаза горели во тьме ночи. Охотник или дичь?

— Прошу, — прошептала Лена. — На минутку. Только согреть постель.

Если она и дрожала немного больше, чем необходимо... Ну, ему об этом знать не надо.

На его лице промелькнула нерешительность.

— Расскажи мне больше, — наконец произнес Уилл, поправляя сюртук. — Выкладывай, в чо вляпалась.

Лена перевернулась на бок и посмотрела на него. Свет газовой лампы очерчивал широкие плечи, а лицо было лишь тенью с горящими глазами.

Тело охватил жар, напрягшиеся соски слегка раздражала ткань. Уилл стянул рубашку через голову. Лена вымоталась, лицо и нос были мокрыми, но отвести глаза она могла не больше, чем добровольно дать кровь голубокровному.

Свет мерцал на влажной коже, под которой перекачивались мускулы груди и живота. Уилл разулся и поднял взгляд, полускрытый распущенными волосами.

Слишком длинные и растрепанные, не по моде. Но, боже милостивый, как же хотелось зарыться в них пальцами, коснуться его.

Лену охватило нервное предвкушение. Она никогда прежде не видела полураздетого мужчину. Мурашки побежали по коже, и Лена заерзала, ощущая непривычную влагу между бедер. Кровать прогнулась под весом вервульфена.

— Как ты с ними познакомилась?

— Познакомилась? — Лена подняла голову, пытаясь сообразить, о чем ее спрашивают. — С гуманистами?

Уилл лег на спину, подложив руки под голову, и повернулся к ней:

— Ага.

Лена скользнула к нему и затрепетала от удовольствия. До этого она даже не понимала, как замерзла.

— Я уже знала одного, хоть и не сразу поняла, что он связан с этой организацией. Пока мне не понадобилась помощь.

— Кого?

— Не скажу. — Она подвинулась и робко потянулась к груди Уилла.

Он напрягся, но не отстранился. Приняв это за согласие, Лена прижалась к его боку и осторожно устроила голову на плече, наслаждаясь восхитительным ощущением тепла.

— Лена, я не смогу тебя защитить, если ты мне все не расскажешь.

— Уилл, он спас мне жизнь, спугнул Колчестера. Затем вытащил меня из переулка и позволил выплакаться. Я очень многим ему обязана и не предаю.

Уилл повернулся, так что ее голова оказалась на сгибе его руки, и немного отодвинулся. Жаркое дыхание оевало лицо Лены.

— Мандевиль.

— Откуда ты...

— Уже подозревал.

— Прошу, ничего не делай. Я не хочу, чтобы ему причинили боль. Уилл, он дал мне работу, подобрал меня с улицы и присматривал как за родной кровинкой.

Его глаза потемнели.

— А де шлялась твоя чертова сестрица?

— Я ей не сказала. — Уилл хотел запротестовать, но Лена прижала палец к его губам. — Ты не знаешь, как мы жили. Я не могла. Мы обе трудились не покладая рук, чтобы заработать на еду, убежище, а тут еще Чарли заболел, проявились первые признаки жажды. Я не хотела быть обузой. — В ее глазах снова появились слезы. — И мы тогда много ссорились, так что я не могла с ней поделиться.

Слезы опалили щеки. Лена думала, что уже все выплакала, но это было давнишнее горе, лишь наспех прикрытое. Теперь они с Онорией больше не спорили, как раньше, но она так и не понимала, чем вызвано острое чувство обиды. Лена была одинока, зла и напугана.

Уилл притянул ее к себе. Лена прилипла к нему, прижавшись лицом к его шее.

— Я совсем расклеилась, — попыталась она сказать, но слезы не останавливались, и

слова звучали невнятно. — Прости.

— Не тебе извиняться. — Он помрачнел. — Твоей проклятой сестре шею бы свернуть.

А чо до Колчестера...

Лена встревоженно вскинулась:

— Ты же обещал к нему не лезть.

— Эт было до того, как я узнал, чо он натворил. — Угрожающая улыбка заиграла на губах вервильфена. — Если тя это утешит, он уже не такой красавчик.

— О, Уилл, что ты наделал?

— Протащил его морду через пару витрин.

От этой новости ее охватила мстительная радость. Затем Лена покачала головой:

— Не стоило. Он никогда этого не забудет и доберется до тебя.

Уилл легонько коснулся ее щеки и прошептал на ушко:

— Оч надеюсь.

Лена медленно осознала, что он делает. Когда вервильфен прижался губами к ее лбу, она застыла. Сердце заколотилось.

— Уилл?

Он смотрел на нее мрачно и задумчиво. Затем погладил ее лицо, обхватил подбородок. Губы вервильфена оказались опасно близко.

— Бож, помоги мне.

Он наклонился и поцеловал ее.

Его губы были теплыми и робкими. Лена резко вдохнула, пульс грохотал в ушах. Кожа на щеках натянулась от высохших слез, но плевать. Лена лежала неподвижно и молча, не осмеливаясь дышать из опаски спугнуть мечту.

Как будто почувствовав ее неуверенность, Уилл отодвинулся.

— Нет, не смей, — прошептала она и потянула его обратно, вцепившись в волосы.

Страх потерять его рушил барьеры. Лена нашла губами рот Уилла и чувственно подалась ему навстречу.

Уилл ахнул, обхватил ее попку и прижался всем телом. Ощущая жар вервильфена, Лена машинально качнула бедрами, вызвав еще один стон.

Святые небеса, что за блаженство. Ей хотелось большего: чтобы Уилл овладел ею, взял прямо здесь и сейчас. Но он лишь нежно покусывал ее губы.

Если он снова отстранится... это ее убьет. Лена провела руками по его влажным плечам, скользнула языком в рот. Уилл выгнулся, прижимаясь к ней бедрами и не прерывая поцелуя, несмотря на разницу в росте. Лена ахнула, жадно упиваясь губами любимого, лаская его гладкую спину.

Уилл отстранился и перехватил ее запястья:

— Нет.

Лена напряглась.

— Меня это достало, Уилл, ты знаешь, мне плевать, что ты вервильфен. Я это доказала!

Он встал на колени.

— Эт не единственная проблема.

— Ты меня не хочешь? — Она провела руками по своей груди, чувствуя сквозь тонкий батист напрягшиеся соски. — Мы оба знаем, что это ложь.

Уилл перекатился к краю постели. Осознав его намерение, Лена обхватила ногами бедра вервильфена, подвинулась вместе с ним и в итоге оказалась на нем верхом.

Воспользовавшись удивлением Уилла, она опрокинула его на спину.

Ни одна сила на земле не заставит его остаться, если он того не захочет. Лена в отчаянном порыве стиснула запястья Уилла и поняла, что он и не пытается освободиться. Лишь смотрит на место отсутствующей пуговицы, оторванной в пылу борьбы, а точнее — на показавшуюся грудь.

Проведя ладонями по мощному торсу, Лена села. Пряжка ремня вонзилась в нежную кожу, и Лена подвинулась, ощутив под собой твердую выпуклость. Она знала достаточно, чтобы понять, что это значит.

Они оба застыли.

— Я могу сделать тебе больно.

Наклонившись, она невесомо, дразняще поцеловала Уилла.

— Не думаю, что сделаешь.

Затем втянула его губу в рот, чувствуя медный привкус. Кровь, его кровь из пореза.

Уилл впился пальцами в мягкую плоть ее бедер и резко втянул воздух. Чувствуя под собой твердый член, Лена застыла. Какое потрясающее ощущение. С легким трепетом она снова поерзала.

Глаза вервильфена остекленели.

— Ты не понимаешь, — прошипел он. — Не могу думать, когда ты так делаешь. Черт. — И прижал ее к себе. — Лена, прекрати.

Лена запрокинула голову, покачиваясь над Уиллом.

— С чего бы?

Как прекрасно. Как правильно. И она сводит его с ума.

Он оскалился.

— Я сделаю тебе больно. Не могу. — Однако его руки словно жили своей жизнью. Уилл сжал подол ее сорочки так, что костяшки побелели. — Черт побери!

Лена снова потерлась о него. Панталоны промокли, а с губ сорвался еще один стон.

При звуке рвущегося шелка Лена открыла глаза. А ощутив холодок, увидела, что ее ночная рубашка разорвана посередине.

— Уилл!

Он приподнялся, притягивая ее ближе. И на сей раз овладел ее губами решительно и грубо. Ночная рубашка сползла с плеч, мешая поднять руки. Лене хотелось коснуться его, провести ладонями по гладкой коже.

Волоски на груди Уилла потирали ее чувствительные соски. Охваченная новыми ощущениями, Лена позабыла о времени и приличиях. Своими осторожными поцелуями она вызвала в нем безрассудный голод. Прильнув к Уиллу, ласкала его языком. Затем, застонав, повела плечами, высвободила руки и обхватила его за шею.

Член Уилла был огромным и твердым. Вервильфен прикусил ее губу, затем подбородок, припал к горлу. Лена откинула голову назад и застонала.

— Бож, ты такая чертовски вкусная, — прорычал Уилл.

Выгнув спину, Лена зарылась руками в его шелковистые волосы. Он ласкал ее грудь, задевая зубами нежный сосок. Лена открыла глаза, невольно ерзая на бедрах вервильфена. Так хорошо. Страсть пронеслась по ней, вонзая когти в живот и ниже... Лена не могла остановиться. Ее тело будто принадлежало кому-то другому. Распутному существу, погрязшему в жарких желаниях. Приподняв грудь, которую он сосал, Лена провела ногтями по плечам Уилла и сжала влажные пряди, пока его рот доводил до грани ее тело.

Посмотрев ей в глаза диким янтарным взглядом, Уилл принялся ласкать нежную кожу, царапая зубами гладкий изгиб плеча. Волоски на его торсе задевали ее грудь. Лена закричала, схватила вервильфена за руку и потянула ее под сорочку. Ей нужно его прикосновение. Хоть что-то.

Уилл прижал ладонь меж ее бедер.

— Не останавливайся, — прошептала Лена, проводя руками по его волосам.

Так близко... Неизвестно, к чему, но если Уилл сейчас остановится, она его убьет.

Что-то загремело в доме, разрушив всю атмосферу. Уилл напрягся и замер.

Лена притянула его лицо к своему.

— Всего лишь автомат, слуги, — прошептала она, снова облизывая его рот и чувствуя вкус крови.

— Лена. — Уилл перехватил ее руки и отстранился. — Лена!

— Не уходи.

— Прости, — прохрипел он полным желанием голосом. — Эт была ошибка.

Предвкушение пропало.

— Что?

— Ошибка, — резко повторил Уилл, отодвигая ее руки.

Хуже удара не придумаешь. Лена прижала к груди обрывки ночной сорочки и с отчаянием взглянула на него. Он не может снова с ней так поступить.

Отступив от кровати, Уилл схватил рубашку:

— Мне пора.

Его глаза по-прежнему сияли безумным блеском.

— Уилл, — прошептала Лена. — Не надо уходить. Нас никто не услышит. Никто никогда не узнает...

Он посмотрел на нее взглядом, полным муки.

— Я должен уйти. Извини.

И пропал. В комнату ворвался ветер с дождем, и молния вспышкой осветила стены.

— Че-то гложет? — спросил Блейд и крикнул, когда Уилл еще раз ударил подвесную грушу.

Затем он добавил комбинацию ударов левой-правой-левой, молотя до боли в костяшках.

— Ниче, — фыркнул Уилл, апперкотом отодвинув грушу вместе с Блейдом сантиметров на тридцать.

— погоди, — задыхаясь, господин поднял руку. — Минутку. Ты тут уже час молотишь. Теперь не все мы круты как прежде.

Уилл пригладил волосы. Он почти не устал и оставался на взводе. Воспоминание о гибком теле Лены отпечаталось на коже. Он полночи промучился с эрекцией, не в силах думать о работе. Вместе с Рипом они патрулировали трущобы по крышам. Наконец друг предложил ему снять шлюху и снова вспомнить об обязанностях. Потом Рип с отвращением ушел.

Никакой женщины. Не следовало приходить к Лене прошлой ночью. Не надо было поддаваться искушению.

Нужно ослабить давление единственным безопасным способом.

— Не хош побороться на ковре?

— Черта с два. — Согнувшись, Блейд уперся руками в колени. — Не знаю, че тя вывело с самого ранья, но я седня буду держаться от твоих кулаков подальше.

Уилл повернулся, схватил полотенце и, ослабив ворот, провел тряпкой по шее, борясь с острым желанием попросить совета у Блейда. У него ведь и так тревог хватало, и меньше всего друг сейчас нуждался в новости, что Уилл едва не обезумел прошлой ночью и чуть не поимел сестру его жены. Разговоры о любопытном письме, найденном у Лены, или об угрозах Колчестера тоже ни к чему.

Противоборство Блейда с Эшеломом никому пользы не принесет.

Господин убрал с глаз светло-коричневые пряди. С каждым днем волосы все темнели, благодаря привитой крови Онории. Уилл нахмурился. Именно к нему Блейд обратился, опасаясь, что скоро станет вампиром; именно Уилл должен был убить друга до того, как это случится. Спасибо Онории, которая сняла с него тяжкий груз, но теперь появилась другая проблема.

Выпрямившись, Блейд вздохнул:

— Не смотри на меня своими чертовыми глазами. Лады. Мож, по-быстрому. Тока помни, эт не я тя обидел.

Уилл сбросил ботинки и ступил на мягкий ковер, кинув рубашку на ближайшее кресло. Блейд тоже снял свою и потер костяшки. Ростом ниже Уилла, господин был стройным, мускулистым и опасно быстрым. Он знал все уловки, а от недавней ножевой раны не осталось и следа. Вирус жажды совершенно его исцелил.

— На этой неделе я тя почти не видел, — сказал Блейд, становясь в стойку.

— Я был занят. — Уилл увернулся от хука справа.

— Кто она? Наскока помню, у тебя девки никада не было.

— Да и щас нет. — Затем уклонился от хитрой комбинации и провел прямой удар, застав Блейда врасплох.

Тот зашатался и стиснул зубы.

— Лады. Давай притворимся, мол, ты просто так выверился. До такого тока женщина может довести.

Уилл увернулся от еще одного удара справа, но попался прямо под левый кулак Блейда. Голова дернулась, однако господин лишился прежней силы. Несколько лет назад Блейд почти каждый раз укладывал Уилла на лопатки. Теперь хорошо, если такое случалось раз в месяц.

Уилл встряхнулся и отскочил от удара ногой в лицо. И тут же пошел в атаку, вонзившись плечом в живот Блейда. Оба рухнули на ковер.

Блейд перевернулся, обхватив ногами талию Уилла, а затем наградил его очередным ударом в лицо. Рот затопил вкус крови. Сбросив друга, Уилл вскочил на ноги и утерся.

— Ты двигаешься все медленнее.

Блейд прищурился и атаковал сбоку. Воздух вырвался из легких, и Уилл заворчал, едва разминувшись с вновь занесенным кулаком.

— Достаточно медленно? — прорычал Блейд.

Уилл выпрямился. В ушах шумело.

— Те над перестать пить ее кровь.

В комнате вдруг стало тихо.

— Какого черта ты мелешь? — спросил господин, опуская руки.

Проклиная себя за безрассудный порыв, Уилл покачал головой:

— Да так.

— Неа. Я точно знаю, об чом ты. — Блейд посмотрел на руки, разминая пальцы. — Моя кожа, волосы темнеют. Я слабею. Замедляюсь. — Он со смешком провел ладонями по шевелюре. — Три года назад я б убил за то, шоб стать человеком. Говорят же, бойтесь своих желаний. — Глубоко вздохнув, он признался: — Я беру ее крови ровно стока, шоб Онор ниче не заподозрила. Остальную пью холодной из ледника. Жена считает, мол, уровень вируса достиг дна. — Блейд опустил взгляд. — Ежель в Эшелоне прознают, мы покойники.

Уилл кивнул. Репутация Дьявола Уайтчепела — единственное, что не давало аристократам захватить трущобы. Узнай правящие голубокровные о слабости Блейда, накинулись бы на него, как собачья свора.

— Как давно ты понял?

— Год назад. Када стал избивать тя постоянно, — ответил Уилл.

— Дерьмо. — Блейд повернулся и сошел с матов. — Мож, снова попить обычной крови, шоб поднять уровень. Но как сказать Онор? Она зациклилась на моем исцелении.

Уилл последовал за другом, все еще желая поразмять мышцы. Ему хотелось побороться на ринге до того, как Лена придет на урок — если придет, — но Блейд явно закончил тренировку.

— Не мне давать совет по женщинам.

— Истинная правда, — усмехнулся Блейд и надел рубашку. В отличие от Уилла, кожа господина была сухой. Голубокровный не потел.

— Не переживай об Эшелоне. Ты у нас не единственный голубокровный, еще есть Рип, Чарли. И я. — Уилл взял полотенце.

— И че эшелонцы увидят? Грязнокровного с механической рукой, парнишку, пытающегося справиться с жаждой крови, и зверя, которому место в клетке.

Горькая правда. Уилл перебросил полотенце через шею и сжал концы.

— Мож, и так. Но помни, ты не один. Ежель за тобой явятся, сначала пусть пройдут

через меня.

— Ты тут не навечно.

Уилл напрягся:

— Не знал, что ухожу.

Блейд окинул его понимающим взглядом:

— Уилл, те нужно больше. Сам же понимаешь.

Захотелось возразить, но друг вдруг насторожился, а секунду спустя Уилл и сам услышал шорох юбок на лестнице.

— Низзя говорить Онор, — виновато осмотрелся Блейд.

— Она не дурочка.

— Не шас, — рыкнул господин и пошел навстречу жене. — Я че-нить придумаю.

Уилл повернулся, вытирая грудь полотенцем. Дверь открылась, и в комнату проник запах Онории с легким ароматом жимолости. У него внутри все сжалось. Лена шла сразу за сестрой. На урок.

В глубине души Уилл не ожидал, что она появится после прошлой ночи. Чувство вины и желание выжигали дыру внутри. Он перестал хмуриться и взял рубашку.

— Боже, у тебя кровь на пальцах? — прошептала Онория Блейду.

— Ага, Уилл не успел увернуться.

Уилл посмотрел мимо супругов на застывшую на пороге Лену. В лимонно-желтом платье она казалась настоящей леди. Искусно завитые волосы, перекинутае на плечо, скрывали след укуса на шее, а лихо сидящая шляпка прекрасно подчеркивала черноту волос.

Лена опустила глаза на рубашку в его руках, оглядела голую грудь и отвернулась. Натянутая улыбка застыла на полных губах. Маска, защита. Так Лена скрывалась от мира, от своей семьи. *«От меня»*.

От ее вчерашнего признания до сих пор ныло в груди. Уиллу хотелось отправиться за Колчестером с топором, но ее боль затронула что-то глубоко внутри него. Он тогда прижал Лену ближе, пытаясь затушить агонию, но это ощущение проникло до мозга костей.

Одна. Она переживала все одна. Не в силах рассказать семье, переложить ношу на сестру. Мило улыбалась, будто ничего не случилось, пока рана внутри ширилась и гноилась.

Уилл натянул рубашку, а Онория встала на цыпочки и прижалась губами ко рту Блейда. Так хотелось схватить Онор за плечи и спросить, где ее носило, когда Лена истекала кровью в переулке. Уилл знал, что старшая сестра не виновата; так сложились обстоятельства. Но ярость этого не признавала. Инстинкт боролся с логикой, и волчья сущность была слишком сильна, чтобы не следовать инстинктам. *«Надо отсюда убираться»*.

— Уилл, куда ты? — спросила Онор, краем глаза заметив движение. Ее улыбка была почти такой же, как у младшей сестры, но намного искренней.

— У меня урок с Леной.

Та дернула головой и покраснела. Затем посмотрела ему в глаза и с ледяным презрением вздернула подбородок. Холодная, неприступная, бесстрастная.

Судя по запаху, она обиделась.

— Не хочешь узнать о письме, которое ты мне передал? — спросила Онор. — Я продвинулась в расшифровке.

Лена побледнела и недоверчиво округлила глаза.

— Позже, зайду опосля урока.

Онория что-то прошептала Блейду, пока Уилл шел к двери. Лена убралась с дороги,

будто опасаясь, что он ее коснется. «*Слишком поздно, милая*». Он уже касался ее руками, губами и зубами.

И это не должно повториться.

Ее присутствие доводило его до безумия, едва не толкнуло с обрыва. Она была слишком опасна, слишком сильно возбуждала. Даже прошлой ночью, придя в себя после вспышки страсти, Уилл увидел следы укусов и синяки на бледной коже Лены. Вервильфены в таком состоянии проходили через огонь, теряли конечности, даже не сознавая боли. Ярость и дикость приводили к поступкам, о которых Уилл не мог вспомнить, не говоря уже о том, чтобы управлять собой.

Нет ничего хуже, чем увидеть кровь Лены или страх в ее глазах. Как бы Уилл не хотел ее, себе он не доверял.

А еще существовал риск заражения.

Уилл глубоко вздохнул и подал Лене руку:

— Идем?

Большого он от нее не получит. Лишь случайные прикосновения, взгляды украдкой. И отчаянную боль желания в груди и члене.

— Конечно. — Легонько коснувшись его руки затянутыми в перчатку пальцами, Лена вышла с ним за дверь. Но сделав всего три шага, вырвалась и развернулась. — Ты ей рассказал?

— Не здесь.

Блейд услышит.

Натянутая как струна, Лена гневно подхватила юбки и зашагала вперед.

— Куда?

Задумавшись, Уилл положил руку ей на талию и повел в сторону кухни:

— Во двор. Подожди меня там. Надо кой-че захватить.

Лена оглянулась через плечо и сердито блеснула черными глазами.

— Что такое? Уилл, мы тратим драгоценное время. Ты хорошо справился на приеме, но нам с тобой надо кое-что уладить.

— Эт важно.

Внимательно посмотрев на Уилла, она всплеснула руками и вздохнула:

— Почему нет? Неси. Чем скорее мы закончим, тем скорее я вернусь домой. Мне надо подготовиться к ужину, который устраивает Лео.

Уилл намеренно обидел ее прошлой ночью. На мгновение ему захотелось схватить Лену за руку, сказать, что был не прав, и извиниться. Зацеловать ее так, чтобы она снова ловила ртом воздух и плавилась от его прикосновений.

Но лучше пусть злится.

Ради них обоих.

Дождавшись, пока упрямица выйдет во двор, Уилл бросился наверх за сумкой, которую оставил в гостиной Блейда. Во дворе Лена ходила из угла в угол, скрестив руки на груди с грустным задумчивым выражением лица.

Однако стоило ей заметить Уилла, всю грусть как ветром сдуло. Лена презрительно посмотрела на сумку.

— Я не могу принимать личные подарки. Особенно от мужчины, который не ухаживает за мной. — Ее голос был ледяным. — Мы же не хотим снова совершать намеренных ошибок?

Наверное, отдавать ей пистолет сейчас равно самоубийству.

Уилл закусил язык и вытащил из кожаной сумки полотняный мешочек.

— Прикупил тебе. Еще не закончил с ним, но чем скорее ты научишься его использовать, тем лучше.

— Что это?

Он открыл мешочек. Пистолет блеснул на грубой тряпке. Перламутровая инкрустация преломляла слабый солнечный свет на полдюжины радуг.

— Пистолет? Ты даришь мне пистолет? — озадаченно спросила Лена.

Уилл схватил ее за руку и вложил оружие в ладонь.

— Маленький, так шо поместится в сумочку. Стреляла када-нить?

— Не говори глупостей. — Лена округлила глаза. — С чего бы мне уметь пользоваться пистолетом?

— Онория же умеет.

— Ее научил отец, но на меня у него времени не нашлось.

Уилл погладил большим пальцем ее костяшки.

— Почему?

— Мне никогда не хватало мозгов, чтобы понять его работу или хотя бы половину того, что он говорил. Мой отец слыл знаменитым изобретателем. У нас почти не было ничего общего.

— Ты умна и разбираешься в часовых механизмах.

— Бесполезное хобби. — Лена опустила пистолет. — Его бы это не впечатлило. Он бы сам справился, причем в два раза быстрее, чем я. Ты не понимаешь.

— Не понимаю? — Уилл понизил голос. — Я вот не умею с ними возиться, хоть видал, как ты игралась на ковре с кусочками, собирая их, точно мозаику. А я в этом не секу.

— Да, но у тебя есть другие таланты. — Лена даже не сознавала, что он все еще гладит ее руку. — Ты сильный и ничего не боишься. Ты мог бы убить человека голыми руками. — Что-то мрачное появилось в ее взгляде. Эти тени приводили Уилла в бешенство. — Ты мог бы убить голубокровного. Знаешь, я ведь тебе завидую.

— С энтим ты мож быть сильной и бесстрашной.

Лена успокоилась и посмотрела на пистолет, явно видя его в новом свете.

— Думаешь, я смогу убить им голубокровного?

Уилл попытался не обращать внимания на то, как ее слова скребут по нервам.

— Когда я с ним закончу. Переделаю его, как твой отец оружие Онории. Она научила меня варганить те пули. Видал, как они сносят голову голубокровного. Взрывается, точно гнилая дыня.

Лена поежилась:

— Наверное, ужасное зрелище.

— Тебе над выстрелить тока раз.

Странный свет зажегся в ее глазах. Она несомненно представляла, как голова Колчестера разлетается, как рассеивается дым из пистолета.

— Научи меня.

Уилл осмотрел двор. Кирпичные стены поднимались почти на три метра. Кошак — огромный потрепанный кот, считавший Блейда своим слугой — прошел по верху, глядя на них уродливым зеленым глазом.

По кладке и железным воротам в завитушках стелился плющ. Маленькие горшки с травами и цветами придавали уюта — Эсме пыталась превратить Логово в некое подобие

дома.

Уилл перекатил винную бочку к дальней стене, затем достал одну из пустых молочных бутылок, которые собирала Эсме.

— Вот, мы попробуем с этим, — сказал он, ставя емкость на бочку.

— А разве мы не всполошим окружающих?

— В труппах? — Уилл выгнул бровь. — Стоит им слышать выстрел в Логове, они быстро бросятся наутек, подальше от заварушки.

Лена направила пистолет куда-то на бочку.

— С чего начнем?

— С пуль. — Уилл был не в силах оторвать от нее взгляд. *«Я вызвал улыбку на ее лице. Прогнал тени»*. Сунув руку в карман, он выудил несколько пуль. — И механизма пистолета.

Дикий свет в ее глазах ослеплял. Уилл положил пулю на протянутую ладонь. Лена не замечала его учащенного дыхания, глядя на пистолет, будто задумавшись, что с ним делать. Он никогда не видел ее такой, разве что вчера в спальне. Такой живой, такой страстной, полной радости.

Бесстрашной.

Хотелось, чтобы она всегда так светилась. Колчестер угрожал лишить ее радости, но Уилл не позволит. Прежде убьет.

Лена почувствовала его взгляд и подняла голову. Сияние слегка потухло.

— Что такое?

Она его не простила. Возможно, никогда не простит. Уилл втянул воздух и указал на пистолет:

— Ты его неправильно держишь. Дай покажу.

Он защитит ее или научит защищаться.

От Колчестера.

От мира.

От себя самого.

Онория подобрала юбки и устроилась на коленях Блейда. Тот откинулся в кресле, понимающе глядя на нее и улыбаясь.

— Че ты задумала?

— Ничего, — невинно ответила Онор, играя с его воротником, поглаживая шелковую рубашку и грубый бархатный сюртук.

Блейд так и не изменил любви к кричащим материям, несмотря на все попытки на него повлиять. И Онории это даже нравилось. Раньше, увидев расшитый красный сюртук, она скидывала бровь, не веря, что кто-то может носить подобное, но теперь он стал ей таким же привычным, как и лицо мужа.

Прикосновение бархата и грубых ниток вышивки к ее коже... Онор это даже доставляло удовольствие.

— Неужто? — протянул Блейд, притягивая ее за руку. — Я знаю, когда твой дьявольский умишко на чем-то заикливается. Прямо слышу, как шестеренки...

Тишину разорвал взрыв.

Когда Блейд бросился к окну, Онория упала в кресло, задев ногой чайный сервиз. Чашка

упала и разбилась.

— Что такое? — воскликнула Онор. Осколки фарфора хрустели под ногами. — На нас напали?

Блейд отдернул занавеску, уже готовясь выхватить одно из спрятанных в ремне лезвий. Затем наклонился к стеклу, нахмурившись еще сильнее.

— Хренов ад!

Раздался еще выстрел. Подскочив, Онирия ринулась к мужу, но, заметив, что он расслабился, тоже слегка успокоилась. Если Блейд не волнуется, значит и ей не стоит. Она полностью доверяла его инстинктам.

— Что? — Онор встала на цыпочки, пытаясь что-нибудь рассмотреть.

Немного округлившаяся талия мешала перегнуться через подоконник. «*Наверное, слишком много лепешек съела в последнее время*». После того, как Онор месяцами голодала, пытаясь содержать Лену с Чарли, Блейд решил ее откормить — и успешно. Когда-то отчаяние почти довело ее до мысли продать кровь Осушителям, и ему это жутко не нравилось.

С веселой улыбкой Блейд смотрел на двор внизу.

— Твоя сестра пытается убить бутылку из-под молока. Подозреваю, стекляшке ниче не грозит.

Онория прижала лицо к стеклу. Она едва видела сестру из-за широких плеч Уилла. Он сжимал руками ее бедра, показывая правильную стойку. Затем взял за руку и помог прицелиться. Лена совершенно не обращала внимания на бутылку. Все ее чувства были написаны на лице, поднятом к учителю.

— Ой.

Блейд со смехом подхватил Онор в объятия.

— Ну так на чем мы остановились? — Он подошел к креслу и устроил ее на коленях.

Онория совершенно бесстыдно оседлала мужа и глянула в сторону окна:

— Но...

— Нет. — Блейд схватил ее за подбородок и повернул к себе. На мгновение он стал совершенно серьезным. — Ты решила позволить им сойтись. Теперь она старше и разберется с последствиями. Сама же сказала, мол, доверяешь ему.

— А ты? — прямо спросила Онор.

Блейд знал Уилла лучше, чем она.

Муж погладил ее шею тыльной стороной ладони.

— Он никогда намеренно ее не обидит.

— А если обидит? — Онория никогда себе не простит.

— Проехали. — Он посмотрел на нее своими зелеными глазами. — Однажды мы уже пытались их разлучить, и эт была катастрофа. — Блейд глубоко вздохнул. — Милая, знаю, она — твоя сестра. Но я не могу снова потерять Уилла. И так чуть его лишился. Он тока начал оттаивать. За последнюю неделю провел под этой крышей больше времени, чем за весь прошлый месяц.

— Ради ее уроков, — прошептала Онор.

— Ради нее. — Блейд поцеловал жену в щеку. — Не волнуйся так, милая. Уилл — вервувльфен. Он скорей умрет, чем причинит боль той, кого считает своей.

— Так почему ты прежде так сомневался насчет них? Зачем попросил его держаться от нее подальше?

Он снова легонько поцеловал Онорию в губы. Она знала мужа достаточно хорошо, чтобы понять: он пытается ее отвлечь.

— Блейд, — предупредила она, отталкивая его.

— Да так. Слышал одну давнюю историю.

Онор раздраженно зыркнула на мужа, и тот поднял руки, сдаваясь:

— В Скандинавии по закону вервульфенам низзя быть с людьми. Под страхом смерти.

— Это все, что ты знаешь?

Он кивнул.

— Какая странная традиция. Интересно, зачем они приняли такой закон?

— Мож их спросить, ежели хошь.

Она задумалась.

— Так и сделаю.

Его жар просачивался в ее кожу. Судорожно сглотнув, Лена подняла пистолет и невидяще уставилась на мишень. Неужели Уилл думает, что она может сосредоточиться, когда он так близко? Турнюр служил плохим прикрытием, да и корсет не особо защищал от твердого мужского тела. Особенно когда в голове постоянно крутились воспоминания о том, как это тело прижималось к ней вчера вечером.

Он ласкает ртом ее грудь, задевает зубами соски, скользит мозолистыми руками между ее ног и прижимается к влажному лону.

— ...через прицел — вот так... Ага... Легонько положи палец на спусковой механизм... — Теплое дыхание Уилла овеяло ухо.

С тихим стоном Лена нажала на спусковой крючок, и от кирпичной стены поднялось облачко пыли.

— Не переживай, — пробормотал Уилл. — У тебя все получится.

Ей хотелось швырнуть чертову штуковину в молочную бутылку — может хоть так удастся в нее попасть.

Зарывав от раздражения и расстройств, Лена повернулась и сунула пистолет Уиллу:

— С меня достаточно. Мы торчим здесь уже почти час, и я попадаю все хуже и хуже.

— У тебя получится...

Радость от обладания оружием давно померкла из-за присутствия Уилла. Последнее лишь служило напоминанием о прошлой ночи и об «ошибке», как он ее назвал. Лена покраснела, в висках запульсировало.

— Кажется, я вот-вот заболею. И ты все еще не объяснил, почему рассказал Онории о моем письме. Даже не думай, что я об этом забыла.

Взгляд Уилла стал непроницаемым.

— Я сам не шибко разбираюсь в кодах.

— И поэтому привлек мою сестру? Мою невероятно любопытную сестру, которая обожает совать нос в чужие дела?

— У меня не было выбора. — Искорка гнева вспыхнула в его глазах. — Ежели бы ты с самого начала рассказала, во что вляпалась, мне бы не пришлось идти на крайние меры.

— Значит, это я виновата?

У Уилла вырвался сдавленный вздох.

— Я такого не говорил. Просто жалею, что ты мне ниче не сказала. Черт, Лена, я ж пытаюсь помочь. Знаешь, каково это — увидеть то сообщение и понять, что ты влезла в неприятности? И не собираешься говорить, че надо делать? Как те помочь?

— Я никогда не просила тебя о помощи. Сама справлюсь.

«Как-нибудь». Лена скрестила руки на груди, не в силах встретиться с ним взглядом. Она сказала ему все, что могла.

— Мне плевать, просила ты о чертовой помощи или нет, — ты ее получишь. — С мрачной решимостью Уилл крепко сжал ее плечи. — Не важно, куда ты пойдешь — я буду за тобой присматривать и никого и близко к тебе не подпущу. Ни Колчестера, ни гуманистов, ни Ночных ястребов.

— Тогда почему ты так хочешь научить меня пользоваться пистолетом?

Его глаза на миг блеснули янтарно-бронзовым светом.

— Ежели помру, то не смогу тя прикрыть, — сказал Уилл спокойно. — Ты последняя линия обороны, и я не собираюсь оставлять тя безоружной или беспомощной.

Его слова пугали.

— Нет.

Лишь представив, как Уилл лежит на земле, как жизнь покидает его тело, Лена едва не сломалась. Уж этого она точно не хотела. Именно поэтому и пыталась скрыть от него свои тайны. В отчаянии, Лена вцепилась в рукава рубашки вервульфена. К черту намерение держать сегодня дистанцию — он говорил о своей смерти.

— Жаль, что я вообще тебе хоть что-то сказала.

Нужно было и дальше врать, держать его в неведении. Но прошлой ночью она дала слабину, проболтавшись о первой встрече с Колчестером. Объятия Уилла приводили в смятение. Лена никогда и ни с кем не могла обсудить нападение или признаться, как же ей от этого больно. Просто затолкала ощущения глубоко внутрь и притворилась, что все нормально.

— Слишком поздно.

Слишком поздно... Возможно. Лена покачала головой. Она должна найти какой-то способ предотвратить несчастье.

— Если ты собираешься вмешаться...

Уилл сверкнул глазами.

— Нету никаких «если».

— Если, — повторила Лена, — я позволю тебе вмешаться, ты сделаешь это по моей команде. Серьезно, Уилл. Или мы работаем вместе под моим руководством, или я разрываю всяческое общение и останавливаю это безумие. И ты ни словом не обмолвишься ни Онории, ни Блейду. Не хочу больше никого в это втягивать — достаточно того, что ты оказался замешан. Не хочу ничьей крови на своих руках.

Уилл поскреб щетину на подбородке. Казалось, у него всегда была легкая поросль на лице не зависимо от того, как часто он брился.

— В смысле — работаем под твоим руководством?

Лена прерывисто выдохнула — она не была уверена, что Уилл согласится.

— Я принимаю решения. Никакого самоуправства с твоей стороны, пока я не дала добро. — *«Иначе точно верная смерть»*. — Мне нужно выяснить намерения гуманистов. Я не совсем понимала последствия того, что затеяла. Черт, Уилл, я была так зла! Не расспросила поподробнее. Думаю, вообще не хотела глубоко копать. А теперь я во что-то замешана, и даже не знаю, во что именно. — Она глубоко вздохнула. — Мне нужно сперва во всем разобраться. Я знаю, за что они борются — отмена налогов на кровь, равноправие и право голоса. Просто не уверена, какими методами они собираются этого добиваться.

Уилл изогнул брови:

— Сжигая слизаводы, они ниче не добьются.

«Срывающая мирные переговоры — тоже».

— Ну, мистер Мандевиль, кажется, уверен, что это была своего рода группа радикалов, отмежевавшаяся от гуманистов. — Лена ненадолго замолчала. Так кто же ей угрожал? Настоящий гуманист или кто-то из повстанцев? — Договорились?

— Ага, — наконец кивнул Уилл. — Ток при одном условии.

— Каком?

— Я позволю те всем заправлять. Но если ситуация станет скверной или опасной, ты

закроешь свой симпатичный ротик и бушь слушать меня. — Лена только собралась возразить, но он прижал указательный палец к ее губам, остановив на полуслове, и твердо сказал: — Нет. Не спорь. При малейшей опасности я буду за главного. Уяснила?

Палец овеяло ее теплое дыхание. Уилл прикрыл глаза, будто почувствовал его не только на пальце, но и в других местах, и вдруг Лена ощутила то же самое. От прилившего жара внутренности скрутило в узел, и она поежилась. Внезапно перспектива связаться с вервильфеном и позволить следовать за собой по пятам, представилась настоящей агонией.

И необходимостью.

Отступив подальше от его рук — коварных, заманчивых рук — Лена разгладила юбки. Простое действие помогло выкинуть эмоции из головы и, скорее всего, убрать их с лица. Выбора не было. Если отказаться, Уилл найдет другой способ помешать. Так Лена, по крайней мере, будет контролировать ситуацию. Большую часть времени.

— Упрямый как баран, — пробормотала она. — Хорошо, я согласна.

— Если нарушишь обещание, то пожалеешь, — мягко сказал Уилл.

В груди поднялось возмущение.

— Уже жалею.

Спустя три изнурительных часа Уилл посадил ее в паровой экипаж, в котором она прибыла. Лена устроилась на плюшевом бархатном сидении, едва замечая, как оно вибрирует от двигателя.

Потоптавшись возле экипажа, Уилл окинул быстрым взглядом темнеющие улицы.

— Вот, держи, — сказал он, вытаскивая из жилета маленький бумажный сверток. — Я купил не тока пистолет.

Лена уставилась на коробку, которую держала в затянутых в перчатки руках. Уилл вытер ладони о брюки и сунул их глубоко в карманы, из-за чего ткань на бедрах натянулась еще сильнее — а Лена попыталась это проигнорировать.

— Что это? — спросила она, тряся коробкой.

— Открой.

Потянув за коричневую тесьму, которой был перевязан пакет, она не могла не отметить, как Уилл внезапно напрягся. Он прислонился к экипажу, опершись на открытую дверь, и наблюдал, как Лена теревит тесьму. Мелькнула было мысль потянуть момент, понаблюдать, как растет его неловкость, но какой смысл? Она играла с ним в игры, будучи юной и глупой.

Разорвав бумагу, Лена обнаружила внутри красную бархатную коробочку с вытисненной на ткани золотой короной. Как любая юная леди, Лена точно знала, откуда это прибыло.

— Уилл? Я же сказала, что не принимаю личные вещи.

Он накрыл своими теплыми ладонями ее руки, заставляя открыть футляр:

— Тада считай ее просто полезной.

Последний слабый луч солнца блеснул в кроваво-красном рубине. Лена почти захлопнула коробочку. Почти.

— Я никогда не спрашивала, чем ты занимался у ювелира. — Она покачала головой. — Я не могу это принять — слишком дорого и красиво.

Уилл извлек украшение — простой золотой ободок. Филигранные шипы, обернутые

вокруг рубина, держали камень на месте.

— Вишь здесь? — Он щелкнул по одному из шипов, и тот выпрыгнул, удивительно острый.

Лена протянулась, чтобы попробовать его пальцем, но Уилл перехватил ее руку.

— Лена, эт кольцо с ядом. Я уйму времени убил, пока нашел его у одного ювелира. — Наклонившись ближе, он глянул на извозчика и прошептал Лене на ухо: — В кольце отвар болиголова, который может вывести из строя голубокровного на несколько минут. На скока — зависит от возраста и уровня вируса.

Он дал ей намного больше, чем просто кольцо. Это было еще одно оружие и средство для самообороны. Лена с трудом сглотнула, уставившись на Уилла, пока тот демонстрировал, как работает украшение.

— Оно, наверное, стоило кучу денег.

Он пожал плечами:

— Я много не трачу. И никада не тратил.

— Уилл, я не могу.

Уилл поставил шип на место и вложил кольцо в ее ладонь. На его лице появилось хорошо знакомое упрямое выражение.

— Эт не обсуждается.

— И ты думаешь, что таким образом будешь теперь останавливать споры между нами?

Редкая улыбка смягчила линию его губ.

Лена вздохнула:

— Хорошо, я его возьму. — Затем стянула перчатку и надела украшение на палец. — Спасибо.

— Хоть переживать не буду.

Она посмотрела на грани рубина. Будь Уиллу все равно, он бы не переживал, ведь так? Кровь забурлила при этой мысли. «Нет». Лена сжала кулак, пряча кольцо. «*Не думай, что это что-то большее*».

Проведя рукой по волосам, Уилл оглянулся.

— Насчет прошлой ночи...

— Нет, — отрезала Лена. — Ты довольно ясно выразился насчет того, чем была прошлая ночь.

— Лена, я должен объяснить...

— Не хочу ничего слышать. — Она отвернулась и нервно разгладила юбки. — Я знаю, что выставила себя полной дурой. Это больше не повторится.

— Лена, ты...

— Настоящий джентльмен не стал бы поднимать эту тему, — напомнила она поучительным тоном.

Что угодно, лишь бы не потерять лицо.

Уилл уставился на нее. Его взгляд, которого Лена избегала, ощущался как интимное прикосновение.

— Очень хорошо, — мягко произнес он.

— Мне пора. Уже поздно. К тому же мне еще надо поприсутствовать на том ужине.

— Ты выйдешь в свет?

— Ненадолго. После этого продолжу работать над заказом мистера Мандевиля. Нужно закончить внутренний механизм фигуры. Осталось совсем немножко. Тебе не нужно сегодня

вечером меня проверять — обещаю, что не попаду в передрагу.

Уилл какое-то время подумал над ее словами и, снова сунув руку в карман, достал свисток на тонкой золотой цепочке.

— Носи его, не снимая.

После чего надел свисток на шею Лене и спрятал в корсаж платья, будто и не замечая ее неровное дыхание.

— Ты сама не услышишь, но звук переполошит любого голубокровного поблизости — или меня. — Отстранившись, Уилл закрыл дверь экипажа и кивнул кучеру. — Я загляну к тебе завтра перед...

— ...перед запуском воздушного шара, — напомнила Лена. — В Гайд-парке. Со скандинавами.

— Точно. — Уилл скорчил гримасу. — Мы ж не должны подниматься в воздух, да?

— Тоже боишься высоты?

— Я этого не слышал. — Он отпустил экипаж и отступил, бросив на нее выразительный взгляд. — Лена, чтоб седня вечером никаких неприятностей.

— Разве я могу попасть в неприятности?

— Ты притягиваешь их как чертов магнит.

Рубин. Он купил ей рубин.

Сняв перчатку, Лена вытянула перед собой руку. Она не могла налюбоваться на камень и на то, как свет играл в гранях. Рубин был меньше ногтя на мизинце. Она видела большие по размеру — в Эшелоне, где так любят украшать рабов драгоценностями, чтобы показать статус их владельцев. Но то, что это подарок Уилла, делало камень драгоценнее самого огромного алмаза в мире.

Закрыв глаза, Лена откинула голову на спинку сидения. Что же ей делать? Как удержать свое сердце под замком, когда Уилл так себя ведет? Потому как становилось совершенно очевидно, что чувства к нему все росли.

Промокнув пот на лбу, она вздохнула. В висках так пульсировало, что хорошая чашка чая, настоящего на ивовой коре, была бы очень кстати. Внезапный толчок подбросил Лену на сиденье.

Она ухватила за грузовой ремень и выглянула из окна. Карета остановилась. Возница — один из людей Лео — отлично управлялся с безлошадными паровыми экипажами. Хотя они только выехали за пределы Уайтчепела, дороги были неплохи, и никто не посмел бы напасть на Лену так близко к территории Блейда. Все обитатели трущоб знали, кому принадлежит позолоченный ястреб на экипаже. Блейд объявил Лео, мол, тот может спокойно ездить по его территории. Ослушавшегося слова хозяина трущоб ждала верная смерть.

— Извозчик? — позвала Лена, так как экипаж накренился при остановке. — Генри? — Выглянув в окно, она не увидела обычно едущего сзади лакея. — Что происходит?

Тишина. Невзирая на ранний вечер, улицы были подозрительно пустынные.

И вдруг в тени соседнего переулка засветился яркий голубой глаз. Лена отшатнулась от окна. Одна и без того длинная тень отделилась от остальных и внезапно начала расти, пока не вытянулась почти до двух с половиной метров. Жуткий, голубоватый как газ, цвет ее глаза напоминал металлогвардейца, но Лена никогда не видела таких высоких машин.

Заперев дверь экипажа, она огляделась в поисках чего-нибудь — чего угодно, — чем смогла бы защититься. На глаза попались только несколько несчастных подушек. Пистолет забрал Уилл, полный решимости его улучшить.

Существо вышло из переулка, двигаясь большими, резкими шагами. Это на самом деле оказался металлогвардеец. Наложённые друг на друга пластины груди и живота холодно блестели, а квадратную голову венчал стальной дьявольский шлем. Единственным слабым местом была тонкая полоска пергамина на горле, да еще пара глаз за стеклом. Человеческих глаз.

Подняв свой огромный кулак, робот направил удар в сторону Лены. Она взвизгнула и метнулась прочь как раз в тот момент, когда осколки оконного стекла разлетелись по карете. Лена рывком распахнула другую дверь и в пене желтых юбок выпала на булыжную мостовую.

Что-то запуталось в волосах, и, протянув руку, она нащупала тонкую золотую цепочку, а затем свисток, который Уилл повесил ей на шею. Позади зашипели гидравлические шланги, и экипаж задрожал. Лена сунула свисток в рот и подула.

Не раздалось ни звука. Только скрип металла — экипаж медленно кренился набок,

потому что чудовище пыталось его перевернуть.

Подхватив юбки, Лена поспешила прочь. Экипаж грохнулся на бульжники как раз в том месте, где она только что стояла на коленях. Задыхаясь, Лена вслепую бросилась вперед и врезалась во что-то твердое и теплое.

Кто-то стиснул ее руки. Инстинктивно Лена дернулась назад и вырвалась из цепкой хватки. И тут увидела зловеще ухмыляющееся лицо. Над ней нависал мужчина, одетый только в грубую рабочую куртку и тесные кожаные штаны. На его поясе болтался внушительный арсенал оружия. Лена особо разглядывать не стала, а развернувшись, ринулась обратно.

Повсюду были люди. Нырять под пытавшиеся схватить ее руки, она пробежала через толпу оборванных бандитов и вдруг услышала за спиной:

— Ловлю.

Что-то обернулось вокруг лодыжек, Лена закричала и упала на бульжники, сильно ударившись лицом. Губу пронзила боль, легкие уменьшились вчетверо, и дыхание перехватило. В груди образовался большой, зияющий вакуум; Лена втягивала и втягивала воздух, но ничего не получалось. Наконец легкие расширились, и она сделала большой, хриплый вдох.

Внутренности пронзила боль.

По бульжной мостовой застучали сапоги — кто-то приближался.

— Мендичи, поспеши, — раздался мальчишеский голос. — Мы не можем вечно держать улицы перекрытыми.

— Джереми, да кто ж тут будет жаловаться? — засмеялся великан. — Только не в этой дыре.

Взгляд Лены упал на свисток, лежащий перед нею на земле. Она попыталась его схватить, но тут, откуда ни возмись, появился ботинок и раздавил вещицу каблуком.

— Вы только поглядите на эту маленькую кокетку.

Лена попыталась подняться четвереньки, но веревка с грузами так стянула лодыжки, что все попытки не принесли результата. Позади лязгнул металлический сапог, и зашипела гидравлика.

— Роллинс, — обратился к кому-то великан, — забирай ее и валим отсюда.

— Чо она собиралась делать с тем свистком? — В поле зрения появился молодой парень с грязными щеками и нервно бегающими глазами. — Он же не звучит. На кой те нерабочий свисток?

Слизнув кровь с разбитой губы, Лена выдавила улыбку. В голове так стучало, что она еле могла видеть.

— Теперь вам не поздоровится.

Металлогвардеец склонился к ней и схватил за талию огромной рукой:

— Поймал!

Затем выпрямился, и Лена мельком увидела человека внутри металлических доспехов.

— Не поздоровится? — переспросил Мендичи. — А кто ж нас найдет? Мож, сам Дьявол?

Несколько мужчин засмеялись.

— Мы знаем, как разобратсья с кровососами!

— Пырнуть их заточкой, пропитанной в болиголове!

— Или врубить крикуна!

— Натравить на них Роллинса и Перси!

И вновь все загоготали.

По спине пробежал холодок. Казалось, эти бродяги не представляют собой большой опасности, тем не менее они прямо смаковали саму идею и демонстрировали хорошую подготовку. Услышь Уилл свисток, попал бы точно в засаду. Как же Лена теперь жалела, что подала сигнал!

— Ладно, ребята. — Мендичи подмигнул ей. — Давайте отведем ее к хозяину.

Уилл сидел за кухонным столом и наблюдал, как Эсме помешивает тушеное мясо. От запаха бежали слюнки. Только здесь Уилл чувствовал себя как дома — все эти годы он часами подремывал в углу, пока Эсме занималась своими делами.

Когда она стала трэлью Блейда, Уилл решил, что это не к добру. Прежде в Логове жили одни мужчины, и он мало общался с женщинами, памятуя, как родная мать продала его Тому Старрету.

Эсме же оплакивала смерть мужа и только из крайней нужды приняла защиту Блейда. Именно экономка научила Уилла читать, именно она кормила его, когда он стал сильно прибавлять в росте. И она же перевязывала раны, когда первые набеги в трущобы заканчивались драками — драками, на которые Уилл сам нарывался.

Он мало что помнил о собственной матери, но Эсме вполне ее заменяла.

— Итак. — Экономка постучала деревянной ложкой по краю горшка и повернулась к Уиллу: — Что происходит у вас с Леной?

Не стоило удивляться этому вопросу. Так как четверо из обитателей Логова обладали сверхъестественным слухом, тайн здесь не существовало. Но он не припоминал, чтобы хоть словом обмолвился о них с Леной и дал повод для сплетен.

— Ты об чем?

— Уильям Карвер, давай только не будем делать вид, что я бестолковая. Или слепая. Ты же не хочешь меня обидеть, правда?

— Да ниче между нами нет. И так все и останется.

Не сводя с него испытующего взгляда, Эсме вытерла руки о передник, подошла, села рядом и накрыла руку Уилла теплой ладонью.

— Почему? Ты же явно неровно к ней дышишь.

Он хмуро уставился на поцарапанную кухонную скамью.

— Эсме, я не могу.

— Знаешь, Джон чувствовал то же самое, — прошептала она, и зеленые глаза наполнились сочувствием. — Боялся сделать мне больно. Боялся, что рядом со мной не сможет себя контролировать. Мы не торопились, и у нас все получилось.

Уилл почесал затылок.

— Не все так просто.

— Да неужели?

— Вирус жажды передается тока через кровь. А волчий — через кровь, семя...

Во взгляде Эсме мелькнуло понимание.

— Я никогда с ней не буду, — проворчал Уилл. — Не могу подвергать ее жизнь такой опасности. Еще неизвестно, пережила бы она само заражение.

— О, Уилл...

Дверь со стуком распахнулась, и он толкнул Эсме себе за спину и прижал к стене. Ворвавшийся в помещение Рип сердито уставился на парочку, глаза его угрожающе потемнели, и Уилл резко отдернул руки от чужой жены. Ему не одолеть голубокровного — оба это понимали. Но прямо сейчас Рип вряд ли что-то соображал — одержимый своими демонами, он видел лишь, что другой мужчина прикасается к его женщине.

— Я просто ее защищаю, Рип.

— Джон, что случилось? — спросила Эсме.

— Услыхал свист. — Рип смерил их пристальным взглядом. — Где Блейд? Все на месте?

По затылку Уилла пробежал холодок.

— Где ты его слышал? Када?

— За стеной. Возле Олд Касл-стрит. Мож, минут десять назад.

По пути к Олдгейту.

Лена. От внезапно накатившей волны жара в голове помутилось. Даже не успев осознать, что делает, Уилл схватил со скамьи полуперчатки с лезвиями и охотничий нож.

— Кто это? — Голос Рипа доносился как сквозь вату.

Эсме сжала руку Уилла:

— Это Лена, да?

В следующую секунду он уже поднимался по водосточным трубам Логова. Крыши растянулись перед ним лабиринтом ветхих зданий и пристроек. Уилл побежал по ним к стене, которая окружала Уайтчепел.

Возведенная пятьдесят лет назад, в то время, когда Блейд только пришел в Логово, она достигала почти шесть метров в высоту. Скорее символ, чем надежное строение, ее соорудили из того, что было под рукой — лишь бы не пустить Эшелон.

Перемахнув через стену, Уилл приземлился по другую сторону на расположенную достаточно низко крышу. Еще прыжок — и он на улице.

Едва заметив вервульфена, прохожие бросились врассыпную, он же добрался до Олд Касл-стрит и вдруг увидел сгрудившихся вокруг чего-то зевак. Сверкнуло золото, и сердце затрепыхалось в горле. Уилл протиснулся сквозь толпу, игнорируя крики, и ошеломленно застыл у кареты Кейна — та валялась на боку, а осколки стекла разлетелись по бульжной мостовой. Некоторые предприимчивые жители уже начали выковыривать золото, а занавесок и след простыл.

Повернувшись, Уилл оглядел зевак, выискивая кого-нибудь знакомого. Билл-кожевник встретился с ним взглядом и вздрогнул. Уилл схватил его за воротник:

— Чо здесь случилось?

— Почем мне знать, — пробормотал Билл. Его дыхание воняло джином, а разноцветные глаза смотрели в разные стороны. — Меня тут не было, и я ниче не видел.

Уилл подтащил его к себе так, что они оказались нос к носу, и позволил пламени — Зверю — на миг зажечься в глазах.

— Ты ж знаешь, что я могу унюхать, када человек врет? Подумай хорошенько, мож, ты все-таки чо-то видел.

— Я не могу, — всхлипнул Билл. — Они мя убьют, если я хоть словом обмолвлюсь.

Уилл сжимал кулак все сильнее, пока жертва не начала задыхаться.

— Думаешь, я этого не сделаю?

Билл испуганно вцепился в свой воротник:

— С ними... был монстр... огнедышащий монстр! Я не могу. Он зажарит меня... как бараний окорок! Лучше уж ты, чем они!

— Они забрали с собой молодую женщину, да? Она моя, Билл. Моя женщина. И они ее забрали. — Уилл усилием воли разжал кулак и бросил кожевника на булыжную мостовую.

Как же трудно противиться желанию убить. В висках пульсировало, а зрение на миг затуманилось. Звуки и движения выхватывались сознанием какими-то картинками, мир стал расплывчатым. Билл отполз прочь.

Кто-то схватил Уилла за запястье, но тот едва это почувствовал. Затем с рычанием развернулся и увидел, что на него смотрит молодой парень с белым как мел лицом.

— Не тронь меня. Они пошли туда. — Незнакомец указал на ближайший переулок, который упирался в кирпичную стену, и заколоченный вход в тоннель, где виднелся старый заброшенный блок аварийного освещения.

Окружающий мир снова заиграл красками, и Уилл сосредоточил все свое внимание на забитом тоннеле. Ну конечно!

— Нижний город.

Как только с глаз сорвали повязку, Лена требовательно спросила:

— Куда вы меня ведете?

Ослепленная яркими бликами фонарей в руках похитителей, она с трудом осмотрелась вокруг. Несмотря на прохладный воздух, волосы взмокли от пота, а голова была словно набита ватой.

В туннеле воняло плесенью и спертым воздухом. Мужчины двигались тихо и уверенно, явно хорошо зная путь.

Внутренности сковал страх. Ходили слухи, что по заброшенной Восточной Линии до сих пор бродят привидения рабочих, которые погибли, когда часть старых подземных туннелей рухнула. Кто-то умер сразу, а кто-то оказался в ловушке, брошенный медленно задыхаться и умирать от голода во тьме. Транспортная компания влезла в долги и отказалась от разработок, и никто больше этим не занимался. Постепенно, год за годом, туннели заполнялись теми, кому хватило смелости жить под землей, когда в трущобах стало слишком тесно.

Некоторые прятались от Эшелона или Ночных ястребов, другим же просто не хватало денег даже на лачугу там, наверху. Лена могла только представить, как это ужасно, жить здесь, среди мнимых привидений и вполне реальных Тесаков — тех, что привязывают тебя к каталке, осушают до капли и продают твою кровь на сливзаводы.

Три года назад здесь попиrowал вампир, купаясь в крови всех и каждого, а после вновь воцарилась тишина, и появилось еще больше призраков. Блейд уничтожил вампира собственноручно, но мрачные туннели все равно пугали.

— Кто вы?

Тот, кого называли Мендичи, махнул рукой в сторону Лены:

— Заткни ее.

Затем ударил факелом по ноге, и яркий фосфоресцентный свет прогнал тьму. Подняв факел повыше, Мендичи осторожно шагнул вперед, к краю железнодорожных путей. Туннель упирался в огромную пещеру, железные колеи обрывались в пустоту. Мендичи пнул камень в пропасть, и Лена, затаив дыхание, напряженно прислушалась, ожидая, когда же он достигнет дна.

Наконец раздался приглушенный шлепок. Вода. Внизу была вода.

И вдруг из глубин колодца донесся дикий грохот. Лена почувствовала, как стремительно бледнеет.

— Что это? — Капелька пота стекла по ее шее вниз, в корсет.

— Привратник, — пробормотал стоящий рядом мальчишка. — Все, молчи. В темноте полно других опасностей. Ты ж не хошь их разбудить, правда?

Лена взглянула на его бледное испуганное лицо и покачала головой.

Стальной трос тянулся во тьму. Вручив светящуюся палку одному из своих людей, Мендичи достал из кармана какой-то металлический прут с крюком на конце, щелкнул им, выдвигая ручки, затем зацепил за трос и крепко зафиксировал.

Осознав намерения похитителя, Лена снова глянула в бездонную, зияющую пропасть. Ни за что. Ни за что на свете она не полетит над этой черной дырой и тем, что в ней скрывается.

Мендичи щелкнул пальцами, подавая ей знак.

Лена отрицательно замотала головой, но двое его приспешников схватили ее под руки и потащили вперед. Затем бесцеремонно толкнули в объятия грузного гиганта, который обхватил ее вокруг бедер.

— Роллинс, — окликнул Мендичи. — Те лучше вернуться назад. Я не смогу перенести Перси. Забери его домой и смажь. Или чо ты там делаешь с этой чертовой штукой.

Газовый глаз машины вспыхнул. Затем робот развернулся, и вскоре по туннелю эхом загремели лязгающие шаги.

— Готова к поездке всей твоей жизни, милашка? — ухмыльнулся Мендичи.

— Нет. Не готова. Я не хочу.

Он схватил в кулак ее юбки и толкнул к пропасти. Лена закричала, цепляясь за его запястье. Носки ее туфелек едва не срывались с края обрыва, мелкая галька шуршала под ногами.

— Те выбирать. Мож переплыть, а мож воспользоваться моим предложением.

Лена снова посмотрела на трос и крюк с ручками.

— Ладно. — Она облизнула пересохшие губы. — Я согласна.

Мендичи снова притянул ее к себе.

— Ну тада держись крепче, если не хошь соскользнуть. — Мерзко хохотнув, он еще крепче сжал Лену.

Даже через корсет она ощущала твердые мускулы и неохотно обняла его за шею. Мендичи взял свою светящуюся палку, зажал между зубами и схватился за ручки.

— Готова?

— Нет.

С очередным смешком он прыгнул в зияющую пустоту.

Лена закричала, спрятав лицо на плече бандита, пока они мчались к противоположной стене пещеры. В ушах звенело от ветра, остужавшего покрасневшие щеки и трепавшего юбку вокруг ног. Казалось, прошла вечность, но уже через несколько мгновений Мендичи подобрался и с небольшим толчком приземлился на скалистом выступе.

— Лады, парни. Мы добрались, — крикнул он.

Лена, дрожа всем телом, упала на четвереньки. Ее мутило, а мир вокруг по-прежнему бешено вращался.

— Соберись, милашка. Все в порядке. Пока. — Мендичи снял крюк, задвинул обратно ручки и спрятал приспособление. Затем резко поставил Лену на ноги и окинул внимательным взглядом. — Мда, а ты погано выглядишь.

— Я себя неважно чувствую.

Он схватил ее за подбородок и потрогал щеки тыльной стороной ладони.

— Иисусе, да ты горишь!

— У меня все утро болела голова, — призналась Лена. — И, по-моему, меня знобит.

Факел осветила похитителя жутким зеленым светом, подчеркнув темный блеск здорового глаза и сталь глазной повязки. По живому глазу было видно, что Мендичи над чем-то задумался.

— Лады, тока держись подальше от моих парней. Не хватало еще заразу какую подхватить.

Сияя от радости из темноты появился мальчишка, Джереми. Приземлился, слегка пошатываясь, и отцепил свою рукоятку.

— Я все, ребята!

Один за другим они выплывали из ниоткуда, пока на том краю не осталось лишь двое. Беспokoйно расхаживая у края выступа, Мендичи достал карманные часы и сверил время. Лена оперлась на стену, слишком уставшая, чтобы что-то предпринять. Не было смысла пытаться сбежать. Они догонят ее в два счета, а идея заблудиться здесь приводила в ужас. Кто знал, что еще водится во мраке кроме Привратника?

Страшный рев эхом разнесся по туннелям. Мендичи резко развернулся и прищурился, вглядываясь в темноту.

— Что это? — спросил парнишка. — Мендичи?

Тот поднял руку, призывая к тишине. Новый рев сотряс стены. Оглядываясь через плечо, двое мужчин на противоположной стороне подбежали, чтобы зацепить свои крюки. Впереди мерцали и затухали оранжевые вспышки.

— Роллинс. — Мендичи хмыкнул и мрачно взглянул на Лену. — Сдается мне, твои дружки решили присоединиться и поиграть на нашей территории. Надеюсь, они тебе не сильно нравились.

Тяжело опираясь на стену, Лена выпрямилась. «Уилл». Источник звуков вдруг стал очевиден.

— Я бы на твоём месте не была столь уверена, — произнесла она, прожигая Мендичи взглядом.

«Пожалуйста, пусть с тобой все будет в порядке. Пожалуйста, уцелей».

Воцарилась тишина. Мужчины на той стороне медленно обернулись. Один из них с облегчением улыбнулся.

А другой в тот же миг замер. Затем что-то прокричал и прыгнул, отчаянно цепляясь за трос. Тело бандита выгнулось дугой, пока он летел сквозь тьму. Через секунду к нему присоединился подельник, бросив свою факельную палку на краю выступа.

Лена задержала дыхание. Мог ли Уилл действительно вступить в схватку с монстроподобным Перси и выжить? Греческий огонь прожигал все, что угодно, а она заметила ствол огнемета, прикрепленный к механической руке Перси.

Из пасти туннеля медленно отделилась тень, принимая очертания знакомого широкоплечего мужчины. Лена судорожно выдохнула. Жив, он был жив.

Уилл подошел к выступу, фосфоресцентные блики озарили его пропаленную рубашку. Игра света и тени резко выделила острые черты лица. Он что-то держал в руке. Затем поднял вверх квадратную голову Перси.

Мендичи шумно вздохнул:

— Приведите мне девчонку.

Кто-то толкнул Лену к нему. Он схватил ее за волосы и, протаскив вперед, поставил на край пропасти. Лена замерла, вглядываясь в темноту. На лице Уилла, тоже шагнувшего навстречу, отражались ярость и разочарование. Их разделяли всего пятнадцать метров, но казалось, будто целая миля.

— Хошь ее? — прорычал Мендичи. — Тада приди и возьми.

Лена заметила его мерзкую усмешку.

— Нет! Не надо, Уилл! Я в порядке...

Грубая мужская ладонь зажала ей рот, оборвав на полуслове.

С мрачным выражением решимости на лице Уилл схватился за трос голыми руками. «*Черт бы его побрал*». Почему он не послушал ее? Сердце застучало в груди отбойным

молотком. Если с Уиллом что-то случится, Лена себе никогда не простит.

— Готов, Лоуэрстон? — спросил Мендичи, наблюдая как Уилл медленно, но уверенно приближается.

— Держу на мушке, — пробормотал кто-то сзади.

Краем глаза она заметила сбоку что-то тонкое, трубчатой формы. Мендичи убрал ладонь, и Лена повернула голову. В нескольких шагах позади нее один из бандитов смотрел в прицел винтовки.

Лена даже не раздумывала. Ей бы не удалось добраться до стрелка вовремя, потому, выждав, пока он начнет нажимать на спусковой крючок, она встала прямо под дуло винтовки.

Ругнувшись, мужчина резко дернул ствол вверх. Под потолком оглушительно загрохотало. Едва попав в камень, пуля взорвалась, искры каскадом посыпались сверху, словно фейерверк. Десятки потревоженных летучих мышей с визгом вылетели из темноты, а потом снова воцарилась тишина, нарушаемая разве что легким плеском воды где-то далеко внизу.

С трудом дыша, Лена перевела взгляд на мужчину с ружьем. Что она только что натворила, черт возьми? Если бы эта пуля попала в нее... от Лены остались бы лишь куски плоти и внутренностей, разбросанные по выступу.

— Ты ненормальная? — заорал Мендичи, дернув ее в сторону и хорошенько встряхнув.

Лену накрыло ледяной волной страха.

— Нет, — отчеканила она.

Колени подогнулись, и Мендичи позволил ей осесть на землю.

— Перезаряжай! — рявкнул он стрелку и перевел взгляд на Уилла, оценивая дистанцию. — Черт!

Лоуэрстон трясущимися пальцами пытался нащупать пули. У Мендичи от ярости уже раздувались ноздри.

— Похож, придется все делать самому.

Достав из кармана какой-то маленький металлический цилиндр, он высоко поднял его на вытянутой руке. А когда нажал на кнопку сверху, Лена приготовилась услышать взрыв.

Ничего не произошло.

Но Уилл вдруг дернулся, словно от боли, и повис на одной руке. Другой же зажал лицо и уши и затрясся всем телом. Он так стискивал трос, что побелели костяшки пальцев.

— Давай, ублюдок, — пробормотал Мендичи. Здоровый глаз блестел от предвкушения.

— Долго не продержится, — тихо вставил мальчишка. — Никто раньше не выдерживал крикуна.

Уилл медленно выпрямился. Его глаза пылали диким огнем. Сцепив зубы, он потянулся второй рукой к тросу — каждое движение размеренное и точное, как будто ему стоило больших усилий заставить свое тело работать должным образом.

— Давай же, — беззвучно прошептала Лена, сжав кулачки. Всего пять метров осталось.

— Чтоб тебя, — с едва заметным восторгом произнес Лоуэрстон. — Он справляется.

— Ненадолго, — забрав у одного из подельников топор, прорычал Мендичи.

Крепко сжимая деревянную рукоятку, он пошел к краю выступа. Не то чтобы топор чем-то помог бы против разъяренного вервульфена.

— Пора повидаться с Привратником.

Мендичи замахнулся, но не на тяжелый железный трос, как ждала Лена, а на

деревянный ролик, который крепился к стене, удерживая кабель.

Деревянные щепки разлетелись по полу, скатываясь в зияющую темную пасть.

— Нет! — закричала Лена.

Белая рубашка Уилла напомнила призрачный саван, когда он устремился в бездонную пустоту. Ударившись о противоположную стену обрыва, верфюльфен съехал по кабелю вниз на несколько метров. А потом вздрогнул всем телом и сорвался в непроглядную тьму пропасти.

Через пару секунд, показавшихся вечностью, Лена услышала всплеск воды и дикие голодные звуки, издаваемые тем, что скрывалось в этой тьме.

Уилл с рычанием выбрался из воды, сжимая в перепачканных маслом и кровью руках стальное щупальце. В ушах все еще звенело, а судя по боли в щеке, что-то сломано. В груди бурлила ярость вкупе с усталостью после изнурительного боя, но Уилл не обращал на них внимания.

Неизвестная чертова штуковина оказалась ужасной. Не успел он шлепнуться в воду, как эта гадость напала, молотя стальными конечностями, пытаясь его достать.

Схватка помнилась мутно — как всегда лишь какие-то сцены и звуки. Зияющая глотка, которая засасывала воду, чтобы наполнить паровую утробу, бритвенно-острые зубы. Как Уилл ударил кулаком по тонкой стальной обшивке тела. Как оторвал щупальце, пользуясь слабостью заслонок.

Распространенная — и фатальная — ошибка всех изобретателей при создании металлических монстров и машин. Ахиллесова пята металлогвардейцев — шарниры на коленях и руках; у стального кальмара — место присоединения щупальцев к телу. Оторви их, и останется лишь поврежденная оболочка, что неуклюже барахтается, будто черепаха на спине.

Однако за победу Уиллу пришлось заплатить немалую цену.

Он зашатался, оперся о сталактит и прижал ладонь к боку. Пальцы заляпала липкая кровь, стекающая из раны, оставленной железными зубами. Все мышцы тела пульсировали от боли, вызванной падением, ведь водная гладь с такой высоты оказалась твердой как булыжники.

Хотелось рухнуть на землю и проспать, пока вирус латает раны. Смертельная слабость вервильфенов. В ярости они неустойчивы, так как не ощущают ран и боли, однако стоит адреналину схлынуть — падают как подкошенные.

Уилл вытер кровь с глаз и, пошатываясь, пошел вперед. Спать пока нельзя. Там Лена. Он слышал ее крик, когда летел в воду. Крик, полный разрывающей сердце горечи от потери.

Кто бы ее ни похитил — а Уилл уже примерно вычислил, кто это может быть, — они еще пожалеют, что осмелились дотронуться до его женщины.

Они шли по протоптанным туннелям.

Лена ничего не видела.

Мужчины разговаривали и смеялись, хлопая Мендичи по спине, будто героя.

Она ничего не слышала.

Лена пребывала в мире приглушенных цветов и звуков, снова и снова видя, как Уилл падает в мрачную бездну.

Он не мог выжить. Или все-таки выжил? К горлу подступила тошнота, от тяжести в груди дышать становилось все труднее. «*О боже, что я наделала?*» Свистнула в чертов свисток, опасаясь за свою жизнь, зная, что Уилл придет и спасет. Но этого не случилось. Он не был непобедимым. Как бы быстро вервильфен ни исцелялся, какой бы силой ни обладал, он состоял из плоти и костей, как и Лена.

«*Я всегда приду за тобой*». Но на сей раз она осталась одна, а Уилл... пропал. Нельзя

думать о другом варианте, или Лена сломается, став слепой и дрожащей тряпкой, погрязшей в собственном горе. Ей надо пережить грядущее, а потом найти Уилла, узнать...

Она отбросила эту мысль и подняла голову, пытаясь сосредоточиться. Впереди замаячил свет. В тени виднелась тяжелая железная дверь, охраняемая мужчиной в металлической перчатке с тяжелыми пластинами у локтя.

Работа механоидов.

Холод пробирал до костей, но Лена взирала на все отстраненно. Чтобы выдержать, она закрыла ту часть души, что кричала от горя, и заставила себя думать логически. Изучать, осознавать, искать слабость...

«Механоиды». Слово набатом повторялось в сознании. «Механоиды». Отправленные в анклав и вынужденные обрабатывать контракты, чтобы оплатить технологии, сохранившие им жизнь или конечность. Эшелон издал постановление, что они не настоящие люди. С глаз долой — из сердца вон.

— Рад встрече, брат, — сказал охранник, проходя вперед и пожимая руку Мендичи. Затем с любопытством глянул на Лену. — Они внутри и ждут. Хвоста за вами не было?

— Был, — ответил Мендичи. — Привратник, небось, щас остатки из зубов выковыривает.

Еще один удар в сердце. Лена резко вздохнула. Она не могла погрузиться в леденящие воспоминания. Пока нет.

Незнакомец кивнул, разглядывая потрепанных людей.

— Поешьте и выпейте че-нить горячего. Я ее отведу.

— Я с вами, — заявил Мендичи, сунув большие пальцы за ремень. — Мне интересно, в чем дело.

— Он седня не в настроении, — предупредил незнакомец.

— У меня не меньше прав быть там, чем у него. У меня стока же прав, как и у любого свободного человека.

— Вот сам ему и объяснишь. Пойдем, — махнул Лене охранник.

За железной дверью оказалось помещение, от которого расходились остальные туннели. Ящики громоздились до самого потолка. Мерцающий свет свечи озарял лишь небольшой участок. Лена не видела, где начинаются стены, только бесконечный лабиринт ящиков.

Чей-то шепот манил в темноту. Мендичи постучал в другую дверь и опустил взгляд. Не такой уж самоуверенный, как притворялся

Дверь чуть приоткрылась, и показался один серый глаз. Затем щелка закрылась, и послышалось звяканье замка.

— Вы опоздали.

Голос был мягким и мелодичным. Говоривший явно привык одной интонацией добиваться своего. Дверь открылась, и свет на мгновение ослепил Лену.

— Надо было кое об чем позаботиться, — ответил Мендичи, входя в помещение.

Лена уставилась ему в спину. Эти небрежные слова причинили боль. Уилл живое существо. Храбрый, сильный, упрямый. Да Мендичи его мизинца не стоит.

— Это она?

Лену втолкнули в комнату. Глаза медленно привыкли к свету. Внутри стоял огромный стол с двенадцатью стульями и остатками еды. Две сидевшие за ним женщины подняли головы.

Первая перебирала стопку записок заляпанными чернилами руками. Ее теплые глаза

потемнели от любопытства. Обтягивающие мужские брюки и белая рубашка с серым твидовым жилетом подчеркивали соблазнительные изгибы незнакомки. На ее рыжих волосах сидели гогглы, а вместо правой руки была металлическая перчатка, пальцы которой двигались с неожиданной грацией. Золотые карманные часы притягивали взгляд к груди, но вряд ли намеренно.

Еще один механоид.

Другая, с надменной грацией откинувшись в кресле, была одета в черную кожаную куртку, застегнутую на медные пуговицы. Плечи украшали блестящие эполеты, а сапоги облегали мускулистые икры. Она стряхнула пепел своей сигары, изучая Лену кошачьими карими глазами. Затем отвела холодный взгляд и презрительно оскалилась:

— И вы столько сил потратили на эту?

Из тени выступил мужчина и властно опустил руку на плечо нахалки:

— Терпение, Ингрид, так с гостями не поступают.

С таким голосом можно легко завораживать окружающих. Прямо как хозяин балагана.

Плечи незнакомца обтягивала лоскутная куртка. На первый взгляд она казалась потрепанной и жалкой, но Лена не зря столько времени изнывала от скуки за шитьем. С курткой все нормально, а заплатки наставлены намеренно. Грязный галстук виднелся в открытом вороте рубашки, а из обрезанных черных перчаток высовывались загорелые пальцы.

Но не это привлекло внимание Лены. Один глаз мужчины закрывал медный окуляр на кожаном шнурке, а рот — кожаномедная полумаска. На виду оставался лишь пронзительный серый глаз. Волосы незнакомца были того же темно-рыжего оттенка, что и у первой женщины.

— С гостями? — переспросила Лена, стряхивая с себя оцепенение. — Ваше гостеприимство оставляет желать лучшего. Кто вы? Что вам от меня надо?

— Вы же хотели встретиться с Меркурием? — развел руки незнакомец.

У нее перехватило дыхание.

— Меркурий? Вы — Меркурий?

— А вы, моя дорогая мисс Тодд, весьма удивительная штучка. — Мужчина рассеянно поглаживал густые каштановые волосы Ингрид. — Это одна из наших голубок, — прошептал он своей подруге. — Протеже находчивого мистера Мандевиля. Весьма изобретательна. Она воплотит в жизнь наш подарок скандинавскому посольству.

Его поведение, веселое поддразнивание... Лена заскрежетала зубами. Ее похитили, а ведь она пришла бы добровольно, стоило только попросить. Уилл бы сейчас сидел в Логове, ужинал с другими членами ее семьи.

На глаза навернулись слезы. Плевать на похвалу, плевать на все это дело. У Лены осталось лишь горе.

— К чему столько загадок? Ваши люди могли просто попросить меня прийти. Одно упоминание вашего имени — и я бы не сопротивлялась. — Она сердито посмотрела на Мендичи. — Вы уничтожили экипаж моего опекуна, вырубili лакеев, и... навредили моему другу. А теперь считаете, будто я могу испытывать к вам какое-то расположение?

Меркурий замер, его улыбка пропала. Он посмотрел на Мендичи, будто ожидая объяснения.

— Ее опекун — кровосос, — презрительно ответил Мендичи. — Если бы смог, я бы разгромил все его красивые экипажи. А твой так называемый друг, дорогуша, явно не

человек. Иначе не справился бы с Перси и не прошел по тросу так быстро. Я ей не доверяю.

— Однако ожидаете, что я буду доверять вам, — не унималась Лена. — Я больше в этом не участвую. Я думала, что гуманисты хотят равенства. Но нет. Вы хотите перевернуть с ног на голову социальный порядок, поднять Эшелон и голубокровных под себя. Сделать их рабами.

— Убить их! — рявкнул в ответ Мендичи.

— Они не все жестоки. Я знакома с теми, кому доверяю, они настоящие герои. Мой зять — сам Дьявол Уайтчепела и считает своих людей семьей. Мой опекун так же любезен и заботится о своих трэлях...

— Видите? — крикнул Мендичи Меркурию. — Она поддерживает чертовых кровососов! Бьюсь об заклад, еще и спит с ними. Мне кажется, ежели мы найдем тело того мужика, то выяснится, что он на первой стадии жажды. Ему явно пришелся не по нраву крикун...

Лена в ярости повернулась к мерзавцу и стиснула кулаки:

— Уилл не голубокровный, грязная свинья! Будь у тебя хоть половина его смелости...

— Довольно! — рявкнул Меркурий, отошел от стены и бросил мрачный взгляд на Мендичи. — Кажется, я приказал тебе с подручными поесть и лечь спать. Зачем ты здесь?

Мендичи скрестил руки на широкой груди:

— Кой-кто уже задает вопросы о ваших недавних приказах. И о снисходительности к последним пойманным кровососам.

— Ты сомневаешься во мне? — еле слышно прошептал Меркурий.

— Мне и моим людям эт не по нраву. — Мендичи нахмурился и поднял механическую руку. — Вы обещали дать нам отомстить. За адские анклавы. Мы не за просто так рисковали шкурами и теряли друзей, пока вырывались оттуда. Я хочу крови упырей. Хочу увидеть их головы на пиках. — Он указал пальцем на Лену. — Почему она так важна?

— Потому что она может попасть туда, куда нам проход заказан.

Мендичи угрожающе шагнул вперед, опустив руку, а потом поднял ее снова, но уже с пистолетом.

— Поговаривают, ты размяк, Меркурий. Мы тут с парнями перетерли...

Раздался выстрел. Во лбу у Мендичи появилась красная дырка, и он, разинув рот, медленно упал на спину. Звяканье металлических пластин на камзоле ударило по нервам Лены.

Она отшатнулась, врезавшись спиной в стену. В комнате все застыли, а затем обернулись к рыжей, сжимавшей дымящийся пистолет.

Ее заляпанные чернилами руки даже не тряслись, когда она опустила оружие. Поджав губы, стрелявшая приказала Ингрид:

— Избавься от него, и пусть остальные поймут, что мы сделаем с теми, кто поговаривает о мятеже.

Та затушила сигару и вскочила. Лена только сейчас поняла, какая Ингрид высокая. Выше Меркурия с широкими плечами, переходящими в узкую талию. Только изгибы соблазнительных грудей и бедер отличали ее фигуру от мальчишеской.

Ухватив Мендичи за руку, она забросила его себе на плечо с такой же легкостью, как сделал бы это Уилл.

— Ты уверена, Розалинда? Он многим нравился.

Рыжая резко кивнула:

— Нельзя допускать неповиновения. Не сейчас, когда мы так близки. Унеси его. — Затем посмотрела на человека в маске и прошептала: — Оставь нас.

Тот взглянул на Лену.

— Она хочет знать, можно ли нам доверять, — ответила Розалинда на невысказанный вопрос. — Возможно, мы должны первыми продемонстрировать доверие.

Пожав плечами, мужчина в маске пошел к двери.

— Пусть это будет на твоей совести. Пойду помогу Ингрид выяснить, кто там молол языками и как далеко все зашло.

Когда дверь за ними закрылась, Лена повернулась к незнакомке, примерно одного роста и возраста с ней самой. А может, и нет. Бледная кожа Розалинды была кремовой, а вздернутый нос придавал ей задорный вид. Однако говорила она слишком властно для неопытной девчонки.

«Вы же хотели встретиться с Меркурием?»

И только теперь до Лены дошло, что мужчина ни разу прямо себя так не назвал.

— Вы Меркурий?

Розалинда скривила пухлые губки и с завидной ловкостью и быстротой сунула пистолет в кобуру на бедре:

— Я не причиню тебе вреда.

— А кто тот мужчина?

— Мой брат Джек. Он также Меркурий. И Ингрид иногда. За годы у Меркурия сменилось много имен и лиц, так легче прятаться от Эшелона. — Розалинда улыбнулась, указывая на кресло. — Сядь и поговори со мной. Нам интересна ты.

— А мне вы. — Лена оттащила кресло подальше, давая себе больше места для маневра.

Эта красивая молодая женщина с надутыми губами казалась достаточно дружелюбной, но нельзя забывать, как легко она убила человека. И с каким безразличием.

Розалинда вернулась на свое место и, раскинув руки, обхватила спинки соседних стульев. В карих глазах появился холодный расчет.

— Очень немногие знают тайну Меркурия.

— Я буду держать рот на замке.

— Даже если у тебя смешанные чувства по отношению к нашей организации?

Лена на мгновение замолчала.

— Я вас не предаю. Если порву с вами отношения, то уйду и постараюсь забыть обо всем, что видела.

— Уйдешь? — прошептала Розалинда. — Куда? К жизни при дворе? Чтобы умолять голубокровного сжалится над тобой и взять в трэли? Сколько протянет твой контракт, если ты не можешь позволить покровителю кормиться?

Об этом знал только мистер Мандевиль. Предательство ранило железными когтями.

Розалинда взяла стопку бумаг и сунула их Лене.

— Тут все, что нам известно о тебе, сведения тщательно собирались в течение года. Пусть Джек и Ингрид думают, что рискованно делиться с тобой секретами Меркурия, но вряд ли ты осмелишься нас предать.

Первым лежал сделанный углем набросок. Лена уставилась на собственное изображение. Рисунок был чудесный, но лицо несло отпечаток легкого презрения. Красивая черствая кокетка.

Она медленно листала документы, содержащие сведения о ней и ее жизни. О Чарли. Об

Онории. Даже о Блейде и Уилле. На этом все не заканчивалось, жизнь Лены буквально разобрали на винтики. Когда она приходила и уходила из дома Кейна. Вопрос, обведенный красным: «Почему Лео взял ее под свое покровительство?». Ежедневные, на удивление подробные описания их отношений.

«Нет признаков, что она делит с ним постель или кровать. Понять не могу, что их связывает, но я...»

Следующая страница.

«Утром они шутили об Онории, и Лео будто бы прекрасно ее знает. Может, их связь становится глубже?»

И еще ниже.

«Любопытно, что с появления этой девушки герцог Кейн больше не посещал дом Лео. Судя по словам слуг и трэлей, каждое воскресенье после обеда его светлость приходил поиграть с наследником в шахматы, но это прекратилось. Отец и сын никогда не были близки, но одна из трэлей слышала, как они спорили о мисс Тодд. Его светлость очень настаивал, чтобы сын «убрал двуличную змею» из дома, но тот отказался. Что-то в этой ситуации кажется мне необычным. Зачем герцогский наследник берет под свое крыло бедную девушку? Герцог когда-то покровительствовал ее отцу, но это плохо закончилось, хоть я не знаю почему. Постараюсь выяснить побольше».

Предатель в доме Кейна, который следил за каждым ее шагом. По коже побежали мурашки.

— Миссис Уэйд, — прошептала Лена, вдруг испугавшись за Лео.

Если кто-то поймет, что у них за отношения, то для него наступит конец. Или того хуже.

— Легко купить человека, у которого несколько крупных долгов, — пояснила Розалинда. — Ты с самого начала была потенциальным риском. Однако у тебя есть доступ ко многим источникам. Мы проголосовали, не будет ли слишком опасно тебя использовать. Ингрид хотела тебя убить.

Лена вскочила, так что кресло закрипело по полу. Она не могла унять дрожь. Пот пропал, теперь ее словно втолкнули с жары на холод.

— Что вы со мной сделаете?

— Если бы я хотела твоей смерти, ты была бы уже мертва. Это не входило в мои намерения. — Розалинда махнула рукой. — Хочешь чаю? Ты бледная как привидение.

— Я не хочу вашего дьявольского чая, спасибо. И принимая во внимание последние события, я вам не верю.

— Мендичи? Это ничего не значит.

— Я говорю о гуманисте, которые держал нож у моего горла и угрожал моему брату!

Розалинда застыла:

— Мне об этом неизвестно.

Лена облизнула губы, не зная верить или нет.

— Вы хотите, чтобы я сорвала переговоры.

— Ты уже сказала мистеру Мандевилю, что желаешь сначала встретиться с нами.

— Тогда кто-то вас не послушал, — ответила Лена. — Я отправляла сообщение Мандевилю моему связному в Эшелоне. Кто-то напал на меня с ножом. Мне сказали, что надо помешать заключению договора, или мой брат пострадает. Показали одну из игрушек, что Чарли держит в спальне. Туда никто не мог добраться. И это был голубокровный.

Розалинда побледнела:

— Ты уверена? Они не последовали за тобой сюда ...

— Им известны пароли гуманистов, — ответила Лена. — А также то, что ведомо лишь приближенным к Совету. И об участии Уилла в подписании договора. И где я буду отправлять письмо. Это должен быть мой связной.

— Мы к этому отношения не имеем.

— Я думала, что всем заправляете вы.

Повисло молчание.

— Тут не все так, как кажется, — прошептала Розалинда. — Что, если я скажу, что мы не устраивали пожар на сливзаводах? Что я понятия не имела об угрозах в твой адрес?

Лена посмотрела ей в глаза, заставляя себя быть сильной. Смелой, как Уилл. «Нет, не думай об этом». Она сжала руки в кулаки и придушила боль. Потом можно и расклеиться.

— А что если я скажу, что не верю вам?

Розалинда поморщилась и откинулась в кресле.

— То, что я собираюсь тебе сказать, не должно выйти за пределы этой комнаты. — После кивка Лены она продолжила: — Ты наверняка уже догадалась, что среди гуманистов есть две фракции. Те, кто борется за свободу, и те, кому нужна месть. Так было не всегда, но год назад мы напали на один из анклавов и освободили группу механоидов. Нам был нужен их опыт в работе с металлом. К несчастью, они оказались не такими сговорчивыми, как мы надеялись. В нашей фракции появилась отколовшаяся группировка, взявшая дело в свои руки и прикрывающаяся нашим именем и сведениями, чтобы крушить все и вся.

— Почему вы не порвете с ними?

Розалинда долго смотрела на Лену, будто решая, стоит ли ей доверять.

— Идем, кое-что покажу.

Не было смысла сопротивляться. Вдобавок Лену мучило любопытство.

— Куда мы идем?

— В подвалы.

Шагнув в черный коридор, Розалинда схватила со стены фонарь и провела Лену по туннелю до маленькой дверки. Воздух пропитал запах химикатов. Повесив фонарь на гвоздь на стене, Розалинда вытащила из-под рубашки ключ и открыла дверь.

Темные тени застыли в ожидании, кое-где поблескивала холодная сталь. Розалинда снова взяла фонарь и осветила огромную пещеру, прогнав темноту. Десятки громадных машин стояли неподвижно и молчаливо, в их глазах не было ни искорки газового света. А вокруг — еще десятки металлических костюмов, вроде того, в котором был Роллинс. Ряды Перси.

— Это Циклопы. — Голос Розалинды потеплел от гордости, и она передала фонарь Лене.

Затем подошла ближе и провела рукой по гидравлическому шлангу тяжелой стальной руки. Блеснула полая трубка огнемета.

Поднырнув под конечностью, Розалинда нажала на кнопку. Раздалось шипение, и в груди открылось пустое пространство, а голова механизма откинулась назад. Гуманистка встала на согнутое колено Циклопа и запрыгнула внутрь. Затем развернулась и пристегнулась кожаными ремнями. Схватила за ручки, нажала на несколько рычагов и покрутила циферблат. Стальной щиток груди скользнул на место. Из глубины послышалось жужжание.

— Паровой агрегат заработает через несколько минут, — пояснила Розалинда, выглянув

из-за грудины автомата. Зашипели гидравлические шланги, и Циклоп выпрямился во все три метра. — Они полностью мобильны, с большей гибкостью и контролем, чем у металлогвардейцев, и требуется всего литр воды в сутки. — Внезапно она улыбнулась и заставила автоматическую руку подняться и поиграть пальцами. — Мы скопировали огнеметы с машин Эшелона. Сжигает все дотла. Работа мехов.

— Вот зачем они вам понадобились.

Розалинда поморщилась, отключила механизм, открыла стальную грудную пластину и выпрыгнула.

— Ага, планы наши, а воплощали их мехи. — Она хрипло усмехнулась. — Эшелон заставил их работать с металлом в анклавах, в качестве платы за искусственные конечности. Эшелонцы и не подозревали, что мы обернем их технологию против них самих. Это единственное, с чем мы, люди, никогда не могли справиться. Нам удалось застать врасплох голубокровных во Франции и отправить их на гильотину, но наши кровососы оказались умнее и спрятались за армией машин. Человеческая плоть не может справиться с металлом. Так что нам надо сравнять шансы.

— Борьба за свободу, — сказала Лена слегка саркастично. — А с виду просто месть.

— Думаешь, эшелонцы просто отдадут нам все права? — гневно переспросила Розалинда. — Если мы любезно попросим?

— Люди умрут.

— Они уже умирают. Четыреста тридцать мужчин и женщин вышли на улицы, чтобы протестовать против последнего повышения кровавой дани. Эшелон раздавил их Троянской кавалерией. Выжила всего сотня.

— Кровавую дань не повысили бы, если бы не взрыв на сливзаводах. Теперь у них недостаточно крови, а им она нужна и быстро. Разве вы не видите? Это замкнутый круг крови и смерти!

Розалинда забрала у Лены фонарь.

— Какое разочарование. Я думала, ты поймешь. Особенно принимая во внимание, откуда взялись чертежи Циклопов.

— О чем вы?

— Твой родной отец, сэр Артемий Тодд, с его блестящим чудаковатым умом. Последний год своей жизни он выяснял слабости голубокровных. Мы используем созданный им токсин, чтобы парализовать их, а его пули-молнии убийственное оружие. Вместо того, чтобы сбежать от Викерса с семьей, он рискнул собой и передал последние разработки Циклопов нам в руки. Это стоило ему всего, но среди нас его никогда не забудут.

Лена едва помнила ночь побега. Ее разбудили рано утром и погрузили в экипаж. Отец потребовал, чтобы она присмотрела за Чарли, о чем-то переговорил с Онорией и сунул зашифрованный дневник в руки старшей дочери.

Эта ночь изменила их жизни навсегда. Лену оторвали от уроков, от мира, надежд на будущее среди Эшелона и вместо этого потащили в темные мрачные пределы трупоб. Она лишь знала, что покровитель отца, Викерс, герцог, ради которого он совершал блестящие эксперименты, хотел с ними покончить.

Вот только не знала почему.

— Отец был гуманистом? — спросила Лена срывающимся голосом.

— До мозга костей.

Еще одно потрясение к бесконечному ряду других. Колени задрожали, и она попыталась

нащупать стену.

— Поэтому мы хотели заполучить тебя, — продолжала Розалинда. — Твоя сестра предала его память, выйдя замуж за голубокровного. Нам от нее никакой пользы. А вот ты показала свое умение обращаться с механизмами. Твои навыки могут быть полезны...

Лена вдруг все поняла.

— Вы думаете, я могу научиться собирать Циклопов?

Тогда нужда в механоидах отпадет. А Розалинда — точнее Меркурий, так как Лена теперь начала видеть между ними разницу — просто убьет всех мехов? Так же, как Мендичи? По спине пробежал холодок. Что сделает Меркурий, если она откажется?

Некуда бежать, негде спрятаться. Никаких союзников. Даже...

«Нет, не вспоминай о нем». Лена закрыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь игнорировать тошноту.

«Думай».

Розалинда могла узнать о ее умении создавать заводные механизмы только от мистера Мандевилья. Внезапно его опека стала выглядеть намного более зловещей.

— Я делаю игрушки, — прошептала Лена.

— Но ты можешь собрать Циклопа. — Розалинда шагнула ближе. — Трансформационная заводная игрушка доказывает, что у тебя есть способности и возможности сотворить такие механизмы. Ты будешь героиней.

Героиней. Три недели назад ей было бы не все равно. Лена хотела признания, так и не полученного от отца. Он умер ради тех самых планов, которыми так восторгалась Розалинда.

«Вся моя жизнь — ложь». Миссис Уэйд и, без сомнения, мистер Мандевиль за ней шпионили. Отец, который воспринимал младшую дочь, словно какую-то куколку, изобретал оружие, чтобы расправиться с Эшеломом.

А Онория, скорее всего, об этом знала.

Лена откинула голову к стене и закрыла глаза. Кому довериться? От всех этих секретов голова шла кругом. Но ведь она тоже не все говорила родным, не так ли?

Боль одиночества ударила под дых. Некому довериться, некому рассказать. Нет никого, кто бы знал ее тайны или раскрыл бы ей собственные, никого, кроме Уилла, который...

Сотрясаясь от горя, Лена упала на колени, и ее стошнило. Она так пыталась не думать о нем, сдерживать боль, но чувство росло, сводя мышцы, вызывая рвотные спазмы.

Она утерла слезы рукавом. О боже, что делать? Как сказать Блейду, что Уилл... что его больше нет? Невообразимо. Он был таким большим, таким полным жизни, жара и огня, а в его глазах плясали янтарные искорки. Ей надо увидеть его тело, вернуть его. Похоронить как должно.

Признаться, мол, не вернулась бы в Эшелон и не влипла бы в этот хаос, если бы подозревала, что Уилл ответит на поцелуй.

Но сперва надо отсюда выбраться. Лена подняла голову и увидела перед собой блестящие сапоги и ряды металлических роботов.

— Нет, я не буду этим заниматься.

— Не на такой ответ я надеялась, — тихо произнесла Розалинда и передернула затвор пистолета. — Какое разочарование. Давай, поднимайся. Больше ты мне не нужна.

— Я никому не скажу. — На Лену уставилось дуло пистолета. Модель, разработанная ее собственным отцом. Какая ирония. — Больше не желаю иметь с этим ничего общего. Единственное, чего я хочу, — оказаться дома и забыть обо всем, как о страшном сне.

Розалинда присела на корточки, пристроив пистолет на колене.

— Неужели ты еще не поняла? Это не игра, мисс Тодд. Тебе слишком многое известно.

— Клянусь, я ни слова никому...

— К несчастью, не уверена, что могу тебе доверять.

Лену окатило волной горечи.

— Вы и не собирались отпускать меня живой, верно? Да вы хуже всех голубокровных вместе взятых, хуже Эшелона. Используете людей, затем выбрасываете, словно мусор, когда они больше не удовлетворяют ваших потребностей на пути к цели.

Взгляд Розалинды вдруг стал отсутствующим. Веки опустились, ресницы затрепетали, коснувшись бледных щек.

— Удивительно, что ты все еще столь наивна. — Горькая усмешка. — Я такая, какой меня сделали. Оружие. Ястреб-охотник, наконец спущенный с цепи своим хозяином. Нет места для пощады, потому что я не жду ее.

Она снова подняла пистолет.

— Подождите! — отчаянно вскрикнула Лена. — Пожалуйста. Пожалуйста, не делайте этого. Я потеряла сегодня все, все, что имело значение. Больше у меня ничего не осталось.

Слезы застилали глаза, заставив исчезнуть из поля зрения даже пистолет. Лена крепко зажмурилась, затаив дыхание в ожидании выстрела, в ожидании боли.

Тишина.

Лена заставила себя открыть глаза. Слезы дорожками катились по щекам. Розалинда с отвращением зарычала и подняла ствол на потолок.

— Похоже, какие-то остатки милосердия во мне все же неискоренимы. Уверена, я пожалею об этом.

Лена судорожно выдохнула. Сердце в груди стучало, как сумасшедшее.

— Обещаю, вы не пожалеете.

Розалинда рывком вздернула ее на ноги:

— Пойдем. Я снова завяжу тебе глаза, и Джек или Ингрид доведут тебя до борделя.

— Только не Ингрид. — Лене почему-то казалось, что, прознай Ингрид об этой минутной снисходительности, она быстро и тихо исправит ситуацию.

Губы Розалинды сжались в тонкую линию.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия. Пойдем...

Вдали послышался крик.

Они замерли.

— Молись, чтобы это были не твои друзья. — Глаза Розалинды сузились. Всучив Лене фонарь, она грубо толкнула ее вперед через дверь. Дуло пистолета уперлось в спину. — Или наша сделка отменяется.

Из туннеля донесся лязг металла и полный дикой ярости рев.

«Не может быть...» Сердце Лены забило сильнее, дыхание перехватило. Хотелось побежать навстречу этому реву, но что-то удерживало. Скрытая перчаткой ладонь

Розалинды на ее руке.

Розалинда прижала Лену к стене и осторожно заглянула за угол. Затем, очевидно не заметив ничего подозрительного, потянула за собой.

— Кажется, что-то не так в комнате охраны.

Лена не позволяла себе даже надеяться. «*Он не мог пережить то падение, верно?*»

Послышался новый рев, а следом за ним треск, слово кто-то разбил об стену стул.

— Уйди с дороги! — приказал женский голос. — Дай мне разобраться с этим.

— Ингрид, — прошипела Розалинда сквозь зубы и побежала. Лене хотелось того же самого.

Где-то впереди внезапно распахнулась дверь, и оттуда вылетел мужчина, заскользив по гладкому полу туннеля. Волосы незнакомца были испачканы кровью, и он силился перевернуться, чтобы встать. Присев рядом и взяв его за подбородок, Розалинда тихо выругалась, осматривая повреждения.

В комнате царил хаос: мелкие щепки от стула валялись вокруг как спички, и чья-то неподвижная нога в ботинке виднелась из-под завала.

В центре, тяжело дыша, стоял Уилл. Руки сжаты в кулаки, плечи трясутся от с трудом сдерживаемой ярости. Мокрая рубашка перепачкана в крови, а волосы безвольно свисают слипшимися прядями.

Лена, резко остановившись, с шумом втянула воздух.

— Уилл, — позвала слабым шепотом.

Сердце разрывалось на части.

Споткнувшись, она ухватилась за стену. «*Живой!*» До сих пор не верилось. Вот только красное пятно на его боку... «*Живой и раненый*».

Обжигающие янтарные глаза нашли Лену, и ее накрыло волной дрожи. В кулаке Уилл крепко сжимал финку.

— Лена, — прорычал он, и такого тона она прежде никогда не слышала.

Но времени насладиться моментом не было. Сквозь слезы Лена увидела Ингрид появившуюся из ниоткуда, с ножкой стула в руке. Она резко замахнулась, но Уилл поймал ее за запястье, презрительно оскалившись.

На этом все должно бы закончиться, однако Ингрид двигалась быстрее, чем Лена считала в принципе возможным, и резко ударила противника ладонью в сустав локтя. Уилл закричал от боли, а Ингрид сделала подсечку, сбив его с ног.

Он тяжело ударился о землю, и соперница тут же замахнулась ножкой стула, метя в голову. Уилл ногой выбил кусок дерева из ее руки, и, оттолкнувшись от пола, выгнулся, вскакивая на ноги. Рыча от злости, он схватил Ингрид за талию и повалил.

Лена осторожно шагнула вперед, оглядывая комнату. Уилл устроил настоящий бардак. Тут и там стонали лежащие на полу мужчины, хватаясь за сломанные конечности и ушибы. Тем не менее, все живы.

Пока.

Схватка Уилла и Ингрид напоминала расплывшееся пятно, за которым невозможно уследить. Без зазрений совести используя свою грубую силу, он припечатал противницу к полу и, упершись коленом ей в спину, выворачивал плечо. Ингрид рычала, глаза ее полыхали гневом.

Золотистые глаза.

Еще один вервильфен.

Уилл вывернул ее руку еще выше. Ингрид затрясло, она морщилась от боли, свободной рукой царапая землю. Уилл положил другую ладонь ей на плечо с предельно ясными намерениями.

— Нет! — вскрикнула Лена. — Не делай этого!

Кинувшись вперед, она схватила его за руку и безрезультатно потянула. Уилл с безумными глазами оскалился — у Лены сердце ухнуло в пятки. На мгновение показалось, что он накинется и на нее. Она увидела в его глазах жажду и потребность убивать.

— Уилл, — прошептала Лена, поднося свое запястье к его носу.

Если он учует ее, узнает запах, то никогда не тронет.

Он замер. Дрожащими пальцами Лена осторожно коснулась его щеки.

— Уилл, посмотри на меня. Это Лена. Ты знаешь меня. — Ласково обводя линию его подбородка, она с трудом сглотнула, когда он чуть повернул голову и нежно прикусил ее ладонь.

Один укус — и человеческая кровь смешается с кровью на его поврежденной скуле. Один укус — и она будет инфицирована. Неистово дрожа, Лена хрипло вскрикнула, едва язык Уилла прошелся лаской по чувствительной коже.

Потом он отпустил ее ладонь, осторожно пройдясь по ней зубами.

Позади них Розалинда скомандовала кому-то:

— Как только сможешь прицелиться, стреляй.

— Девчонка мешает. Прикончить ее?

Лена замерла и оглянулась через плечо. Джек держал в руках огромное ружье и прицеливался, глядя в стеклянный монокль.

— Если выстрелишь в меня, — произнесла Лена, удивленная тем, как спокойно звучит голос, — вам его никогда не остановить. — Она положила руку на плечо Уилла, успокаивая. — Он пришел, потому что Мендичи меня похитил. И только я могу его остановить.

Ноздри Розалинды раздувались, взгляд метался между Уиллом и Леной.

— Его уже ничто не остановит.

Заслонив Уилла своим телом насколько смогла, Лена покачала головой:

— Он послушается меня.

Розалинда колебалась. Лена видела сомнение в ее глазах.

— Я поговорю с ним. Успокою. А потом мы оба уйдем отсюда. И я сохраню вашу тайну.

— Или же мы пристрелим вас обоих, — сказал Джек.

Глаза Лены сузились.

— Только попробуй, и узнаешь, почему никто не рискует переходить дорогу вервувльфену. Тебе придется застрелить меня, и он убьет ее.

— Стреляй, — прорычала Ингрид.

— Заткнись. — Джек немного опустил ружье. Холодный взгляд был оценивающим. Лицо смягчилось, как только он взглянул на Ингрид, и Лена поняла, что в нем еще осталось какое-то сочувствие или жалость, какое-то слабое место. — Одно условие. Нам необходим трансформационный механизм. Закончите проект и доставьте нам в течение пяти дней. Такова цена нашего сотрудничества.

Еще вчера она бы просто согласилась.

— Зачем? Что вы планируете с ним делать?

— Это подарок. Скандинавскому послу. Мы уже связывались с ними, и они ждут эту

вещь.

Трансформационный механизм был всего лишь игрушкой не более. Разве что под конец игрушка выйдет в человеческий рост.

— Невозможно, я не успею за пять дней.

Ружье дернулось.

— У вас нет выбора.

Часы работы, пайка одной стальной пластины к другой. Она закончила большую часть внутреннего механизма, но все же...

Плечо Уилла задрожало под ладонью Лены. Она непроизвольно погладила его по руке, придвинувшись ближе.

— Хорошо. Я свяжусь с Мандевилем, попрошу его помочь. Как только все будет готово, мы доставим изделие в магазин.

— Вы нас опасаетесь? — спросила Розалинда.

— Я предпочитаю не повторять ошибок.

Их взгляды встретились. Розалинда опустила пистолет и кивнула:

— Джек.

— Сначала угомони его, — ответил тот, ни на секунду не спуская глаз с Ингрид.

Лена обернулась. Уилл крепко зажмурился и оскалился, его всего трясло, будто внутри происходила некая борьба, которой ей никогда не понять. И все-таки она уже видела вервувльфена в таком состоянии, знала, как он себя сдерживает.

— Я в безопасности, — прошептала Лена. — Возвращайся ко мне, помоги выбраться отсюда и попасть домой. Дыши, Уилл. Глубоко и медленно. Вот так.

Ласково поглаживая его лицо, подбородок, она наклонилась ближе, чтобы дать ему почувствовать свой запах.

— И еще вдох. Умница. — Скользя рукой вниз по его руке, по грубому льну закатанных рукавов рубашки и по гладкой бронзовой коже предплечья, Лена облизнула губы. Затем накрыла ладонью его ладонь. — Отпусти ее, Уилл. Возьми меня за руку. Я здесь. Я с тобой.

Переплетя свои пальцы с его, она мягко потянула руку Уилла, зная, что он ей позволит. Плечи Ингрид расслабились, но взгляд, обещавший возмездие, метнулся к Лене.

— Не стоит, — предупредила та. — Он даже раненый легко тебя скрутил. И я не смогу отговорить его еще раз. — Она положила одну ладонь Уилла себе на колено и потянулась за другой.

Его пальцы на запястье Ингрид задрожали. Лена склонилась к нему, прижавшись лицом к подбородку. В ноздри ударил мускусный запах, запах опасности. Ей хотелось прижаться губами к коже Уилла, просто убедиться, что он действительно здесь, что он жив.

Черт возьми. Тут, внизу, не существовало общественных норм и правил, и уже давно наплевать, что о ней подумают люди. Повернув голову, Лена поцеловала его в щеку, поглаживая другую ладонью. «*Живой. Теплый*». Сердце уверенно билось в груди. У Лены в горле застрял крик. Она чуть не потеряла его... Глаза защипало от слез. Больше никогда!

Щетина царапала ее и без того чувствительные губы. Сморгнув слезы, она отняла руку вервувльфена от запястья Ингрид, заметив, что собственные пальцы испачкались в крови с его щеки.

— Пойдем домой, Уилл. Отведи меня домой.

Он послушно отпустил противницу, но глаз так и не открыл.

Ингрид тяжело выдохнула и поморщилась от боли, попытавшись пошевелить поврежденной рукой.

— Не двигайся, — предупредила Лена, обвив руками шею вервульфена. — Вставай, Уилл. Отведи меня домой. К тебе домой.

Только теперь он взглянул на нее. В глубине глаз все еще плескались остатки безумия. Зверь по-прежнему сидел внутри. От его голодного взгляда, граничившего с совсем другим видом безумия, у Лены вдруг до боли затвердели соски, терзаемые прикосновением льняной сорочки.

— Да. Как только мы доберемся домой.

— Домой. — Голос Уилла был хриплым и скрипучим.

Он осмотрелся вокруг, заметив, что все еще упирается коленом в спину Ингрид. Но как только поднял взгляд, в нем мелькнула тьма.

— Убери ружье, — вскрикнула Лена, когда Уилл толкнул ее себе за спину.

Не было ни единого шанса удержать его, если он решит напасть на Джека. Не сейчас. Умоляя взглядом, она попыталась обвить руками талию Уилла. Что угодно, лишь бы остановить его, напомнить о человеке за личиной зверя.

Джек медленно опустил оружие.

— Не думал, что у тебя получится. — Он быстро кивнул Лене. — Пять дней.

— Пять дней, — пообещала она, с облегчением выдохнув.

Джек с опаской посмотрел на Уилла. И от того, что увидел в его глазах, отступил на полшага.

— Вам лучше убираться. — Еще один взгляд, уже в сторону Ингрид. — Потому как не уверен, что мне удастся отговорить ее.

К тому моменту, как они выбрались на поверхность, ярость, помогавшая Уиллу держаться на ногах, сошла на нет. И Лена едва справлялась с его весом в одиночку.

— Давай. Уже недалеко.

Она в отчаянии огляделась. До Логова добрых полмили. Но на улицах, пока Уилл не может защищаться, это будут очень опасные полмили.

Уилл привалился к кирпичной стене, кровь на боку уже высыхала. И все же он был не в состоянии осилить весь путь до дома. Лена прикусила губу, бросив взгляд на небольшой переулок, где вервульфен теперь обитал. Она никогда не была в гостях, но знала адрес.

— Сюда. — Лена обняла Уилла за талию и попыталась направить к ступенькам, что вели к его двери.

Двое мальчишек, всего на год или два старше Чарли, курили сигары, сидя у основания лестницы. И Лене не нравилось, как они на нее смотрели.

— Эй, леди. А бросайте этого старикана и присоединяйтесь к нам? — позвал один.

Их никак не обойти. Уилл застыл, словно расслышав оскорбление, и Лена ласково погладила его по спине.

— Всего лишь мальчишки. Никакой опасности.

Как она надеялась.

Собравшись с духом, Лена посмотрела тому, кто ее окликнул, прямо в глаза. Она пережила встречу с голубокровными и гуманистами. Это же простой мальчишка,

пытавшийся произвести впечатление на дружка.

— Эй, хотите заработать монету?

— А мож, я предложу тебе деньжат? — ухмыльнулся малец.

Лена уцепилась за рубашку Уилла:

— Не смей. — Шагнув вперед, она предусмотрительно наблюдала за спутником краем глаза. Он хоть и был в состоянии близком к обморочному, но стоило ему прийти в ярость и этого хватит, чтобы пересечь грань. — Мне нужно, чтобы вы доставили сообщение моей сестре.

Второй парнишка приподнял подбородок:

— Кто твоя сестрица?

— Жена Блейда.

Мальчишки замерли. Тот, что задирали ее, вскочил на ноги:

— Ничо плохого не имел в виду, мисс. Что за сообщение нам передать?

— Скажите, что Лена в гостях у Уилла. И что сестре тоже нужно прийти. — Именно в этот момент Уилл чуть не осел на землю, и она покачнулась, удерживая его на себе.

Один из ребят попытался помочь.

— Нет, — крикнула Лена, а Уилл зарычал. Мальчик застыл. — Не трогай его. Не трогай меня. Он сейчас не совсем в себе. Просто доставьте сообщение.

Выражение лица Уилла говорило лучше всяких слов, и пареньки даже не заикнулись об оплате. Имя Блейда здесь имело вес. В считанные секунды Лена осталась наедине с препятствием в виде ступеней.

Все тело ныло от усталости, когда ей наконец удалось дотащить Уилла наверх и открыть дверь. Он явно и не подумал ее запереть. Пара скрещенных кинжалов снаружи ясно давали понять, кому принадлежит дом, и даже самый смелый вор не рискнул бы переступить порог.

Поддерживая Уилла под руки, Лена захлопнула дверь носком многострадальной туфельки. Другую она потеряла еще в туннелях и почти не чувствовала ногу от холода.

— Так, — пробормотала Лена, облокотив Уилла на дверь. Перед глазами все расплывалось. — Постой здесь, пока я найду фонарь.

Уилл сгорбился.

— На печке.

В бледном сиянии луны, пробивавшемся через тонкие занавески, она различила очертания печи. Еще минута, чтобы зажечь фонарь, и вот комнату уже озарил пляшущий свет.

Лена огляделась:

— Господи, Уилл, ты в курсе, что можно купить мебель?

Вокруг стояли лишь небольшая кровать, застеленная лоскутными одеялами, стол и два стула, и только самое необходимое для кухни. Помещение почти такое же маленькое, как то, в котором они когда-то прятались с братом и сестрой, когда впервые оказались в Чепеле.

— Уверена, Блейд же тебе платит, — потрясенно пробормотала Лена.

— Платит. — Уилл сделал шаг в направлении кровати и опасно покачнулся. — Но мне некуда тратить...

Лена тут же оказалась рядом, поддержав его за талию, и пошатнулась, приняв на себя весь немалый вес. Колени подогнулись, и они вдвоем рухнули на кровать — Уилл с размаха придавил Лену сверху.

Ее лицо оказалось где-то в районе его плеча. Она извернулась, выбираясь повыше, в поисках воздуха, и упала назад, тяжело дыша.

— Уилл, ты меня раздавишь!

На его лице не дрогнул ни один мускул. Вервильфен медленно выдохнул, и она поняла, что он находится в том почти бессознательном состоянии, какое бывает после огромной физической нагрузки. Толкая его в плечо, ей удалось вылезти из-под Уилла хотя бы настолько, чтобы не задыхаться под ним.

Вытянув рубашку из штанов, Лена изогнулась, разглядывая рану на боку вервильфена. Сверху уже запеклась кровь. Она осторожно потрогала его ребра на предмет внутренних повреждений. В данной ситуации больше ничего сделать нельзя. Вирус залечит все так, как никогда не удастся ни Лене, ни даже доктору.

Убедившись, что рана не смертельна, она снова откинулась на подушку. Холод по-прежнему пробирал до костей. Но рядом был Уилл, и от его тела исходил настоящий жар.

Прижавшись к мужской груди, Лена холодными губами коснулась шеи любимого. Тепло другого тела делало свое дело, и, слава богу, наконец прошла тошнота. Лена сонно моргнула. Глаза с трудом удавалось держать открытыми. Вся усталость резко навалилась на нее, и прежде чем отключиться, она едва успела задуматься, получила ли Онория сообщение.

Солнечный свет струился из-за занавесок. Лена моргнула от рези в чересчур чувствительных глазах. Во рту совсем пересохло, и жутко хотелось пить.

— Где я?

Сбоку пошевелилась тень. Лена встревожилась, но при виде улыбающегося брата успокоилась.

— Она очнулась!

Пришла бледная от недосыпа Онория и погладила ее по лбу чудесно прохладной рукой:

— Чарли, принеси еще воды. Хочешь перекусить?

Лена радостно кивнула. Живот заурчал, сотрясаемый пустыми спазмами.

Сестра поднесла стакан. Почувствовав прикосновение влаги к губам, Лена жадно принялась пить. За Чарли закрылась дверь, а Онория присела на край кровати.

— Пей медленно. Ты долго спала.

Допив, Лена почувствовала себя чуть получше. А когда оглянулась, узнала свою прежнюю комнату в Логове.

— Уилл?

— Все еще спит. — Онория провела рукой по ее влажным волосам. — Лена, у тебя ненормально высокая температура. Горишь как в лихорадке. Как ты себя чувствуешь?

Лена задумалась, затем выдала:

— Кажется, есть хочется.

В черных глазах сестры промелькнула тревога.

— Ты помнишь, что случилось? Рип сказал, что сперва услышал свист, призывающий помощь, а потом Уилл ринулся на выручку. Мы нашли твой перевернутый экипаж, но вас обоих и след простыл. Блейд с Рипом прочесали туннели, но потеряли след Уилла. Кто-то разбрызгал какой-то химикат, который уничтожил все запахи.

В сознании промелькнула череда воспоминаний. Лена открыла рот и закрыла. Она поклялась, что никому не расскажет о гуманистах, и не смела впутывать сестру.

На глаза навернулись слезы, а чувства странно обострились.

— Онор, можешь ответить на один вопрос?

— Конечно.

— Папа был гуманистом?

Онория застыла:

— Почему ты спрашиваешь?

— Значит, это правда. — Голос Лены огрубел, она попыталась сесть. — А что еще ты от меня скрывала? Чем отец занимался у Викерса на самом деле?

— Откуда ты знаешь?

— Неважно. Это все правда?

Онория устало вздохнула:

— Да. Понятия не имею, что тебе известно, но это так. В последние годы жизни папа был недоволен мировыми порядками. Он начал работать над лекарством от жажды для Викерса, а в свободное время выискивал слабости голубокровных. Ему хотелось найти методы их уничтожения.

Розалинда не соврала. Лена прижала руки к лицу.

Онория робко дотронулась до ее плеча:

— Лена? Ты не сердись на меня? Я сделала, как считала лучше. Эти сведения опасны.

Я только пыталась защитить вас с Чарли.

— Ты должна была мне сказать.

«Но ведь и мной двигали те же мотивы... Никогда бы не подумала, что мы мыслим одинаково». Несмотря на такие разные характеры, Лена не могла отрицать, что Онория без колебаний рискнула бы жизнью ради нее и Чарли.

— Лена, что случилось в туннелях?

Многое, о чем она никогда не расскажет.

— Без понятия, кто меня похитил. Уилл нашел меня и спас.

Обе знали, что этот ответ не устроит Онорию. Но как бы ее ни грызло чувство вины, она не осмелилась продолжать расспросы.

— Можно я проведаю Уилла? — тихо спросила Лена.

— Он спит.

— Пожалуйста. Я хочу его увидеть.

Она думала, что потеряла Уилла. И отчаянно хотела убедиться, что он жив и здоров.

— Хорошо, — вздохнула Онор. — Но только потому, что я понимаю твои чувства.

Онория убрала влажные кудри со лба сестры. Сначала Лена сидела в кресле у кровати Уилла, но потом забралась прямо на одеяла и уснула, держа спящего за руку.

Блейд обнял жену за талию и оперся подбородком о ее плечо.

— Чо не так?

— О чем ты?

— Ты переживаешь.

Прижав палец к губам, она вывела его из комнаты. Блейд вопросительно выгнул бровь, но Онор покачала головой и потянула его наверх в лабораторию.

— Чо такое, милая? — спросил он, хмуро закрывая дверь.

Тут их никто не услышит. Онория подошла к столу, сняла с полки тяжелый том, открыла на нужной странице и указала пальцем на мелкий шрифт:

— Читай.

Блейд прищурился, медленно шевеля губами.

— Эт же описание первых стадий волчьего вируса и его симптомов. Ничо не понимаю.

— Я изучала их, чтобы найти лекарство для Уилла. Первый признак волчьего вируса — лихорадка. Головные боли, прилив жара и холода, потоотделение...

Блейд тут же понял.

— Лена горит, — прошептала Онория. — При такой температуре человек чувствует себя ужасно, но она ощущает лишь голод и жажду.

Он побледнел.

Онория закусила губу.

— Дело не только в этом. Знаешь ли ты, что волчий вирус очень заразная болезнь, однако вервульфенов очень мало? — В глазах запекло, и она погладила страницу. Онор пришла сюда в поисках знаний, как только стала подозревать, что происходит. — Блейд, процент выживших после первой лихорадки крайне низок. Примерно один из пятнадцати

проходит трансформацию. В Скандинавии и Германии разрешается инфицировать лишь сильнейших воинов. Сперва они должны пройти испытание и доказать, что у них есть отличный шанс выжить. — Перед глазами все поплыло. — Поэтому вервульфенам не разрешается спариваться с человеком. О боже, что я наделала? — В груди стало больно. — Мне нельзя было подпускать ее к нему. Стоило понять. Надо...

Блейд притянул ее в крепкие объятия и прижал к груди:

— Кажись, нам их было не разлучить. — Он погладил жену по волосам. — Тс-с, милашка, ты не виновата. Ты не могла знать. О волчьем вирусе мало что известно. Мож, она выкарабкается.

Из горла вырвались рыдания.

— Блейд, из сильнейших воинов большинство не выживает.

— Тогда нужно выяснить, что ей надо и как помочь.

Эта мысль повлияла на нее больше, чем какое-нибудь ложное утешение. «*Это в моих силах*». Онор схватила книгу и вытерла слезы. Ей не удалось спасти брата от вируса жажды, но черт ее побери, если она допустит смерть сестры.

— Садись и читай. — Блейд толкнул жену в кресло. — Я принесу чай и что-нибудь перекусить. Потом загляну к ним.

Онория уже жадно пробегала глазами строчки.

— Спасибо.

Мир под ней пошатнулся. Лена сонно моргнула, вцепилась в то, на чем лежала, и зевнула. Подушка хотела ее скинуть, и пришлось ухватиться за простыни.

Уилл перевернулся на бок и уставился на Лену. На мгновение ее охватило непреодолимое желание провести пальцами по волоскам на его мощной груди.

Удерживая простыню у живота, Уилл нахмурился:

— Мы в Логове. Что случилось?

— Не помнишь? Ты потерял сознание, а Блейд наказал перенести тебя сюда. Ты проспал целый день. Как себя чувствуешь?

Он посмотрел на кувшин с водой.

— Сейчас.

Лена в одной ночной рубашке спрыгнула с постели и наполнила стакан. Но Уилл схватил кувшин и стал жадно пить. Мышцы его горла двигались, а по подбородку стекали ручейки, собираясь в ямке ключицы.

Между бедер стало жарко. Лена стиснула в руке холодный стакан. Острое желание будто полоснуло грудь ножом. Лена пообещала себе, что если Уилл выживет, она расскажет ему о своих чувствах, но вдруг снова занервничала и лишилась дара речи. При нем она всегда так себя чувствовала.

Она, которая при желании могла вить из мужчины веревки одной улыбкой.

По стенке стакана побежала трещина, потом еще одна. И вдруг он разбился, усеивая коврик осколками. Лена изумленно уставилась на текущую с пальцев кровь.

— Хренов ад, Лена. — Уилл опустил кувшин и вскочил с постели с той самой хищной грацией, которая всегда притягивала взгляд.

Столько золотистой обнаженной кожи. Лена округлила глаза. Уилл спохватился,

выругался и рывком повязал простыню на талии.

«О боже».

Картинки в учебниках по анатомии даже близко не стояли с действительностью. Лена покраснела. Она мельком заметила его возбужденный член, огромную плоть, вздымающуюся из густых зарослей черных волос. Дыхание перехватило.

«Невозможно, чтобы мы с ним сумели...»

— погоди! — рявкнул Уилл, забирая у нее остатки стакана. Затем оторвал кусок простыни, смочил в кувшине, выкрутил и осторожно промокнул порез на руке Лены. — Что случилось?

— Он разбился, — рассеянно ответила она.

Ее охватила дрожь. Желания, которые Лена обычно держала под замком, рвались наружу.

Уилл заколебался.

— Что такое?

— Там осколок. Разве ты не чувствуешь? — Он погладил ее руку, вызывая мурашки.

Она отвлеклась от созерцания широкой обнаженной груди и увидела, что из ладони торчит осколок. И тут же почувствовала жгучую боль.

— Немного. Почти не болит.

— Лена, посмотри на меня.

В теплые глаза цвета виски с невообразимо густыми ресницами. Она коснулась свободной рукой его груди, чувствуя шелковистую мягкую кожу.

Уилл втянул воздух. Потом опустил глаза, и острая боль пронзила руку Лены.

— Достал. — Зажимая порез, он искал еще осколки, а потом крепко перевязал ранку другой полоской простыни.

Из всех запахов Лена улавливала лишь его мускусный аромат. Как только Уилл отстранился, она тут же положила ладонь на его живот, чувствуя, как под пальцами сокращаются мышцы.

— Лена, нам нельзя, — хрипло предупредил Уилл. А вот жар в его глазах противоречил тону.

— Почему нет? Мы оба этого хотим. — Горло сдавило. — Я думала, что потеряла тебя. Что ты умер. — Горячая соленая слезинка скользнула по щеке. Лена покачала головой и решительно подняла взгляд. — Остальное неважно. — Она глубоко вздохнула, сердце колотилось как сумасшедшее. — Я так боялась, что больше не смогу прикоснуться к тебе. Снова поцеловать. Сказать...

— Что сказать? — Уилл поймал ее за руки и завел их ей за спину.

Соски терлись о льняную сорочку. Лена посмотрела на Уилла. В его глазах замерцали теплые янтарные огоньки. Вот это она и хотела вызвать. Безудержную страсть. Потребность. Она наклонилась, потерлась грудью о его торс. Волна жара охватила живот и угнездилась между бедер.

— Чо ты хотела мне сказать? — повторил Уилл, а его карие глаза все больше становились янтарными.

Лена поцеловала его в грудь. Уилл задрожал и ослабил хватку на ее запястьях.

— Как я по тебе скучаю. Я играла с тобой в игры, так как боялась, что если буду серьезной, а тебе окажется плевать... я... Мне хотелось, чтобы ты меня поцеловал. Я пыталась тебя соблазнить, но ты не поддался. Я решила, что ты меня не хочешь, и было так

больно, потому что я тебя хотела.

Охваченный противоречивыми желаниями, Уилл покачал головой:

— Не могу.

Лена высвободилась и снова провела ладонями по его груди.

Уилл отступил, натолкнулся на кровать, упал навзничь и стиснул в кулаке одеяло. Прикрывавшая бедра простыня начала сползать. Лена забралась сверху и оседлала упрямца.

— Лена, ты не понимаешь.

— Так ты хочешь меня или нет? — Она ждала ответа, затаив дыхание.

— Конечно, хочу, но...

Она прижала палец к его губам. Ночная сорочка задралась, и кружевной подол дразнил чувствительные икры. Облизнув губы, Лена устроилась на коленях Уилла, ахнув, когда его твердый член уперся прямо между ее влажных складок.

Так ярко. Ощущение такое сладкое. Она запрокинула голову, приподняла бедра и потерлась об него.

Уилл почти до боли стиснул ее попку и снова прижал к себе.

Лена вскрикнула от нахлынувшего желания.

Между ними оказалась простыня. Трение влажной ткани о чувствительный бугорок сводило с ума. Вдруг этого оказалось недостаточно, хотелось еще. Сильнее. Запустив пальцы в волосы Уилла, Лена склонилась к нему в поцелуе.

Уилл прикусил ее губу, втянул в рот. Лена принялась всем телом тереться о мощный торс вервульфена. Вкус его губ опьянял.

Лена просунула руку между ними и потянула за ткань, опоясывающую талию Уилла. Слишком поздно он осознал ее намерения. Лена крепко держалась за уголок, чувствуя, как простыня распутывается. На этот раз они прижались плоть к плоти. К твердой возбужденной плоти.

— Нельзя.

Лена целовала Уилла, не осмеливаясь его отпускать. Он издал полузадушенный горловой стон. Головка его члена прикоснулся к ней, растягивая...

Лена приоткрыла рот. Уилл схватил ее, перевернулся, бросил на постель и с рычанием склонился сверху, прижимая руки к кровати.

— Нет.

Его янтарные глаза отчаянно горели.

— Ты же хочешь.

— Хочу, — признал он. От промелькнувшей на его лице печали ее сердце сжалось. — Но не могу. Лена, я обещал защитить тебя, даже от самого себя.

— Я тебе верю, ты не причинишь мне боли, — прошептала она.

Уилл зажмурился:

— Лена, ты никогда не задумывалась, как распространяется волчий вирус?

Она открыла рот и застыла.

— Ну... Вирус жажды распространяется через кровь.

В Эшелоне волчий вирус не обсуждали, поэтому знали о нем очень немногие.

— Волчий тоже. — Уилл расслабился и вдавил ее в кровать. В золотистых глазах сияло желание. — А также через мужское семя. Почему, как ты думаешь, я не был с женщиной?

Еще одно сокрушительное признание.

— Никогда? — изумленно прошептала Лена.

Он покачал головой и помрачнел:

— Никогда.

Она ощутила немного эгоистичную радость.

— Я не знала, думала...

Мысли путались. Она ни разу не видела его с девушкой. Но предпочитала думать, что он просто не распространяется о своих похождениях.

Уилл выпустил ее и встал на колени. И по его понурым плечам Лена все поняла. Схватив остатки простыни, он обернул их вокруг бедер.

— Мне можно быть только с уже зараженной женщиной.

Лена покачала головой. Не может быть. Теперь, когда она наконец призналась себе в глубине своих чувств...

— А если... я не против? — Она облизнула сухие губы. — Мы смогли бы быть вместе...

— Нет! Ты не знаешь, о чем просишь. Меня резали, били, даже почти выпотрошили, однако ничто, ничто не сравнится с муками, когда вирус впервые завладевает телом. Лена, не все выживают. — Он провел рукой по лицу. — Я не могу так с тобой поступить.

Слезы застили глаза. Хрупкое будущее, о котором она мечтала, было смыто водоворотом его слов.

Уилл нежно провел рукой по ее щеке:

— Лена, не плачь.

— Я не плачу. — Лена попыталась выдавить жалкую улыбку, но не смогла. — Вчера, когда я считала тебя мертвым, я сказала, что готова на все, лишь бы тебя вернуть, лишь бы ты был в безопасности... — Она запнулась и разрыдалась.

Послышался шорох простыней, а потом Уилл прижал ее к себе.

— Я не хотел делать тебе больно. Пытался держаться от тебя подальше.

Лена кивнула и прерывисто вздохнула.

— Теперь я понимаю.

Все это время, когда она считала, что Уиллу на нее плевать, он просто пытался не дать их отношениям зайти слишком далеко.

Уилл поцеловал Лену в щеку, потом в подбородок, в губы. Она повернулась к нему, жадно и крепко обнимая. Они отчаянно целовались, цепляясь друг за друга, и Лена едва снова не расклеилась, понимая, что это, скорее всего, в последний раз.

Ее пальцы запугались в шелковистых прядях его волос. Уилл притянул Лену к себе, стал спускаться ниже, покусывая подбородок, шею, слизывая соль ее слез.

А когда сжал ее грудь, Лена втянул воздух.

— Уилл.

— Только сейчас, всего раз.

Другой рукой он задрал сорочку выше и обхватил голую попку Лены.

Ее охватил жар. Она и не собиралась отказываться. Если это все, что им суждено...

— Что ты собираешь делать?

Не в силах сдержаться, она выгибалась на постели, царапая ногтями его плечи.

— Я думал об этом... мечтал. — Уилл дразняще куснул ее шею, одновременно угрожая и соблазняя. — Хочу попробовать тебя на вкус.

Лена задрожала от желания. Уилл просил ее сдаться — и она охотно послушалась.

— Давай.

Он поцеловал место укуса и принялся нетерпеливо стаскивать с нее ночную рубашку.

Прохладный воздух омыл обнаженную плоть. Лена приподнялась, помогая Уиллу. Он отбросил сорочку, не сводя с любимой глаз. Они горели как печь кузнеца, а страсть в них буквально прожигала душу.

Внезапно смутившись, Лена опустила руки. Ее грудь вздымалась в такт дыханию, притягивая взгляд вервульфена.

Выражение его лица чуть смягчилось.

— Ты красавица. — Он нежно провел рукой по ключице. Потом ниже, выводя легкие круги на левой груди. — Идеал.

— Слишком маленькая, — возразила Лена.

Уилл обхватил грудь мозолистой ладонью и прорычал:

— Идеальная.

Затем склонился и нежно сжал зубами сосок. Провел ладонью от груди ниже по трепещущему животу. Так много ощущений. Лена едва сдерживалась, особенно когда его пальцы скользнули меж ее бедер.

Новый мир. Лена чувствовала себя очень неуклюжей и неопытной. Никогда она не испытывала подобного удовольствия. Теория и близко не стояла с практикой. Уилл ласкал Лену пальцами, и она стонала, запрокинув голову.

— Распусти волосы, — прошептал он, обводя пальцем влажный бутон меж ее бедер.

— Не могу, — выдохнула она, вся дрожа.

Уилл остановился, накрыл ладонью холмик между ее ног и приказал:

— Распусти.

Лена завела руки за голову и начала расплетать косу. Густые черные локоны рассыпались по простыням.

— Так-то лучше.

Уилл лениво полуприкрыл глаза, прижался ртом к ее груди и стал посасывать.

Напряжение в животе росло. Лена погладила плечи Уилла, изучая гладкие мышцы, а потом зарылась пальцами в его волосы и сжала длинные пряди, не способная мыслить связно или произнести хоть что-нибудь.

Горячий язык чуть задел сосок. У нее вырвался бессвязный гортанный стон. Лена молила о большем. Будто в ответ он снова принялся ласкать влажные складки, выписывая круги у входа в ее лоно.

— Да, Уилл, — ахнула Лена, непристойно выгибая спину.

— Тебе нравится?

Во взгляде Уилла блестело любопытство. Для него такие ласки тоже были в новинку, однако он двигался неожиданно уверенно.

Уилл ввел палец в ее лоно, и Лена сжала его, закатив глаза от наслаждения. Вервульфен тихо и довольно рассмеялся. Так по-мужски.

— Да?

Лена все еще цеплялась за волосы любимого с такой силой, что нельзя было не заметить. Она попыталась расслабиться, но ничего не вышло.

— Да.

Еще один палец проник в нее, и она замерла, расслабляясь, стараясь вместить его. В глазах Уилла танцевали тени. Он хотел овладеть ею по-настоящему.

Лена приподняла бедра, молча требуя большего. Мир сузился до шороха простыней, тихих вздохов и ощущениядвигающихся в ней пальцев.

Что-то манило Лену, какое-то ускользящее ощущение. Она замотала головой и попыталась сильнее насадиться на ласкающую ее руку.

— Тут, вот тут, — отчаянно шептала она.

— Тут? — Он сильнее нажал большим пальцем.

Так близко. Почти... Она балансировала на грани. Еще...

Лена закричала от нахлынувших эмоций, забыв обо всем на свете. Не осталось ничего, только ощущение пальца в лоне. Уилл овладевал ею рукой, ведь, к сожалению, большего себе позволить не мог.

Слишком много. Лена вскрикнула, сжала колени вместе, перевернулась на бок и, тяжело дыша, уткнулась в простыни, медленно приходя в себя. Уилл обнял ее, прижавшись лицом к затылку, а членом к ягодицам.

Лена пошевелилась, пропуская его плоть меж бедер. Уилл резко вдохнул.

— Лена.

Однако отстраняться не стал. Его горячая плоть потерлась о ее чувствительный бутон, и Лена снова ахнула. Перед взором танцевали белые огоньки.

Обнажив шею Лены, Уилл чуть прикусил мягкую мышцу. Затем намотал длинные волосы на кулак, напоминая, кто тут главный. Придавленная его телом, Лена не могла пошевелиться. Уилл снова и снова сильно толкался меж ее бедер. Лена сжала ноги и вцепилась в простынь.

— Моя, ты — моя, — прорычал он.

— Навсегда! — выкрикнула Лена, снова переходя острую наэлектризованную границу.

Уилл закричал, заливая горячим семенем ее живот. Тяжело дыша Лена упала на постель, но расслабиться ей не дали. Уилл перевернул ее на спину и в панике принялся простыней вытирать сперму. Только удалив последний след, он немного успокоился и выбросил испачканную ткань.

Лена протянула руку:

— Иди сюда.

— Мне не стоит. Даже такой риск был лишним, — хрипло ответил он, переводя взгляд на простыню.

Тело Лены охватила истома. Отчаянно хотелось спать. Потянувшись, как кошка, она улыбнулась.

— Это был не вопрос.

Уилл полностью завладел ею. И если уж на то пошло, теперь часть его принадлежала ей.

Вервильфен послушно улегся рядом. Лена улыбнулась и крепко обняла его, потершись щекой о шею.

«Я люблю тебя».

Она не осмелилась сказать эти слова вслух, они бы причинили лишь боль. Ей не хотелось плакать, не хотелось видеть, как сонное удовлетворение пропадет из его взгляда. Эта минута принадлежит им. Единственная, последняя.

От этой мысли улыбка слегка поблекла, но Лена все равно ее удержала. *«Мой»*, — сказала она себе и крепко обняла Уилла, вдыхая аромат его тела.

Не думая о будущем. О том, что не суждено.

Только этот миг.

И пусть он длится вечно.

Кто-то мягко поглаживал его грудь.

Уилл зевнул и попытался открыть глаза. Он уже многие годы не чувствовал себя так хорошо, таким расслабленным, что едва мог оторвать голову от подушки. В комнате было темно, а простыни пахли Леной и мускусом...

Он застыл и тут же поймал руку, что гладила его по груди.

— Лена, — прошептал Уилл, отрывая голову от подушки. Свет звезд проникал через щелку в занавесках.

— М-м-ф? — сонно хмыкнула Лена и прижалась к нему теснее.

Она лежала обнаженная, закинув ногу на Уилла и опустив голову ему на плечо. Сердце застучало бешеное паническое стаккато. Он чувствовал каждую клеточку невероятно гладкой влажной кожи.

Чувствовал запах секса и своего семени, смешанного с вкуснейшим ароматом ее собственного тела.

Свободный конец повязки на руке Лены щекотал грудь. «*Что я наделал?*» Уилл судорожно огляделся и увидел на полу скомканную простыню. Нахлынули воспоминания о пальцах, мокрых от женской влаги. О стонущей под ним Лене с искаженным от экстаза лицом. Как он резко двигался меж ее бедер, как она сжала колени, когда он пролил семя ей на живот...

Уилл опустил голову на подушку. Слава богу. Он ее не взял, не заразил.

Повязка защекотала пальцы. Уилл поднес руку любимой к губами и поцеловал кончики пальцев. Лена едва пошевелилась.

Хмурясь, он перекатился на бок. Она упала в его объятия как тряпичная кукла; обнаженная кожа блестела от пота.

— Лена? — прошептал он.

Какого черта она не отвечает?

Уилл нахмурился сильнее и прижал ладонь к ее лбу.

Лена слегка застонала, повернув голову, будто ей мешало прикосновение. Он убрал руку. Мысли путались.

Ей жарко. По сравнению с кожей вервульфена человеческая обычно казалась холодной. Так и кожа Лены всегда напоминала прохладный шелк. Если уж Уилл чувствует жар, значит она горит почти так же, как он сам.

И этому есть лишь одно возможное объяснение.

— Нет, — прошептал Уилл, повернув голову Лены за подбородок, чтобы как следует ее рассмотреть.

Легкие красные круги на щеках. Грудь блестит от пота. Уилл поднялся на колени, глядя на повязку на руке любимой.

А затем сорвал тряпку, совершенно не заботясь об осторожности. Лена всхлипнула и заметалась по подушке. Мокрые пряди прилипли к шее. Уилл боялся правды, но заставил себя разогнуть согнутые пальцы Лены и пристально посмотрел на ладонь.

Гладкая бледная кожа.

От пореза не осталось и следа.

— Нет, — прошептал он, спрыгивая с постели.

Все внутри переворачивалось от паники. Уилл вцепился в волосы, недоверчиво глядя на Лену.

«Невозможно, я же был с ней так осторожен. Ни крови, ни секса...» Обмен слюной безвреден, иначе он бы в жизни не посмел ее поцеловать.

— Лена. Лена? — шепотом позвал он.

Она сонно моргнула, поморщившись, будто от головной боли, и еле слышно произнесла:

— Уилл.

И снова опустила голову.

Уилл приблизился:

— Тебе плохо?

Ее зрачки походили на маленькие шарики. Лена глядела куда-то вдаль, не в силах сосредоточиться.

— Голова... болит...

— Давно? — Она снова начала закрывать глаза, но Уилл схватил ее за плечи и легонько встряхнул. — Черт побери. Давно ты плохо себя чувствуешь?

Моргая, Лена слабо сжала его руки:

— Больно.

— Знаю. — Он стиснул зубы и отпустил ее. — Прости. Тебе давно больно?

— Несколько... дней, — прошептала она, облизывая сухие губы. — Наутро... после... встречи с тобой... в моей комнате.

Уилл присел на край постели и повторил:

— Несколько дней?

Какого черта случилось в ту ночь? Он поцеловал Лену. Попробовал на вкус ее кожу. Грудь. Больше ничего. Должно быть, инфекция попала через кровь, но он не припоминал ничего такого.

— Я был ранен? Видела на мне кровь?

Лена покачала головой, зарываясь в подушку, как будто изнемогая от ломоты во всем теле. Без сомнения, так оно и было.

— Не знаю. — Она прижала ладони к лицу и всхлипнула. — Больно.

Уилл беспомощно склонился над ней.

— Знаю. — Боже, конечно, он знал. Ноющие суставы, температура, и в голове так грохочет, будто череп сейчас расколется. Неутолимая жажда. Уилл погладил бедняжку по спине легкими кругами, чтобы облегчить боль, и поцеловал в лоб. — Я принесу воды.

— Да, умоляю.

— Не двигайся. — С колотящимся сердцем он принес сорочку и накрыл Лену. Остальное лишь натрет ей кожу. Натянув брюки, найденные на спинке кровати, он вышел из комнаты и тихо прикрыл дверь.

Изнутри послышался всхлип. Вербульфена будто ударили...всхлип — будто удар в грудь. Уилл прислонился к створке и в отчаянии зажмурился.

«Что же я наделал?»

Серьезность происходящего дошла до него, когда Лена с его помощью осушила целый кувшин воды. После чего вновь забылась в лихорадочном сне. Уилл натянул на нее чистую

простыню. Лена дрожала, а кожа наощупь была липкой.

Уилл отступил, судорожно сглатывая.

«Что я наделал?»

Нельзя было к ней и пальцем прикоснуться.

Однако годы болезненного одиночества взяли свое. Уилл всегда желал Лену, даже слишком. Стоило сразу отправить ее к Блейду с тем письмом. Пусть бы господин разобрался с проблемой и занимался защитой родственницы. Уилл ведь знал, какое она для него искушение.

Еле переставляя ноги, он медленно забрался по лестнице на чердак. Судя по шороху юбок, не он один не спал.

Он только собрался прикоснуться к двери, как услышал тихие голоса. Значит, Блейд тоже там. Чувство вины душило, но Уилл заставил себя постучать. Теперь ничего не поделаешь. Лене нужна сестра.

— Заходи, Уилл, — позвала Онория.

Он открыл створку, и свет разрезал тьму. Обычно аккуратный шиньон Онории растрепался. Она сидела в кресле у очага. Блейд просматривал книги на полке, внимательно читая корешки.

Уилл заметил темные круги под глазами Онории.

Она знала.

Он споткнулся на пороге и покачал головой, не в силах говорить.

— О, Уилл, как она? — прошептала Онор, вскакивая.

Он открыл рот, но не смог ничего выдать, только застонал от боли и вины. Глаза жгло, и комната словно поплыла.

— Я не... я всегда был так осторожен. Не знаю, как... — И тут он вспомнил сцену в ювелирном магазине. Уилл дотронулся до лица. — Я подрался с Колчестером, и он разбил мне губу. Я поцеловал Лену, не подумав.

Он старался не переспать с ней, борясь с желанием овладеть, но на мгновение позабыл, как опасна его кровь. Да и ранка казалась такой маленькой...

Онория обняла Уилла за талию, и на сей раз он не стал противиться.

— Уилл, ты не виноват. Что бы мы все ни говорили, она бы не оставила тебя в покое. — Тепло Онор сливалось его собственным, и он оперся подбородком ей на макушку, неловко обнимая.

— Зря я ее не заставил. — Уилл отстранился и утер глаза рукавом. — Нельзя было считать, будто сам справлюсь. Следовало прийти прямо к Блейду, когда все случилось. Поручить ему разобраться.

— Когда что случилось?

Слишком много тайн. Уилл закрыл рот и зарылся руками в волосы.

— Что нам делать?

Онория внимательно посмотрела на него, но не стала допрашивать, а, повернувшись, указала на открытые книги, раскиданные по комнате:

— Не знаю, Уилл, мы читали весь день...

— Вы знали?

— У нее слишком высокая температура, прямо нечеловеческая. Я догадалась.

Уилл рассердился:

— Какого черта ты мне не сказала?

— Ты восстанавливался после ранения. И о волчьем вирусе мало что известно. Надо было сперва узнать больше, прежде чем лечить.

— Спокойно, парень, — предупредил Блейд с потемневшими глазами.

Господин сунул руки в карманы, но его поза намекала, что в случае чего он готов быстро действовать.

Уилл отвернулся, качая головой. Не стоит злиться. Сейчас важна только Лена.

— Вы что-то нашли? Хотя что-нибудь?

После некоторого колебания Онор ответила:

— Там нет ничего о том, как разбираться с трансформацией и с начальной стадией вируса. Он малоизвестен в Британии. Вряд ли членам Эшелона было дело до того, выживут ли зараженные. А что делали с тобой?

Уилл уставился на стену.

— Не знаю, я почти ничего не помню. — Лишь постоянный жар. Боль во всем теле. Крики, срывавшие только зажившее горло, изменения в теле. И милосердную прохладу подвала, куда его запер отец, пытаюсь сбить температуру. — Холод. Помог холод. Папаша сунул меня в подвал. — Уилл повернулся. — Лену замучает жажда. Надо ее поить. — Он пожал плечами. — Больше ниче.

— Да уж, маловато. — Онория закусила губу.

— Знаю! — рявкнул Уилл. — Мне было тока пять, едва соображал. Неужели думаешь, я бы не сказал, если б вспомнил что-то еще?

— Уилл, я тебя ни в чем не обвиняю.

Блейд приблизился.

Уилл отвернулся, сжав кулаки:

— Прости, я на грани. Поверить не могу... — Худший кошмар наяву.

Онория погладила его по спине:

— Пойдем лучше подготовимся. Скоро у нее еще повысится температура. Именно последующая лихорадка смер... — Онор осеклась, будто осознав, что едва не сболтнула.

— Погоди, — попросил Блейд.

Оба повернулись к нему.

— В твоих книгах ниче нет, а Уилл не помнит. А щас в Лондоне есть те, кто знает, чо с этим делать.

— Скандинавы, — прошептала Онория и хлопнула себя по лбу. — Почему я о них не подумала?

— Ты была занята.

— А они помогут?

Уилл нахмурился:

— Я с ними едва знаком. Мож, помогут.

— Сходи к ним.

— Я Лену не оставлю.

— Это ее единственный шанс, — настаивала Онор. — Умоляю, Уилл, ты знаешь, я за ней присмотрю. Не позволю ничему с ней случиться.

Уилл заколебался. Как же тяжело уходить... Оскалившись, он наконец кивнул:

— Я кого-нить приведу.

— Тока не тащи их сюды силком, — пробормотал Блейд.

Уилл забарабанил в дверь поместья, которое сняли норвежцы на время своего пребывания в городе. Дождь лил как из ведра, стекал по лицу. Уилл едва помнил, как сюда добрался.

И напряжение не спадало. Он поглядывал на часы каждые несколько секунд. Двадцать минут. Целых двадцать минут он не знал, что происходит с Леной.

Наконец послышались шаги, и дверь открыл встревоженный дворецкий:

— Да?

Уилл бесцеремонно переступил порог:

— Леди Астрид дома?

— Боюсь, она занята...

Он схватил слугу за горло:

— Или ты щас же приведешь ее сюда, или я вырву твое сердце через ноздри. Сечешь?

Затем отпустил. Дворецкий упал на пол и отполз прочь по мраморным плитам.

— Что здесь происходит? — рявкнул кто-то.

Из полутемной библиотеки вышел фенрир, одетый для приема. Волчий мех на широких плечах был сколот отполированной янтарной булавкой, а седые волосы и борода расчесаны до блеска. Угроза в его взгляде едва не довела Уилла до ручки.

«Не смотри ему в глаза. Вдохни глубоко...»

— Ты смеешь врваться в мой дом и так обращаться с моими слугами? — спросил фенрир опасно тихим голосом.

— Дядя. — Астрид присоединилась к родственнику и умиротворяющее прикоснулась к его руке: — Посмотри на него. Он же едва сдерживается. Что-то его расстроило. Что случилось? — обратилась она к Уиллу.

Он глубоко вздохнул, потрясенный запахами других представителей своего вида.

— Дело в Лене.

— В твоей женщине? — Астрид нахмурилась и тут же все поняла: — Она заразилась вирусом?

— Мне было всего пять. Не помню, как ей помочь...

— Парень, возможно, ей уже не помочь, — пробурчал смирившийся Магнус и погладил бороду. — Она хрупкая?

— У нее сильный характер, она будет бороться, — выпалил Уилл.

— Стоило держаться от нее подальше, — поджав губы, посетовал Магнус. — Мы ведь не просто так не спим с людьми.

— Я с ней не спал.

— Неважно, — вмешалась Астрид, глядя на дядю. — Я пойду, только возьму плащ. Не знаю, смогу я помочь или нет...

— Благодарю.

— Где твой экипаж?

Уилл покачал головой:

— Пришел пешком по крышам.

Астрид уставилась на него, а потом ослепительно улыбнулась:

— Как интересно. Я только переоденусь.

Магнус схватил племянницу за руку:

— Одна ты не пойдешь.

— Все должны присутствовать на балу как-там-его. Того стервятника с продолговатым лицом, который считает себя остроумным.

— Герцога Мориоча, — сухо ответил Магнус. — Захвати Эрика. Уверен, он обрадуется возможности увильнуть от еще одного скучного вечера. — Он посмотрел на Уилла. — Я доверяю тебе сына и племянницу. Приведи их обратно в целости и сохранности, иначе насажу твою голову на пику. Понял?

Уилл кивнул. Они с Магнусом говорили на одном языке.

— Канешн.

— Трущобы? — Эрик в развевающемся на ветру подбитом мехом плаще спрыгнул с крыши на грязные улицы.

Уилл последовал за ним и выскочил вперед показывать дорогу. При виде Логова он чуть расслабился.

— Я ожидала поместье, — прошептала Астрид, приземляясь рядом и глядя на обветшалое строение. — А у вас есть подвал и лед?

— Вы еще удивитесь, — пробурчал Уилл, открывая парадную дверь.

Рип, охранявший вход, потянулся к поясу. Чарли и Ларк сидели на нижних ступеньках, споря, кто победил в игре в камешки. При виде Астрид у юного Тодда отвисла челюсть.

Норвежка переделалась в узкие кожаные штаны и камзол, который утягивал ее и без того тонкую талию. Волосы она заплела в тугую косу, открыв скулы, а плащ с волчьим мехом довершал образ принцессы варваров. Даже Рип вскинул брови.

Эрик вошел последним. Улыбнулся и потрепал Ларк по голове, будто маленькую девочку. Судя по взгляду Чарли, он, похоже, только что решил дополнить свой гардероб плащом из волчьего меха и кольчугой.

— Как она?

Чарли моргнул, отрывая взгляд от экзотичной пары:

— Не знаю. Онор меня не пропускает. Уилл, что происходит? Я слышал, как Лена кричит...

Уилл тут же бросился вверх по лестнице.

Из комнаты доносились тихие всхлипывания. Легонько постучав, он заглянул внутрь.

Лена корчилась на постели, покрасневшись от жара. Ночная рубашка прилипла к мокрому от пота телу, а Онория вытирала лоб сестры прохладной тряпочкой. Блейд пытался удержать больную, сжимая в руке стакан воды.

— Они пришли? — спросила Онория, в беспокойстве кусая губы.

Уилл не мог отвести глаз от Лены.

— Как она?

Онория поморщилась:

— Температура растет.

Астрид отпихнула Уилла, одним взглядом оценила происходящее и бросила пальто на стоящее рядом кресло.

— Надо охладить ее и быстро. Принесите лед и большую лохань.

— Ванна сойдет? — спросил Блейд.

— А у вас она есть?

— В моих покоях.

— Отлично. — Астрид коснулась виска Лены и закрыла глаза. — Близко к максимальной температуре, но время еще есть.

— Температура еще поднимется? — ахнула Онория.

— И в таком случае Лена умрет, — прямо ответила Астрид. — Уилл, принеси много льда.

Следующие двадцать минут он колот тяжелые глыбы на части, а потом носил их из подвалов в покои Блейда. Тот всегда держал в доме запас льда, чтобы хранить охлажденную кровь.

Астрид и Онория занялись приготовлениями. Норвежка наполнила лохань до краев холодной водой, а потом бросила туда же лед из ведер.

— Вы уверены, что это безопасно? — уточнила Онория. — Подобное делали с пациентами клиники, в которой я работала. Это было ужасно.

— Да, ей будет больно, — ответила Астрид, не меняя выражения лица. Она посмотрела на Уилла: — Что бы ни происходило, ты не должен вмешиваться.

— Насколько больно? — спросил он.

— Как будто Лена горит. — Когда Уилл попытался возразить, она подняла руку: — Это ее единственный шанс. В Норвегии мы сбиваем температуру снегом.

Уилл встал на цыпочки. Хуже всего было знать, какую боль Лена испытывает сейчас и сколько еще мук ее ожидает. Он два дня царапал грязный пол подвала, пока температура не спала.

Но тут ничего не поделаешь.

— Сколько?

Астрид серьезно посмотрела на него:

— Два-три дня. Вероятно, один уже прошел. Процесс превращения в самом разгаре.

«*Это ее единственная надежда*», — напомнил себе Уилл, хоть его и выворачивало при мысли причинить Лене боль.

— Я принесу ее.

Оказавшись в воде, Лена закричала.

Стиснувший зубы Уилл держал ее, несмотря на слабые попытки сопротивления. Астрид сказала, что шок от холода может убить, но без этого температура продолжит подниматься до смерти инфицированного.

Ледяная вода обжигала руки, и пальцы в конце концов потеряли чувствительность. Уилл мог только представлять, каково Лене. «*Все я виноват*». Со слезами на глазах он шептал, что все будет хорошо, что он рядом.

Через некоторое время она перестала дергаться и расслабилась.

— Что происходит? Лена?

Она не ответила, лишь чуть пошевелила губами.

— Вытащи ее, — приказала Астрид.

Уилл осторожно подхватил любимую. Ледяная вода расплескалась по мраморным полам. Лену вытерли, а Астрид глянула на часы, которые ей дала Онория.

— Что теперь? Ей лучше?

— Температура опустилась на градус. — Астрид убрала термометр и переглянулась с Онорией. — Уилл, нужен еще лед.

— Еще?

— Для следующего раза.

Уилл встряхнул головой. Лена лежала в его объятиях, липкая от холода, однако горящая внутренним огнем.

— Сколько еще?

— Каждый раз, когда ее температура поднимается, пока не собьем.

Тут до него дошла вся безнадежность ситуации.

— Она не выживет?

Астрид убрала мокрые пряди со лба Лены:

— Ты же сказал, что у нее сильная воля.

— Тверда как камень. — Слезы обжигали глаза.

— Значит, принеси еще льда, Уилл. — Наклонившись, она прошептала в ухо Лены: — Ты должна бороться, малышка. Борись за своего мужчину, как он сражается за тебя.

Жестокая ночь тянулась час за часом, превратившись в бесконечный круговорот: Уилл колот тяжелые ледяные глыбы на куски, носил их наверх, затем купал Лену. Онория беззвучно плакала. Он не мог на нее смотреть, иначе расклеился бы. Лена едва шевелилась, когда ее укладывали в ванну.

— Давай, *mo chridhe*. — Уилл поцеловал Лену в лоб, жалея, что больше ничего не может сделать. Не от кого ее защищать, некого убивать. Собственная бесполезность мучила.

Слишком поздно...

Для многого. Слишком поздно обнимать и целовать. Поздно отдавать всего себя без остатка. Поздно говорить, что любит, а ведь Лена так ждала этого признания.

Все это время Уилл держал ее на расстоянии, опасаясь именно того, что сейчас происходило.

— Я подарю тебе мир, — прошептал он, убирая волосы с ее лба. — Я тебя защищу, клянусь. Никогда не допущу, чтобы тебе было больно, обещаю. Только вернись, Лена.

Вернись и позволь мне любить тебя.

Но она его не слышала.

В лихорадке она ничего не слышала.

Слишком поздно.

— Ее сердце едва бьется, — прошептала Астрид.

Наступило утро, солнечный свет проникал через окно. Комнату заливала вода, как будто кто-то устроил войнушку в ванне. Возможно, это и была война. И теперь стало ясно, что они терпели поражение.

Уилл слышал нитевидный стук сердца Лены. Держа за руку, прижимал ее к груди, оцепенело ожидая того ужасного момента, когда Астрид заставит его снова опустить любимую в ванну. Вряд ли она выдержит еще раз.

Он сам едва выдерживал.

Кожа на руках скукожилась. Уилл дрожал, стискивая мокрую Лену в объятиях, и вряд ли видел или слышал то, что творилось вокруг. Хотелось заснуть, набраться сил.

Он едва чувствовал Лену, лихорадочный жар ее кожи, который не поддавался попыткам его сбить. За последний час, температура увеличилась на два градуса. Человек давно бы уже умер.

«Держись».

Уилл качал Лену, бормоча полузабытые колыбельные из детства. Их пела мать. А потом стала смотреть на него как на монстра, укравшего ее сына.

«Вернись ко мне».

Астрид осторожно тронула его за плечо:

— Уилл, ты должен ее отпустить.

— Нет! — рявкнул он и отпихнул норвежку.

Если они попытаются забрать у него Лену, он их прикончит. Всех.

— ...слишком поздно, — прошептал кто-то. — Он уже отдал ей себя ... если она умрет, он скончается от тоски...

Онория заплакала.

Уилл заставил себя встать и, пошатываясь, пошел к ванне. Теперь все давалось гораздо легче — чувства притупились. Опустившись в воду, он прижал Лену к себе. Стук ее сердца отдавался у него в груди. Лед обжигал кожу, пока Уилл не перестал ничего ощущать.

Мир пропал.

Затем кто-то вытащил его из ванны, забирая Лену. Уилл зарычал и раскидал их, пытаясь добраться до нее. Перед глазами возникло лицо Блейда.

— Спокойно, отпусти ее, Уилл. Отпусти...

Он схватил Блейда за горло и отбросил. Эрик помогал Астрид с Леной. Уилл набросился на них и швырнул норвежца в зеркало. Оно разбилось, а Астрид напряглась:

— Убирайтесь! Все вон! Оставьте ее ему, пока он кого-нибудь не убил.

Сунув ему Лену, она отступила, утягивая с собой кузена. Дверь закрылась, и Уилл остался в ванной среди разбросанных вещей.

— Лена, — прошептал он, в отчаянии обнимая ее. Почему она не очнулась? — Прости. Боги, мне так жаль.

Ванна была наполовину пустой. Он больше не мог так мучить Лену. Она вся дрожала.

Поднявшись на ноги, Уилл бросился в спальню. Если Лена умрет, то ей не должно быть холодно. Раздев любимую, он уложил ее на постель и осторожно обтер. Кожа ее побелела, а щеки и грудь покрылись красной сыпью. Каждый раз, прикасаясь, он ощущал ее холод снаружи и жар внутри. Огненное сердце подо льдом.

Уилл начал растирать ей стопы, чтобы вернуть тепло. Никакого холода. Он не мог позволить ей умереть таким образом. Даже теперь ее сердцебиение слабым эхом отдавалось в его ушах.

Он долгое время грел Лену, затем, сняв мокрую одежду, устроился рядом, натянул на них обоих покрывала и сжал ее в объятиях, пытаясь поделиться теплом собственного тела.

Прошло много часов. Лена горела в лихорадке. Они оба вымокли от пота.

— Мне жаль, — шептал Уилл снова и снова, целуя ее мокрое плечо.

Она сильно задрожала. Уилл прижался лицом к затылку Лены и вдохнул легкий запах ее тела. Он так устал. Хотелось закрыть глаза и никогда не просыпаться, но что-то его останавливало.

Лена вздохнула, всхлипнула и попыталась его оттолкнуть.

Открыв глаза, Уилл недоверчиво уставился на любимую.

— Жарко, — прохрипела она. Ее зрачки были все еще огромными, а взгляд блуждал.

Уилл резко сел:

— Лена?

Сухие потрескавшиеся губы, покрасневшие щеки. Она еще никогда не казалась ему такой красивой. Отбросив покрывала, Лена попыталась подняться, но рухнула на матрас лицом вниз.

Схватив одеяло, Уилл укутал ее и попытался помочь сесть.

— Лена? — Затем взял ее за подбородок и приподнял веко. Зрачок окружало колечко яркой меди. С недоверием он вздохнул полной грудью. — Ты выжила. — Ее лоб был липким от пота, но сильный жар исчез. — Температура спала.

Лена слабо пихнула его.

Взбив подушки под ее спиной, Уилл осторожно уложил ее обратно в постель.

— Я принесу тебе воды. Оставайся здесь и не шевелись. Я люблю тебя. — Он страстно поцеловал ее и отпрянул, когда Лена всхлипнула. — Принесу много воды.

Онория ходила по кухне. Щеки покраснели от слез, а глаза были сухими. В ней ничего не осталось. Она сделала все, что могла, и все равно не справилась.

Блейд притянул ее обратно в свои объятия:

— Еще есть надежда. Она пока не скончалась, мы бы знали.

— Мне плохо. — Онор отпихнула Блейда и наклонилась над столом, борясь с тошнотой. Он попытался заставить ее выпить стакан воды, но вдруг поднял голову и повернулся к двери.

— Что такое?

Обеспокоенные норвежцы ждали в углу. По их виду Онория поняла, что по лестнице спускается Уилл.

— О боже, — прошептала она.

Блейд подхватил жену и удержал ее на ногах.

Уилл вошел на кухню. Его голое тело блестело от пота. Дикие глаза, взъерошенные волосы. Онория открыла рот и отвернулась, когда он схватил со стола кувшин с водой.

— Она хочет пить, — прорычал Уилл, повернулся и исчез туда, откуда пришел.

— Пить? — прошептала Онория и развернулась к Астрид. — То есть?..

Норвежка потрясенно смотрела вслед Уиллу:

— Боже. Как жаль, что он уже связан с ней...

Эрик слегка шлепнул ее по руке и улыбнулся:

— Закатай губу, кузина. — Затем встал и хлопнул Блейда по спине: — Если она хочет пить, значит, все в порядке. Должно быть, температура спала.

Онория повернулась к двери, но Эрик схватил ее за руку и покачал головой:

— Нет. Мы должны позволить ему о ней позаботиться. Оставьте их одних, либо рискнете расстаться с жизнью.

Увидев выражение лица Онории, Астрид улыбнулась:

— Уилл ведет себя как *inn matki muhr*. Как мужчина, нашедший свою пару. Несколько дней будет просто невыносим, особенно потому, что едва ее не потерял. Оставьте их и дайте ему время успокоиться.

Солнечный свет проникал сквозь тонкие кружевные занавески.

Лена тихонько застонала, попыталась прикрыть глаза и изумленно моргнула. Где это она? Непохоже на ее спальню.

Сев, Лена тут же сморщилась от резкой головной боли, но постаралась осмотреться.

Голый деревянный пол, грубо сработанная мебель, в углу стол с единственным стулом. Пара сапог... на длинных мускулистых ногах.

Уилл.

Это квартира Уилла.

Солнечный свет блестел на кончиках медных волос и загорелой коже. Уилл спал в старом кресле, сложив руки на груди и склонив голову вперед. Под глазами залегли черные круги, а подбородок зарос щетиной.

В последнюю их встречу Уилл пребывал в панике: уложил Лену в свою постель, бормоча, что она теперь в безопасности и все будет хорошо. А еще извинялся снова и снова.

Лена нахмурилась. Когда это было? Она смутно помнила боль и жар, как закричала, когда кто-то опустил ее в чан с кипящим маслом. Обеспокоенная Онория попыталась дать ей стакан воды, но Уилл выгнал ее из комнаты, вытащил Лену и принес сюда.

Какого черта произошло?

Отбросив покрывала, она попыталась встать. Мир закружился, Лена запуталась в ночной рубашке и врезалась в кухонную плиту. Кожа пахла лавандой. Такого мыла у нее не было, значит, ее купал кто-то другой.

Уилл сонно моргнул:

— Лена? Какого ты вылезла из постели?

Он вскочил и взял ее на руки, будто бы она слишком хрупкая и не устоит.

Жар его тела так и манил. Лена прижалась лицом к груди Уилла и глубоко вдохнула. Такой знакомый, теплый и мужской запах, но под ним таились еще мириады ароматов. Накрахмаленное белье, мыло, пот, легкий флер духов Онории, даже масло, которым он чистил тяжелый охотничий нож, притороченный к бедру.

Как интересно.

— Можно задернуть шторы? Слишком ярко.

Запах Уилла изменился, став четче.

— Через несколько дней твои глаза приспособятся.

— Приспособятся к чему?

Уилл снова помолчал. Его запах почему-то загорчил.

Вервильфен кашлянул.

— Ты что-нить помнишь?

Серьезность его лица и голоса беспокоили. Лена попыталась вспомнить, но не сумела.

— Что случилось? Что не так? Никто не пострадал?

— Как ты себя чувствуешь?

Станный вопрос. Она прислушалась к себе. После пробуждения она явно чувствовала себя лучше, невероятно необъяснимо легкой.

— Очень пить хочется. — Вообще-то была еще одна неотложная потребность. Лена покраснела. — А можно... воспользоваться твоей ванной?

Уилл долго смотрел на нее, затем коротко кивнул:

— Канешн.

Подведя ее к ванной, будто инвалида, он собрался было зайти следом.

— Уилл! Что ты делаешь?

Лена попыталась закрыть дверь перед его носом.

— Забочусь о тебе.

— Не здесь! Вон! — резко ответила она.

Через мгновение Уилл поджал губы и отвернулся:

— Принесу воды, шоб умыться.

Он притащил воду, мыло и маленькое полотенце. Оставшись одна, Лена принялась приводить себя в порядок. Возможно, она поторопилась. Под конец колени дрожали. Вода выглядела чертовски манящей. Лена чуть не выпила прямо из кувшина, но заставила себя просто прополоскать рот и почистить зубы. Сняв ночную рубашку, она вымылась намыленной тряпочкой. Запахло лавандой. Уилл точно ее купал.

Надев рубашку обратно, Лена даже не взглянула на валяющееся на полу белье. Ей хотелось облачиться в чистое, вышить и поесть горяченького.

— Уилл? — Она едва дотронулась до ручки, как дверь тут же распахнулась. Вервильфен стоял на пороге со стаканом воды.

После удовлетворения одной потребности, внимания потребовали другие. Лена посмотрела на холодильник и со смущением услышала урчание в собственном животе. Она залпом выпила воду в стакане.

— Есть баранье рагу, хлеб и сыр. Выбор небольшой, но еды много. Просил присылать сюда стока, скока Эсме приготовила.

Рагу. Рот наполнился слюной. Однако у Лены были вопросы поважнее.

— Уилл, почему я здесь? Что произошло? Я почти не помню вчерашний день.

— Вообще-то, прошло четыре дня.

— Что?

Проведя рукой по волосам, Уилл отвернулся и взял с умывального столика небольшое зеркальце с костяной ручкой, но Лене не отдал, будто не хотел, чтобы она себя видела.

— Лучше я тебе покажу.

Внезапно она испугалась. Что с ней не так? Кожа лица вроде обычная. Схватив зеркало, Лена уставилась на свое отражение.

Зрачки окружали ярко-медные ободки. Она медленно опустила зеркало.

— Мои глаза. Но как?.. Что?..

Уилл отвел взгляд:

— Боже, прости. Я ж говорил, что мне нельзя к тебе приближаться. — В его глазах светились жар и гнев. — Вот поэтому. Я чуть ты не потерял. Едва не убил!

Он повернулся и отошел, заложив руки за голову. Лена рискнула взглянуть на себя еще раз.

— Я заражена волчьим вирусом? — изумленно переспросила она.

Уилл вздрогнул, будто его ударили.

— Уилл. — Отложив зеркало, Лена шагнула к нему, но он отшатнулся и обошел стол и кресло, будто убегая. Медленно вздохнув, она оперлась на стул. — Мне все равно. Я же сказала, что не против. Если я могу быть с тобой...

— Ты едва не умерла! — рявкнул Уилл.

И тут она поняла, какой опасности подверглась. Он сжал кулаки и вновь отвел взгляд.

— Сильно плохо было?

— Мы считали, что ты не выживешь, — прохрипел Уилл. — Пока температура не спала, думал, ты умрешь. Ты не знаешь, что я чувствовал. — Он потер грудь. — Я с ума сходил. Швырнул Блейда через комнату и принес тебя сюда. Онория приходила каждый день, но я не мог ее впустить... Пока ты не очнулась...

От отразившейся на его лице боли сжималось сердце.

— Я выжила.

— Едва.

— Это неважно.

— Нет, важно. Ты не знаешь, что это значит.

— И что же? — Лена отпихнула стул, а потом и стол со смехотворной легкостью. — У тебя больше нет отговорок.

Уилл попятился к кровати, выставив руки перед собой:

— Черт побери, Лена. Я тя заразил! Твоя жизнь больше не будет прежней.

Она продолжила наступать:

— Очень на это надеюсь.

— Ты не понимаешь...

— Прекрасно понимаю. — Остановившись перед ним, она толкнула Уилла в грудь, и тот, ошарашенный, упал на кровать.

Уставившись на свои ладони, Лена не сдержала улыбку:

— Как думаешь, насколько я сильна?

— А зачем тебе знать?

— Да так.

«Интересно, смогу ли сбросить голубокровного с Башни из Слоновой кости».

Мир стал совершенно другим, полным ярких красок, тепла и запахов. Лена подняла руки, разгоняя пылинки, кружившиеся на свету. Всю жизнь она чувствовала себя слепой, а теперь мир раскрылся ей в новых подробностях.

— Ты считаешь это проклятьем, — сказала она, садясь к Уиллу на колени. Он напрягся. — А я нет. Я знаю, что меня ждут ограничения. Понимаю, что об Эшелоне придется забыть, — хотя с моей репутацией было покончено, когда ты вынес меня из бального зала. — Вервильфен попытался что-то сказать, но Лена прижала палец к его губам. — Я так долго боялась, Уилл, а теперь не боюсь. Ни капельки. Дело в вирусе?

В глазах Уилла вспыхнули мятежные искорки. Он ей не поверил.

— Я вовсе не хочу возвращаться в старую жизнь, — прошептала она, оседлав его. Ночная рубашка задралась. Уилл резко втянул воздух и вцепился в одеяло. Лена терлась об него, чувствуя пуговицы на штанах внутренней стороной бедра. — Я хочу новую жизнь. С тобой. Я в этом уверена. — Скользя руками по его плечам, она наклонилась, вдыхая замечательный мускусный запах. — Я наконец знаю, чего хочу, и больше не боюсь в этом признаться.

— Лена. — Словно предупреждая, Уилл обхватил рукой ее ягодицу. — Ты теперь вервильфен. Рабыня, по мнению эшелонцев. Ты никогда больше не сможешь выйти за пределы Чепеля.

— А кто сказал, что мне это надо? — Она прижалась к его губам. — Кто сказал, что нужно вообще вылезать из этой кровати?

Уилл ахнул. Теперь его глаза горели от страсти.

— Уилл, ты мой. — Лена победно улыбнулась, заметив перемену. — Больше ты не сможешь меня обидеть. У тебя не осталось отговорок. Можешь ненавидеть себя, сколько хочешь, но, честно говоря, я в восторге от произошедшего.

Лена наклонилась, но Уилл попытался увернуться. Упрямец! Она не сдалась и встала над ним на колени, упиваясь видом его соблазнительного тела.

— Ты разве не голодна?

— М-м-м. Да, очень. — Затем поцеловала его в губы и лизнула.

Уилл еле-еле сдерживался.

— Лена, черт побери! Тебе было плохо.

— Ведешь себя как застенчивая невеста в брачную ночь. — Она сексуально усмехнулась и понизила голос: — Теперь ты не причинишь мне вреда, подумай обо всем, что сможешь со мной делать.

Его глаза потемнели.

— У тебя только что спала температура.

— Чувствую себя чудесно. — Лена прикусила нижнюю губу. — Чудесно. — И рассмеялась, впиваясь ногтями в его грудь. — Будто могу сделать с тобой все самое неприличное и прямо сейчас.

Уилл сжал руками ее бедра и наконец сдался.

— Черт побери, я думал, что потерял тебя. — Он вздрогнул. — У меня нет слов... не могу больше бороться.

— Тогда не борись.

Их поцелуй был горячим, полным ярости и сдерживаемого голода. И таким правильным. Лена содрогнулась, прижимаясь к нему всем телом, мечтая позволить ему войти в лоно. Ее охватило отчаянное желание.

Уилл уложил Лену на спину и рывком снял с нее ночную рубашку, лишь на миг прервав поцелуй. Его одежда царапала ее соски. Лена зарылась руками в его волосы, сжимая шелковистые пряди и застонала, запрокинув голову.

— Да.

Уилл прижался губами к ее шее, оцарапал зубами гладкий изгиб груди.

Лена хотела было прикрыться, но он развел ее руки в стороны и прорычал:

— Нет. Ты обещала, что я смогу сделать с тобой все, что хочу. И я еще должен те за «застенчивую невесту».

От решительности в его голосе она затрепетала.

— Я по привычке, — ответила и расправила плечи. Свет отражался от бледной кожи, а соски порозовели и затвердели. Лена затаила дыхание и шепотом спросила: — Они тебе нравятся?

Ответом ей стал поцелуй и толкающийся в бедро толстый длинный член. Уилл ласкал ее языком и терся об нее бедрами.

Такое потрясающее ощущение. Лена застонала, глядя его волосы, царапая ногтями кожу головы. Веселье пропало, сменившись безумием, жаждой, потребностью насытиться. Ноющая пустота между бедер едва не лишала самообладания. Лена вцепилась в рубашку Уилла, сдирая ее с плеч, пока на его локтях не остались лишь обрывки льна, застегнутые на пуговицы на запястьях.

— Тише, — проворчал он ей в рот.

— Нет. — Лена потянулась к поясу его брюк, но Уилл успел ее перехватить.

— У нас еще куча времени.

— Сейчас, — потребовала она.

Теперь настала его очередь смеяться. Обхватив Лену, он прижал ее к груди, наслаждаясь долгими горячими поцелуями. Достаточно, чтобы свести с ума. Лена заерзала, желая большего.

Он уложил ее на спину, прижимая к матрасу.

— Не хочу спешить.

— А кто тебя спрашивает?

Уилл снова улыбнулся, как умел только он, и Лена растаяла.

— Я по-прежнему сильнее.

Лена погладила его по животу:

— И больше. — Определенно. Она задрожала, лаская его грудь. — Мне всегда этого хотелось.

— Чего?

— Этого. — Она оцарапала ногтями его живот, оттягивая пояс брюк. — Когда я только переехала в Логово, то всегда хотела дотронуться до тебя. Попробовать. Мечтала о тебе.

Уилл серьезно посмотрел на нее:

— Мне было нельзя.

— Знаю. — Лена пожалала плечами, будто это неважно.

— Я хотел. — Он снова улыбнулся. — Черт побери, Лена, ты даже не представляешь, как сильно. Ты сводила меня с ума. Я никогда не чувствовал ниче подобного, а ты была такой юной... Я думал, для тебя эт все игра. Мне пришлось уйти.

— Я не играла. — Лена улыбнулась, обратив внимание на одну подробность. — Ты никогда прежде не хотел женщину?

— Только тебя.

Признание согрело ее изнутри. Она потянула его за пояс, теребя пуговицу. Та выскочила из петли, и Уилл прищурился.

— Я уже достаточно ждала и мучилась.

— А ты нетерпеливая.

Однако сам очертил пальцами грудь Лены, не сводя с нее восхищенного взгляда. Лена почувствовала эхо его прикосновения в других местечках и заерзала.

— Коснись меня, — прошептала она.

— Я уже касаюсь.

Он поглаживал ее грудь кругами, приближаясь к соску. Лена выгнулась под лаской как кошка.

— Нет, ты меня дразнишь.

— Хм. — Глаза Уилла наполнились теплом и смехом. — Кажется, кое-кто тоже однажды мя дразнил.

Вот же искуситель. Она закусила губу и потянулась к нему, но он отпрянул.

— Нет. Держись за изголовье.

— Не хочу. Хочу касаться тебя.

Он поймал ее за руку и заставил взяться за железную спинку кровати.

— А я не просил. — И повторил то же самое с другой рукой. — Не заставляй тебя привязывать.

Привязывать? Лена содрогнулась от предвкушения, но, подумав, все же подчинилась.

— Отлично. Только не тяни.

Уилл склонил голову, поцеловал ее в ключицу и тихо засмеялся:

— Ты не в том положении, чтобы требовать.

— Я...

Он втянул в рот сосок и Лена вскрикнула.

— Тебе нравится? — Уилл посмотрел на нее с дьявольским блеском в глазах, обводя языком набухший бутон. *«И с каких это пор он стал таким игривым?»*

Она облизала губы:

— Миленько. Наверное.

Он поцарапал зубами мягкую кожу. Раскаленное добела желание застило Лене взор. Когда она снова смогла вздохнуть, Уилл рассмеялся:

— Я же говорил держаться за спинку.

И тут Лена поняла, что вцепилась ему в волосы.

— Готов поспорить, что ты их там не удержишь.

Поджав губы, она схватилась за перекладину.

— Спорим, что смогу. А что, если я выиграю?

— Хм. — Уилл снова обвел языком сосок. — Если выиграешь... может, я позволю тебе оказать мне ответную услугу.

— Привязать тебя? — Лена втянула воздух, руки задрожали. Было невероятно сложно мыслить связно. — А если проиграю?

— Тогда будешь слушаться меня целую неделю.

Лена приподнялась с подушки:

— Ни за что.

— Тогда не отпускай изголовье, что бы ни случилось.

Опустив голову, Уилл проложил дорожку поцелуев до другой груди. Тело словно пронзило молнией, сродни тех, что Эшелон хранил в лейденских банках.

Лена вцепилась в изголовье, приподнимая бедра и отчаянно моля о чем-то большем. Кожа между ног повлажнела от желания, и ее аромат пропитал воздух. Уилл наверняка это почувствовал.

— Дыши, — сказал он, самодовольно вытирая рот. — Станет лучше.

— Лучше?

Он невесомо погладил ее бедро, покрыл поцелуями живот, и Лена затаила дыхание. Маленькие белые точки танцевали перед глазами.

— Уилл!

Зарывшись носом в черные кудряшки меж бедер, он раздвинул ее ноги шире.

— Я немало слышал о том, что нравится женщинам. Хотя опыта нет. Тебе судить, как я справляюсь.

Он обхватил губами чувствительную влажную плоть, и Лена округлила глаза и вскрикнула:

— Уилл!

Он вошел языком глубоко в ее лоно, оцарапал щетиной сверхчувствительную кожу. Лена снова ахнула. Боже милостивый! Что он делает? Откуда это знает? Уилл переместился выше и принялся посасывать нежный бутон.

Лена проиграла пари.

Она вцепилась в плечи Уилла, выгибаясь навстречу, пока он ласкал языком ее нежную плоть.

— Не останавливайся! — Она подалась вперед, пытаясь теснее прижаться к его губам. — О боже! Не смей останавливаться!

Восхитительное напряжение росло по спирали. *«Так близко... еще немного...»*

Лена закричала. А Уилл все ласкал и ласкал ее, усиливая ощущения. Наконец эмоции схлынули, и он поднял голову, глядя на Лену темными веселыми глазами. Она перевернулась на бок, сотрясаясь от непроизвольных спазмов и отчаянно ловя ртом воздух.

Уилл погладил ее кончиками пальцев по бедру. Мышцы дернулись под его прикосновением.

— Лена, — позвал он, целуя. — Тебе понравилось?

— Очень понравилось, но сейчас я ни в чем не уверена, — прохрипела она. — У меня просто весь мир перевернулся.

Уилл рассмеялся и произнес хриплым шепотом:

— Ты изумительна на вкус.

Затем пристроился рядом, отодвинул ее руку и обхватил сосок губами.

Слишком много, слишком скоро. Однако и теперь Лена не смогла его оттолкнуть. Лишь перевернулась на спину и обхватила ногами.

— Ты все еще в брюках.

Уилл перехватил ее руки, завладел ртом, и Лена почувствовала свой вкус на его губах.

— А ты проиграла пари.

— Кажется, ты поднабрался опыта в поцелуях, — прошептала она, касаясь его языка своим.

И подпрыгнула, когда негодник ущипнул ее за ягодицу.

— Сначала обзываешься застенчивой невестой, а теперь сомневаешься в моем умении целоваться? — Схватив ее за бедра, Уилл перевернулся на спину и усадил Лену сверху. — Раз ты такая опытная, я позволю тебе вести.

Она погладила его по голой груди. Уилл завел руки за голову, всем видом показывая, что отдыхает.

— Мне, кстати, нравится, что ты ни с кем прежде не целовался, — внесла Лена ясность. — Я в восторге, что первая у тебя. И намереваюсь стать последней. — Последние слова она тихо прорычала.

Затем расстегнула пуговицы на штанах, и натягивавший ткань член буквально выпрыгнул ей в руки.

Лена едва могла сомкнуть пальцы на такой громадине. Жемчужно-белая капелька блестела на набухшей головке, опоясанной выпуклыми венами.

Лена не знала, что делать. Все уроки по плотским правам тут же вылетели из головы.

— Давай вот так, — сказал Уилл, заметив ее беспомощность, взял за руки и обхватил ими член.

Лена облизнула губы и осторожно погладила его. Глаза Уилла остекленели. Он запрокинул голову, беззвучно оскалился и схватился за изголовье. Крепкие мышцы на руках натянулись.

— Тебе нравится? — прошептала Лена, осторожно лаская его.

— Сильнее.

Она сжала его крепче и начала водить ладонью по шелковистой и скользкой коже. Лена

не могла оторвать взгляда от искаженного в экстазе лица Уилла, наслаждалась его стонами. *«И это я тому причиной»*. Мысль опьяняла, а вместе с ней пришло вдохновение.

Несколько лет назад Лена видела на картинках, как доставить удовольствие мужчине, и кое-что запомнилось...

Она наклонилась и лизнула щель на пульсирующей головке члена. Уилл задвигал бедрами, бессвязно постанывая. Лене так понравилось, что она жадно взяла его в рот, чувствуя солоноватую смазку на языке.

Уилл стиснул ее волосы, чуть нажал на затылок, а сам подался навстречу, наполняя рот и горло членом. Затем чуть приподнялся, чтобы посмотреть.

— Боже, Лена. Так чертовски хорошо. — Он упал на постель и попытался сдержать Лену. — Тебе надо остановиться.

— Не хочу. — Она облизала крошечную щель на головке.

«Я ведь только начала выяснять, что тебе нравится...»

Мир перевернулся. Уилл схватил Лену за бедра и чуть приподнял.

— Не могу. Мне нужно оказаться внутри тебя.

Кончик его толстого члена начал проникать внутрь.

Лена ахнула, почувствовав, как ее лоно неумолимо растягивается. Боль обжигала. Невозможно. Он слишком большой.

Будто ощутив ее неудобство, Уилл замер.

Его лоб блестел от пота, мышцы рук дрожали.

— Я пытаюсь. Пытаюсь сдержаться.

И он это сделает. Перестанет, если решит, что причиняет ей боль. Сдержит свой порыв, снова запрет инстинкты в клетку. В его глазах блестел голод, истинная потребность овладеть, но ради нее Уилл остановится.

Лена опустила на него, поражаясь незнакомым ощущениям. Он зашипел, стискивая ее бедра. Лоно пронзила боль.

Лена ахнула, упав на Уилла, настолько полная им, что не знала, где начинается она и заканчивается он. Боль пульсировала в месте их единения, однако с ней пришло удовлетворение от того, что наконец Лена в объятиях любимого и приняла его в свое тело. Она сделает все, заплатит любую цену, лишь бы принадлежать ему.

Уилл погладил ее по спине:

— Черт побери, Лена, я не хочу причинять тебе боль, но ты такая замечательная, такая тугая.

— Боль уходит, — прошептала Лена, приподнимая голову.

Неприятные ощущения сходили на нет, а волчий вирус исцелял ее. В глубине души ей хотелось сохранить эту боль, оставить как знак принадлежности ему?

Уилл дернул бедрами, застонал и откинулся на подушку:

— Прости, не могу...

Лена поцеловала его в грудь, дрожа всем телом.

— Тогда не останавливайся. Я хочу быть твоей.

Он приподнял бедра, заставив ее ахнуть. Лена снова попыталась сжать его глубоко внутри себя. Ее тело инстинктивно знало то, чего не понимал разум.

Уилл стиснул ее ягодицы и толкнулся вверх.

Боль прошла, и на ее место пришло возбуждение. Наконец Уилл принадлежал ей, и она никогда его не отпустит. Он помогал ей найти нужный ритм. Каждое плавное движение

подводило ее все ближе к манящему краю.

Уилл приподнялся с подушки и завладел ее губами. Член вошел еще глубже, так, что основание терлось о влажные складки. Лена напряглась, вскрикнула, но сладкая пытка продолжилась. Поцелуй. Глубокие толчки плоти. Уилл обхватил ее затылок и заставил запрокинуть голову, вонзая зубы в мягкую плоть трапециевидной мышцы. Ставя метку, овладевая и доводя до ручки.

Лену охватил экстаз. Она сжала член мышцами, и Уилл застонал, его движения замедлились, стали еще глубже. Наконец он вскрикнул и содрогнулся.

Несколько минут Лена просто пыталась отдышаться. Она никогда еще не чувствовала себя в такой безопасности, в таком покое, чем в эту минуту в его объятиях.

Кожа Уилла была скользкой от пота, их сердца колотились в унисон. Она медленно подняла голову. Уилл задрожал. В его ярких, как медные монетки, глазах плескалась неуверенность.

— Я сделал тебе больно?

Лена улыбнулась и прикусила его ухо. Тело немного ныло от соития. И это ей очень нравилось.

— Нет.

Уилл нежно погладил ее по лицу:

— *Mo chridhe*, ты такая узкая.

Она прижалась щекой к его ладони. *Mo chridhe*. Лена помнила, как Уилл шептал ей эти непонятные слова среди прочих, когда она горела в лихорадке.

— Что это значит?

— Малышка. — Уилл улыбнулся, но в его теплом взгляде мелькнуло напряжение.

— Я тебе не верю.

— Не веришь?

Она поцеловала его в ладонь:

— Не верю.

Уилл усмехнулся, лег и притянул Лену себе на грудь. Он так и не вышел из нее.

— Спи, — попросил с удовлетворенным зевком и, полуприкрыв глаза, добавил: — Пока не соблазнила меня снова.

Через некоторое время Уилл проснулся, перевернул ее на живот и укусил в шею. Лена сонно моргнула, а он уже раздвигал ей ноги. На сей раз не было нежности. Что бы его ни разбудило, Уилл утолил желание, наполняя ее, овладевая. Он ласкал Лену с таким отчаянием, что после она, задыхаясь, упала на кровать, а тело все еще покалывало от оргазма.

А потом все повторилось снова. Всего несколько часов спустя, когда небо потемнело с наступлением вечера. Уилл вдавил ее в матрас, глядя на нее сияющими медью глазами, поддавшись дикой стороне своей натуры.

У Лены внутри что-то зажглось. То, чего она прежде не чувствовала. Они целовались, кусались, обладали друг другом, отчаянно стараясь оставить свой след, отпечаток на коже. Ощувив поднимающуюся внутри тьму, Лена оцарапала спину Уилла, крича от удовольствия.

Она сбилась со счета, сколько раз он овладевал ею. Мир пропал, сконцентрировавшись

на коже, поту, семени, движениях его тела и ее признаниях. Где-то перед рассветом оба упали без сил, дрожа от усталости.

Уилл вылез из постели и разогрел для Лены тарелку рагу. Она жадно съела две порции и вновь рухнула на кровать. Там едва хватало места на двоих, но Уилл обхватил Лену, натянул на них одеяла и зарылся носом в ее волосы. В глубине души ей нравилось, что кровать маленькая.

— Спи, — прошептал он, как будто не сам виноват в ее бессонной ночи.

Лена прижалась к нему, прикрывая веки.

— Только... если позволишь...

И уснула до того, как успела закончить предложение.

Лену разбудил резкий стук в дверь. Подняв голову с теплой подушки — с груди Уилла, — она сонно моргнула. Несмотря на две миски рагу, желудок урчал будто после недельного голодания.

Уилл напрягся:

— Не шевелись.

Затем скатился с кровати и натянул брюки. Лена лениво наслаждалась зрелищем, ей хотелось провести ногтями по его голым ягодицам. Когда-то вервильфен казался ей слишком громоздким и грубо сбитым, но она ошибалась. Уилл был идеальным. Сплошные литые мышцы под бронзовой кожей. Рядом с ним бледные голубокровные с подкладками на плечах терялись.

На брюках Уилла не хватало одной пуговицы — без сомнения, результат Лениного вчерашнего рвения. Он раздраженно зыркнул на нее и подошел к двери. Лена села, искала ночную рубашку и тут заметила кучку белого льна у порога. Завернувшись в простыню, она закрепила ткань на груди и попыталась расчесать колтуны.

Тогда-то дверь и задрожала от яростных ударов.

— Иду, — пробурчал Уилл и резко открыл.

В квартиру ввалилась бледная Онория со сверкающими от ярости глазами.

— Ты меняпустишь! Хватит! Я хочу ее увидеть! Она и моя тоже, слы... — Она заметила Лену и с тихим всхлипом поднырнула под вытянутую руку Уилла. Встав на колени, Онор обняла и притянула к себе сестру.

— Я отправил тебе сообщение, — пробормотал Уилл незваной гостье.

Лена глубоко вздохнула, наполняя легкие знакомым запахом.

— Я в порядке.

Онория разрыдалась.

Блейд неторопливо вошел и пожал плечами:

— У тебя было пять дней. Больше я не мог ее сдерживать.

Уилл попытался закрыть дверь, но в квартиру с радостной улыбкой прошмыгнул Чарли. При виде Лены он посерьезнел и озадаченно нахмурился:

— А чего ты без одежды?

Лена покраснела и помогла Блейду поднять Онорию.

— Дай мне время помыться и привести себя в должный вид.

Схватив рубашку, она бросилась в ванную.

Всего минуту спустя, Уилл встревоженно последовал за ней.

— Слишком много родни? — Он окинул взглядом ее обнаженное тело и взял тряпочку для мытья. — Я тут побуду минутку. Дай помощи.

Лена тихонько вскрикнула, когда он провел импровизированной мочалкой ей между ног.

— Уилл! Не смей!

Она забрала у него тряпицу, быстро помылась и снова облачилась в ночную рубашку.

— Ты не принес мне ничего из одежды?

— Ваще-то, я не собирался тебя одевать.

Уилл пощекотал ее ягодицы.

Перехватив шаловливую руку, Лена окинула его сердитым взглядом:

— Ты сегодня в очень хорошем настроении.

Он приблизился, обдавая дыханием ее шею:

— Ну да. Спинку потрешь?

— Тогда мы тут надолго застрянем.

— Знаю, — ответил Уилл и обхватил ее бедра.

Лена оттолкнула любвеобильного вервильфена и еле слышно пробормотала:

— Моя семья в соседней комнате, так что спасибо, но откажись. Мойся и одевайся. — И пользуясь случаем, поднырнула под его руку и выскользнула за дверь.

Где Онория вытирала глаза.

Лена подвела ее к креслу и велела, толкая в плечи:

— Садись. — Казалось странным приказывать старшей сестре. Склонившись, Лена поцеловала ее в мокрую щеку. — Не унывай, я в порядке.

— Правда?

Обернувшись в одеяло, чтобы прикрыть тонкую ночную рубашку, Лена кивнула:

— Я мало что помню. Только твой голос. Спасибо, что присмотрела за Уиллом.

Онория переглянулась с Блейдом:

— Он не особо позволял. Почти похитил тебя.

Господин налил воду в побитый старый чайник:

— Милая, те надо ее када-нибудь отпустить.

Онория поджала губы.

— Мне уже двадцать, — с улыбкой напомнила Лена.

— Ты все еще моя младшая сестра.

— И теперь могу победить тебя одной левой.

Сестре явно не понравилось это напоминание о вирусе. Лена рассмеялась и села на край постели. В этот момент вошел Уилл, поправляя рубашку. От воды его золотистые волосы потемнели, а ресницы слиплись. Лена затаила дыхание от привлекательности любимого.

— Кхм. Скажи, шо мы были не такими приторными, — проворчал Блейд.

Только тут Чарли и округлил глаза:

— Вот чо ты тут! Ты с Уиллом? Потрясающе! Када это произошло?

— Чарли, не проглатывай буквы, — попросила брата Онория.

Тот закатил глаза:

— Да, мэм. — И стукнул Уилла в плечо. — Вот это да! Еще один мужчина в семье. Слава богу, не из тех напыщенных голубокровных из Эшелона. Не думал, что те хватит здравого смысла выбрать нормального парня.

— Ну да, вряд ли в ближайшее время они мне обрадуются, — заметила Лена.

Чарли посмотрел ей в глаза:

— А как по мне, красиво.

— Ой, спасибо. — Она рассмеялась, затем поняла, что Блейд и Онория обменялись одним из тех долгих красноречивых взглядов. — Что такое?

— Трижды приходил Лео, — пояснила Онория. — Принц-консорт желает знать, почему Уилл не выполняет свои обязанности, и требует присутствия Лены. Лео пытается его успокоить.

— Завтра подписание мирного договора, — напомнил Блейд. — Если, канешн,

норвежцы придут на прием.

Уилл властно положил руку на плечо любимой.

— Им нельзя показывать Лену. Наказание за распространение волчьего вируса — смерть.

Лена вскинулась:

— О чем ты? — Перевела взгляд на Блейда. — Они же не накажут Уилла?

— Нет, если это зависит от меня. — Господин посерьезнел. — Слишком поздно прятаться. Принц-консорт уже знает. Кажись, ему рассказала леди Астрид. Не посчитала это чем-то из ряда вон выходящим.

— Они не осмелятся. — Лена пришла в себя и поплотнее завернулась в одеяло. — Не рискнут ссориться со скандинавами, пока не подпишут договор. Уилл, твой единственный шанс — прийти завтра и форсировать события. Пусть принц-консорт при всех признает то, что со мной случилось, ему надо будет сохранить лицо перед иностранцами.

Уилл сердито посмотрел на нее:

— Я не возьму тебя в Эшелон. Союз с норвежцами пока под вопросом, а вокруг нас куча бледных червей. Нет, я не рискну, пока договор не подписан, а твоя безопасность не обеспечена законом.

— Они не изменят закон, если норвежцы не подпишут договор. Думаешь, они согласятся?

Он помолчал.

— Астрид и Эрик помогли нам, но не им решать. И я не думаю, что фенрир руководствуется зовом сердца. Он точно знает, как сыграет и почему.

— Тогда надо убедить его в обратном, — серьезно предложила Лена. — Знаю, ты не хочешь подвергать меня риску, но я не собираюсь сидеть и ждать, когда на кону твоя голова!

— Нет.

— Ты обещал, что мы будем работать вместе...

— Но если это опасно...

— Опасно для тебя, а не для меня!

— Ты не понимаешь. На тебя никогда не плевали и не прятали от тебя детей. Ты никогда не сидела в клетке, пока голубокровные презрительно ухмыляются, намекая, где твое место. Я пытался рассказать тебе. Этот другой мир, и мне так жаль! Я попытаюсь заставить их подписать договор, но не стану рисковать тобой. Только не снова. Я не вынесу, если потеряю тебя. Ты же знаешь.

Лена глубоко вздохнула. Спорить с ним бесполезно. Ей надо мыслить логически, чтобы получить согласие Уилла.

— Ты не знаешь Эшелон. Не представляешь, какие там опасности. Ты их не заметишь, потому что сам в такие игры не играешь, они застанут тебя врасплох. — Он открыл рот, но Лена поспешила закончить: — Уилл, там не будет ножей, кулаков и драк в темных переулках, лишь словесные баталии. Ты даже не поймешь, что попал впросак, пока не увязнешь по самую шею. Я тебе нужна. Я знаю этот мир и как играть по его правилам.

— Я не рискну тобой.

— Если ты не справишься, то погибнешь, — прямо ответила она. — И меня будет некому защищать. В особенности по закону.

Уиллу это не понравилось.

— Черт побери, Лена...

— Ты знаешь, что я права.

От напряжения он стиснул зубы и закатил глаза. Затем понурился, и Лена поняла, что добилась своего.

— Ты от меня на шаг не отойдешь, ни на минуту. Если кто-то попытается на тебя напасть, я их убью.

— Я тебе верю, — прошептала она. Чувствуя, насколько он расстроился, что придется, вопреки всем своим инстинктам, позволить ей в этом участвовать, она погладила его руку. — Спасибо.

— Не думал дожить до этого, — рассмеялся Блейд и хлопнул Уилл по спине. — Дружище, ежели девчонка обводит тебя вокруг пальца, ты попал.

— Не смейся, — предупредила Онория. — Пора стряхнуть пыль с твоей парадной одежды и заявиться туда. Мы поможем защитить Лену.

Блейд поморщился:

— Ага. Эшелон прямо обрадуется.

Лена выскребла остатки супа из миски и печально посмотрела на дно. Она уже съела половину пирога с почками, тарелку рагу, два куска хлеба, а теперь суп. И все еще не насытилась.

Остальные спорили в гостиной Блейда о том, как завтра убедить скандинавов подписать мирный договор. Уилл хмуро посмотрел на нее, а потом на миску.

— Еще?

Лена покачала головой:

— Не стоит.

Не обращая внимания, он забрал миску и подошел к супнице.

— Ты должна поддерживать силы.

— Я потолстею.

Уилл пожал плечами и наполнил миску.

— Вряд ли, но для меня это неважно.

Миска грела ее руки почти так же, как его слова — душу. Лена посмотрела на бульон. Всю свою жизнь для большинства мужчин она была всего лишь хорошеньким личиком. Папочкиной принцессой. В Эшелоне — нарядной куклой.

Только Уилл видел в ней нечто другое, нечто большее.

В дверь постучали, и вошла Эсме. Блейд развернулся.

— Прости, — пробормотала она с веселой улыбкой. — У меня письмо для Лены.

— Лены? — Уилл выпрямился.

Лена хмуро взяла письмо. Кто обратился бы к ней здесь? Единственный, кто знал о ее регулярных визитах, — Лео.

Подцепив ногтем краешек, она вскрыла конверт. В нем находилась лишь прядь, аккуратно перевязанная ленточкой.

Светлая шелковистая прядь.

И пахнет как Чарли.

Лена застыла и хрипло выдавила:

— Кто его передал?

Все в комнате застыли, чувствуя ее страх. Эсме облизнула губы:

— Всего пару минут назад приходил мужчина и сказал, что у него письмо для тебя.

Блейд подошел к окнам и отодвинул штору:

— Как он выглядел?

Эсме, запинаясь, ответила что-то невнятное. Уилл забрал у нее прядь и понюхал. Затем посмотрел на Чарли и вскинул бровь.

Лена отставила миску. Аппетит пропал. Она точно знала, что это значит. Мол, ты не сделала то, чего от тебя ожидали. Кто-то хотел не допустить подписания договора, а Лена никак не продвинулась в эту сторону.

— Что такое? — спросил Уилл.

Она покачала головой и встала. Горло перехватило. Должно быть, тот, что напал на нее в Вороновой башне. Если он мог достать Чарли тут, подойти настолько близко, чтобы отрезать прядь...

Лена застыла, сжимая юбки. Что делать? Если сорвать договор, она рискует жизнью Уилла. Но если она этого не сделает...

— Лена? — Уилл погладил ее по спине.

Все на нее уставились.

— Я... я...

Уилл ее возненавидит. Она вспомнила его недавнюю улыбку.

— Это ведь волосы Чарли? — прошептала Онория, глядя на прядь. — Лена, что происходит?

Рассказать им и рискнуть потерять любимого... Нет, это эгоистичная мысль. Желудок сжался. На кону жизни Чарли и Уилла. Ей не под силу со всем разобраться.

Лена понурилась.

— Прядь Чарли. Это... Я не могла вам рассказать: мне угрожают. Из комнаты брата украли заводного солдатика. Утверждали, что если я не помешаю заключению договора, они причинят ему боль. — Теперь слова лились потоком. — Я думала, если сделаю то, что приказано, все будет в порядке. Но не смогла. Ведь тогда бы лишила тебя свободы...

Уилл поморщился, будто она его ударила. Лена поежилась и схватила его.

— Мне так жаль. Я вовсе не собиралась, не хотела...

Он поднял руку, и она вздрогнула. Уилл застыл, медленно взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Тебе угрожали? — Он говорил опасно тихо.

Лена задрожала.

— Я сказала им, что больше этим не занимаюсь.

Уилл нахмурился:

— Лена, я не сделаю те больно. Отправлю кое-кого башкой в стену, но тебя в жизни не обижу.

Нахлынуло внезапное облегчение. По щеке покатилась горячая слезинка.

— Я думала, ты разозлишься на меня...

— Боже. — Он обнял ее крепче, прижимая к груди. — Больше никаких секретов между нами. Обещаешь?

Лена кивнула, вдыхая знакомый запах.

— Ты моя, вместе с глупыми идеями и всем остальным.

Убрав липкие волосы с ее лица, Уилл наклонился и прижался к ней губами. Она

отчаянно ответила на поцелуй.

Позади них раздалось покашливание.

— А что происходит? — спросила Онория.

Все четверо уставились на Лену. Блейд поразмыслил и прищурился:

— Кто-то пришел сюда и украл игрушку Чарли? И его прядь?

Юный Тодд прижал руку к голове, будто искал, где не хватает волос.

Уилл глубоко вздохнул:

— Лена? Можешь рассказать им. Блейду надо знать, если мы хотим обезопасить парнишку.

Она взяла Уилла за руку и посмотрела в глаза Онории:

— Обещай, что не будешь кричать.

Сестра сложила руки на груди:

— Не собираюсь давать обещание, которое могу нарушить.

Вот и расплата за секреты. Лена расправила плечи и все рассказала.

Когда она закончила, присутствующие смотрели на нее во все глаза. Онория поджала губы, но хотя бы не кричала.

— Гуманисты. Как ваш отец? — тихо уточнил Блейд.

Онория резко кивнула.

— Это как-то связано с тем кодом, который Уилл просил меня расшифровать?

Лена с облегчением вздохнула:

— Да. Я считала, что там только время и место встреч. Сухие сведения.

Ее надежде не суждено было прожить долго. Онория отвела взгляд:

— Я пыталась использовать шифр автоповтора, но совершенно запуталась, так что спросила Лео. У его коллеги лорда Балфура есть замечательная машина, основанная на одной из незаконченных схем Чарльза Бэббиджа. Электромеханическая шифромашина...

— Сообщение, — перебил Блейд с легкой улыбкой.

— *«Проект «Жар-птица» отменен. Подозреваем диверсию изнутри. Откладываю и жду дальнейших указаний. Мехаюидов снова прижали. Жду дальнейших указаний».*

— Что это значит? — спросила Лена.

Онория пожала плечами.

— *«Жар-птица».* Сливзаводы? — предположил Уилл.

— Но Роз... Меркурий утверждал, что не имеет к тем пожарам никакого отношения.

— Значит, она солгала. Или кто-то другой передает эти сообщения от имени гуманистов.

— Чертова политика, — пробурчал Блейд.

Онория нахмурилась:

— А я хочу знать, почему вы держали все в секрете. Почему не рассказали нам?

— Я же говорила, что не понимала... — заикаясь, пробормотала Лена.

— Не ты, я к нему обращаюсь. — Онор пронзила взглядом Уилла.

Тот посмотрел на Блейда и отвернулся:

— Думал, что справлюсь.

Она прищурилась и оглядела мужчин:

— Что происходит?

— Ничего, — буркнул вервильфен.

Блейд посмотрел на жену и, защищаясь, сложил руки на груди:

— Уилл не хотел, чтобы я связывался с Эшеломом.

— Но ты уже...

— Я снова пью кровь других людей, — вдруг выпалил господин. — Поэнтому уровень вируса больше не опускается.

Онория изумленно открыла рот.

— Но... но почему? Моя привитая кровь тебя излечивала. Если бы ты продолжил, вирус бы пропал полностью. Ты мог бы стать...

— Человеком, — прошептал Блейд, выглядя будто приговоренный к плахе. — Вирус больше мне не опасен, милашка, но я уже не так быстр и силенок маловато. — Он поморщился. — Довольно, что мне больше не грозит Увядание. Не могу позволить себе слабеть. Иначе Эшелон накинется на нас, как свора бешеных псов. Уилл пытался этого избежать.

Онория беспомощно посмотрела на мужа, в ее глазах заблестели слезы.

— Почему вы от меня все скрываете? — Она с упреком посмотрела на Лену. — Неужели я такая страшная, такая несносная, что вы все боитесь мне открыться? Я же хочу как лучше для вас.

Блейд резко выдохнул, будто опасался худшего:

— Не в этом дело, милашка. Не хочу тебя разочаровывать. Ты так желала мя вылечить.

— Я ведь не упертая дура.

— Ты слишком умна, — робко улыбаясь, пояснил Блейд. Затем погладил пальцы жены, и она повернула к нему ладонь, принимая ласку. На его лице появилось облегчение.

— Ну что ж, раз уж мы тут сегодня делимся секретами, — вздохнула Онория и, положив руку на живот, выпалила: — Я беременна.

Блейд побледнел, на мгновение став похожим на себя три года назад, когда ему грозило Увядание.

— Онор? — прошептал он со смесью ужаса и радости.

В груди у Лены потеплело от восторга.

— Ты уверена? — спросила она, схватив сестру за руки.

— Сегодня была у повитухи. — На глазах Онор вновь заблестели слезы.

Лена обняла ее, чувствуя, как в груди разгорается счастье.

— Ты это заслужила и будешь замечательной матерью. — И не удержалась от грустной усмешки. — У тебя с нами опыта хоть отбавляй.

Эсме обняла сестер. Через плечо Онории Лена заметила, как Блейд, пошатываясь, держится за кресло. Чарли с улыбкой обнял его. Даже Уилл повеселел.

— Кровавый ад! Эт... эт потрясающе, — пробормотал Блейд и заключил Онорию в объятия.

На следующий день Лена, стоя перед зеркалом, глубоко вздохнула и разгладила на бедрах тафту цвета баклажана. В отражении она увидела незнакомку: в корсете и турнюре, с элегантными перьями в прическе и красивыми механическими брошками на груди, которые сделала сама. Маленькие крылышки стрекозы ритмично трепыхались, и Лена знала, что тем самым отвлечет внимание от своих глаз.

Уилл сказал, что они изменятся, а медные кольца у зрачков в конце концов

распространятся на всю радужку. Лене они нравились. Красавица в зеркале больше не была беспомощной. Больше не была добычей.

Она улыбнулась отражению, чуть оскалившись. Да, так лучше. Теперь она похожа на себя. Ей надоело бояться, а поделившись тайнами, она сняла ношу с плеч. Блейд усилил охрану Логова, а Чарли жив и невредим. К нему никто не подобрется.

Осталось лишь заключить договор.

Лена прищурилась. С каким удовольствием она разрушит планы незнакомого противника.

В открытую дверь постучал Лео:

— Готова?

Он настоятельно предложил себя в провожатые. Это не только заткнет рот сплетникам, болтающим о ее отношениях с Уиллам, но и высокий титул Лео послужит дополнительной защитой. Если загадочный преступник рискнет обидеть Лену, против него выступит Бэрронс. Вместе с Блейдом они оба собирались достать предателя.

— Ты уволил миссис Уэйд?

Вернувшись прошлой ночью в Уэйверли-плейс, Лена первым делом попросила Лео об этом. Довольно манипуляций и предательства. Мандевиль закончил внешнюю оболочку трансформационной машины и забрал утром внутреннюю часть. Изобретатель принес искренние извинения, но Лена решила, что еще долго не сможет ему доверять.

— С рекомендациями. — Лео мучило любопытство, но он сдержался.

Они с Леной никогда не были особо близки. Лео защищал младшую сестру и проводил по опасным водам Эшелона, но всегда держал дистанцию. Если честно, то так же он обращался и со всем миром.

— Спасибо, — прошептала она, встав на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. — За все, что ты для меня сделал. За то, что взял меня под свое крыло, когда я не знала, что делать в жизни.

После недолгого молчания Лео загадочно приподнял бровь и отпрянул, покраснев.

— Кажется, ты прощаешься.

Она кивнула:

— Я знаю, где теперь мое место.

— С Уиллом.

— Откуда ты?..

— Лена, — сказал он сухо, — волчий вирус распространяется несколькими способами. Я даже не хочу представлять, как ты его подцепила, раз уж ты моя...

— Твоя сестра, — подсказала Лена.

Он глубоко вздохнул:

— Я никогда не смогу открыто назваться твоим братом. Ты ведь знаешь. Это все, что я способен тебе дать.

Всегда такой непреклонный и отстраненный. Она хитро улыбнулась:

— Знаешь, ты скоро станешь дядей.

Лео бросил взгляд на ее живот.

— Нет, я не про себя, — рассмеялась Лена.

Недоверчивая гримаса сломала извечное хладнокровие Бэрронса.

— Господи! Он размножается.

— Он — твой зять, — напомнила ему Лена. — Если повезет, ребенок будет его точной

копией.

Ужас сменился расчетливым выражением.

— Да, — прошептал Лео с улыбкой на губах. — Вот это было бы достойной карой.

Он расхохотался и смеялся всю дорогу до кареты.

Паровые экипажи высаживали своих пассажиров на вымощенном булыжниками внутреннем дворе у Башни из слоновой кости. Лена приподняла юбки и осмотрелась в поисках Уилла. Вокруг бушевал настоящий шквал ярких зонтиков и элегантных шляп. На балу дебютантка, ищущая покровителя, должна была одеваться в белое, а вот днем проявлялась живая сущность Эшелона.

— Где Уилл?

— Я не вижу экипажа Блейда, — прошептал Лео. — Возможно, они еще не приехали. Улицы загружены.

Тут Лена заметила держащуюся поодаль группу у лестницы.

— Вон норвежцы. — Открыв зонтик, она расправила плечи. — Я поговорю с ними, пока мы ждем.

— Лена...

Со счастливой улыбкой она повернулась и наткнулась на кого-то. Юбки запутались, и Лена невольно схватила другую женщину за руку.

Адель округлила зеленые глаза и резко отвернулась.

— Простите, — прошептала она, пытаясь обойти Лену.

Та сжала ее руку:

— Прошу, Адель, не надо.

На лице подруги промелькнула боль.

— Не могу. Отец скоро подпишет мой контракт трэли с лордом Эбегнейлом.

— С тем старым козлом?

Адель осмотрелась:

— Нельзя, чтобы нас видели вместе. Ты же знаешь, какие они. Это мой последний шанс.

— Адель, поговаривают, что он забил свою последнюю трэль до смерти!

Подруга побледнела.

— Думаешь, я не знаю? — Она отвернулась, и Лена заметила у нее на шее тяжелое жемчужное кольцо.

— Почему это на тебе?

Адель покачала головой:

— Неважно.

— Расскажи. — Лена хотела подвинуть украшение, но Адель умоляюще сжала ее пальцы.

— Они считают меня легкодоступной. Колчестер застал меня одну...

— Колчестер? — прошипела Лена. — Что он с тобой сделал?

— Сказал, что раз мне так понравилось с Кэвендишем... Я не могла его остановить. Вот поэтому мне нужен Эбегнейл. Он богат и дает своим трэлям все, что они желают.

— Чтобы загладить вину за избиения.

— Мне все равно. — Адель сжала руку Лены. — Если стрясу с него достаточно

драгоценностей, смогу их заложить. Может, достану денег, чтобы сбежать. В Америку, в Нью-Йорк.

Сердце сжалось. Наказание за нарушенный контракт трэли — смерть.

— Они тебя найдут.

Адель поникла, будто эта весть лишила ее последней надежды.

— Тогда я останусь с Эбегнейлом столько... сколько смогу.

Так нечестно. Лена обретет свободу, если убедит норвежцев подписать мирный договор. А Адель нет. Как и все те молодые женщины, что обмахиваются верами на площади, кокетничая и отчаянно пытаюсь привлечь покровителя.

— Откажи ему, — сказала Лена, снимая перчатку. Сняв с пальца рубин, она сунула его Адель. — Внутри есть средство, способное обездвигнуть голубокровного. Вот так. — Лена быстро нажала на шип и показала подруге, что делать. — У тебя есть шанс убежать, если кто-то снова попытается причинить тебе боль.

Яростный свет мелькнул в глазах Адель и пропал.

— И что потом?

Черт побери этот мир. Лене хотелось кричать от несправедливости.

— Если тебе будет нужна помощь, можешь обратиться ко мне или к Лео. Скажешь ему, что тебя прислала я. — Тут ее осенило. В голову пришел способ защитить таких, как Адель, которые не могли сопротивляться. — Вот, что я сделаю: открою дом, место для оказавшихся в беде молодых девушек. Где бы никто их не мучил и не заставлял покоряться. Место, где они могли бы оставаться столько, сколько хотят, пока мы не устроим им новую жизнь.

Адель уставилась на нее:

— И как они сбегут?

— Я заведу новую моду на рубиновые кольца.

Подруга опустила взгляд на камень, сияющий на ее пальце.

— Мне нравится, — прошептала она, и на ее лице снова расцвела надежда.

— Адель! — Миссис Гамильтон схватила дочь за другую руку и посмотрела на Лену, будто на незнакомку. — Пойдем. Лорд Эбегнейл хочет полюбоваться твоим новым красивым ожерельем.

— Не принимай пока решения, — взмолилась Лена.

Потом Адель пропала в толпе, а Лена осталась, лелея в сердце новую мечту.

Провернуть такое — значит пойти против голубокровных, которые наслаждались игрой. Также надо пережить завтрашний день. Заставить принца-консорта признать Уилла и выполнить свое обещание изменить законы.

Она решительно посмотрела на норвежцев.

Они увидели ее, и седовласый старик-фенрир прищурился. Он пошел на небольшую уступку ради события, но все еще носил заметную повязку на глазу и волчий мех, прикрепленный к плечу. Пара красивых молодых мужчин сняли меха и надели одинаковую темно-синюю униформу с рядом пуговиц по левой стороне груди с золотыми шнурами и эполетами. Лена узнала Эрика с развевающимися от ветра золотистыми волосами, стоящего в окружении дам.

Лена кивнула фенриру:

— Милорд.

— Значит, вы выжили, — прорычал тот в ответ.

— Выжила, — ответила Лена, не обращая внимания на его грубость.

Повернувшись, она поздоровалась с остальными присутствующими. Леди Астрид слегка улыбнулась. Ее светлые волосы блестели на фоне серебристого меха воротника.

— Было так больно, что сама удивляюсь, как быстро оправилась. Чувствую себя превосходно, — сказала Лена.

— Первая лихорадка — единственная опасность, — ответила Астрид. — Тело пытается отвергнуть вирус, тем самым подвергая риску человека. Однако когда температура спадает, вирус быстро исцеляет тело.

— Быстро, яростно и безудержно страстно. Напоминает одного моего знакомого, — задумчиво протянула Лена.

Астрид улыбнулась:

— Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем ты получишь полную силу. Ты будешь подвержена эмоциональным взрывам и резким перепадам настроения. Придется научиться ими управлять, если не хочешь кому-то навредить.

— Вспыльчивостью страдают и женщины-вервувльфены?

— Особенно женщины, — пошутил Эрик.

Астрид тяжело посмотрела на него:

— Кто бы говорил, ведь тебя столько раз бросали в море или привязывали цепями в клетке.

— Ведите себя прилично. — Магнус коснулся рук сына и племянницы и, прищурившись, бросил на кого-то голодный взгляд. — За нами следят.

Лена почувствовала, как ветер шевелит ее юбки, и проследила за взглядом Магнуса. Боевой молот наблюдал за ними с другого конца двора. С ним разговаривала герцогиня Казавиан, но не это привлекло внимание Лены. С другой стороны стоял герцог Ланнистер и сердито смотрел на нее поверх бокала с шампанским.

Колчестер.

Она не сознавала, что шагнула к нему, пока Астрид не схватила ее за руку. Внезапная обжигающая ярость чуть не поглотила Лену. Он ей угрожал, преследовал, почти убил. И потом попытался сделать то же самое с Адель. Глаза Лены застила мерцающая красная пелена.

— Дыши медленно и спокойно, — посоветовала Астрид. — Именно об этом я предупреждала. Ярость, неуправляемая потребность. Ты должна ее отпустить.

— Не хочу. — С этой яростью, льющейся по венам, Лена чувствовала себя сильной и неуязвимой. И боялась, что без нее будет как всегда робкой мышкой, удирающей от преследующего Колчестера.

— Ты до него не доберешься. Они сначала прирежут тебя, а потом нападут на нас. Ты же знаешь, что так и будет.

Фенрир положил тяжелую руку на плечо Лены, стараясь успокоить.

— Дышите. Вдохните. — Она послушалась, а он продолжал гипнотическим голосом: — На выдохе отпустите гнев.

Колчестер насмешливо отсалютовал ей бокалом.

Лена стиснула кулаки:

— Ненавижу его, как я его ненавижу!

— Нужно отпустить ярость, — приказал Магнус. — Дышите, мисс Тодд. А вот и ваш вспыльчивый молодой человек. — Он повернулся к экипажам. — Что он сделает, увидев, как вы расстроены?

Уилл порвет Колчестера на кусочки. Лена глубоко вздохнула. Этого она допустить не может.

— Простите.

— Мы понимаем вас лучше, чем кто-либо. — Суровое лицо Магнуса осветила краткая улыбка. — Отпустите свои гнев и ненависть. Пусть их смоеет вода или сдует ветер. Очиститесь, почувствуйте покой.

Закрыв глаза, Лена слушала успокаивающий голос. Ее плечи расслабились.

— По-моему, лучше убрать руку, иначе произойдет межнациональный конфликт, — пробормотал Эрик.

Тепло прикосновения Магнуса пропало. Лена открыла глаза и заметила идущего к ним Уилла вместе с Блейдом и Онорией.

Вервильфен облачился в коричневый кожаный жилет с медными пуговицами и роскошный длинный плащ, который на первый взгляд казался черным. Только приглядевшись, Лена поняла, что он темно-синий, будто полночное небо. Ветер шевелил спутанные золотисто-каштановые волосы Уилла.

Не обращая внимания на дам и голубокровных, перешагивая через две ступеньки за раз, он кинулся к ней. Лена невольно посмотрела вниз. Мягкие кожаные сапоги чуть выше колена украшала пара медных военных шпор, которые брэнчали по мраморным плитам.

Лена не могла ничего с собой поделаться. Ей надо было дотронуться до Уилла, погладить костяшками пальцев его бедро.

— Где ты их взял?

— Сапоги? Блейд подарил поутру.

— Стоило бы догадаться, — ответила Лена, оценивающе разглядывая обувь. — Плащ тоже?

— Мне повезло, что он всего лишь бархатный, — ответил Уилл. Его глаза потеплели от страсти и невысказанного желания.

Лена потянулась к нему, затем заставила себя остановиться. Сегодня им надо вести себя безукоризненно. И неважно, как сильно ей хочется схватить его за лацканы и притянуть к себе для поцелуя.

Блейд провел Онорию по лестнице, заботливо поддерживая за талию. Лена посмотрела на его блестящую кожаную куртку и ярко-красный сюртук.

— Ты прав.

Могло быть и хуже.

Онория с опытной легкостью очаровательно поприветствовала фенрира и его родичей. Не обращая внимания на их неприветливые взгляды, Блейд тоже поздоровался.

— Это твой хозяин? — прошептала Астрид Уиллу, глядя на Блейда с открытой неприязнью.

Господин фыркнул:

— Када эт его устраивает. Ежель нет, он посылает мя подальше.

— Значит, вы не из Эшелона, — пробормотал Магнус.

— Бледные черви. — Блейд подмигнул норвежцу и осмотрел толпу, словно хищник. — Глядите, как они шепчутся и удирают, будто им дохлого котяру подбросили. Не ждали меня.

— Мы нашли девчонку, что забрала солдатика Чарли и отрезала прядь, — прошептал Уилл на ухо Лене. — Одна из доноров. Сказала, мол, богатенький лорд ей заплатил. Тока лица ево не видала.

На нее нахлынуло облегчение.

— Она больше не представляет угрозы?

Уилл посуровел:

— Больше нет. Теперь Чарли пьет холодную кровь, а девчонку застрашали до чертиков.

— Это лучше, чем убить.

— Ага. — Он глубоко вздохнул и повернулся к фенриру. — Я должен извиниться. Той ночью я потерял самообладание. Мне не стоило врывать в ваш дом и чего-то требовать. Простите.

Магнус долго смотрел на Уилла.

— На моей родине, если один из фенрисульфров — или вервильфенов, как вы нас называете — вот так потерял бы самообладание, его бы посадили в клетку и выпороли кнутом. Это необходимо, чтобы научиться сдерживать берсеркерганг — ярость. Мы проявляем снисходительность во время весенних ритуалов, когда воин выбирает пару. Это тяжкое время. Инстинкты влияют на наши поступки. — Он медленно кивнул. — Не стоит извиняться. На сей раз я проявлю снисходительность.

— Только раз. Он не шутит, — повторил Эрик.

— Я бросил тебя через всю комнату, — сказал Уилл, чувствуя неловкость из-за добродушия норвежца. *«На его месте я бы уже схватил обидчика за горло».*

— Мне не стоило касаться твоей женщины. — Эрик пожал плечами. — Все хорошо. Я не злопамятный. — Его голубые глаза помрачнели. — И понимаю, что ты чувствуешь.

Послышались звуки рога. Разговоры затихли, и все повернулись к входу башни, готовясь к церемонии.

— Пора посмотреть на эту дурость, — пробурчал Магнус.

Астрид схватила Лену за руку:

— Мисс Тодд, можно с вами поговорить? С вами и с вашим мужчиной.

Трое норвежцев застыли.

— Астрид? — Магнус вскинул бровь.

Она махнула рукой на дверь:

— Ступайте, я скоро подойду.

Обходя колоннаду, Астрид посмотрела через перила. Ее светлые кудри развевались на ветру как знамя.

— Мой дядя стар и консервативен. Он помнит, как мы сражались с голубокровными, и боюсь, в глубине души не может согласиться на договор.

Уилл прислонился к перилам, сложив руки на груди. Его сердце колотилось. Лена слышала это наряду с биением собственного.

— Зачем ты нам эт говоришь? — спросил он.

— Вы лично заинтересованы в этом вопросе, — ответила Астрид. — Мне нравится ваша прямота. Вы не пытались нами манипулировать. Я доверяю вам. И мне сейчас нужны правдивые ответы.

Большая часть Эшелона собралась в Главном зале, готовясь поглазеть на историческое событие. Принц-консорт и королева еще не прибыли, но Совет герцогов уже явился. Уиллу надо было быстро принять решение, но Лена знала ответ еще до того, как любимый его

произнес:

— Вы их получите.

Слишком верный и честный для этой работы. Это одна из причин, почему в одиночку Уилл долго не проживет. Лена затаила дыхание. Астрид кивнула. Интересно, если бы он попытался обмануть грубых норвежцев, приняли бы они его?

— Можно ли доверять вашему принцу-консорту и Совету герцогов? — спросила Астрид.

Уилл посмотрел на Лену:

— Я в целом им не доверяю. Но мое мнение о них не совсем беспристрастно. Лена больше в этом понимает.

Она задумалась.

— Принц-консорт... Нет. Нет, я не думаю. Что касается Совета, то иногда они противостоят ему, но не часто. Несколько герцогов у него в кармане, но у каждого из них свои планы. Есть те, кому можно доверять. К примеру, Лео. Герцог Гете. Возможно, герцог Мэллорин. Мотивы герцогини Казавиан непонятны. Я не знаю, какую игру она ведет, если ее вообще это интересует.

— Шведский посол намеревается заключить договор. Я между молотом и наковальней. Если мы не согласимся, то окажемся между двумя сильными империями. Шведы давно хотят уничтожить наши последние кланы, а после их объединения с Британией у нас не будет никаких шансов. А если мы согласимся, то станем меньшинством. Нас примут чисто номинально и все. — Астрид нахмурилась. — Я должна найти союзника для моего народа. На Континенте никого нет. Габсбургская империя загнала вервульфенов в армии, а французы поддерживают новый культ Просвещения. Искать придется только здесь, в Лондоне.

И если не с Эшелонем, так с кем? Лена вдруг все поняла.

— Им нельзя доверять! — выпалила она.

Уилл и Астрид уставились на нее.

— Кому доверять? — переспросила Астрид.

— Гуманистам.

Норвежка застыла.

— Такие разговоры — предательство. Особенно когда я знаю, кому они враги.

— Я никогда не предаю вас Эшелону. — Лена сглотнула. — Вы можете мне доверять, потому что до недавнего времени я была одной из гуманистов. Я знаю, что они собирались договориться с вашими делегациями.

— К нам обратились, — неохотно призналась Астрид.

— У них свои планы. Мне приказали всеми силами не допустить заключения договора. Именно этого гуманисты хотят на самом деле. Они планируют войну, Астрид. У них есть огромные металлические монстры, которыми могут управлять люди. И когда они построят достаточно машин, чтобы угрожать даже Эшелону, то нападут.

— У них получится?

— Сомневаюсь. В самой группе уже существует раскол. Одна сторона хочет подождать и посмотреть, что сделает Эшелон. А другие уже попытались развязать войну. Они убивают друг друга внутри организации.

Астрид выдохнула:

— Значит, им нечего мне предложить. А помощь нужна сейчас. — Она стиснула

кулак. — Я надеялась... — И покачала головой.

На Лену снизошло вдохновение. Внезапно она точно поняла, что нужно сделать. Они все время ошибались. Пусть Магнус возглавляет норвежскую делегацию, но именно Астрид обладает властью.

— Вам нужен тот, кому можно доверять. — Лена ослепительно улыбнулась. — А нам — договор. Что, если я гарантирую, что ваш голос будет выслушан наравне со шведами?

Астрид с любопытством прищурилась:

— И как ты сотворишь это чудо?

— Ну, мне понадобится небольшая помощь.

— Надеюсь, эт сработает, — пробормотал Уилл.

— Поверь мне. Я же говорила, что знаю этот мир, — с улыбкой заверила Лена.

Принц-консорт и королева с помпой вошли в Главный зал. Возвышаясь над Блейдом и Онорией, Уилл отлично видел комнату.

Совет молча ждал, вместе с обеими делегациями из Скандинавии. Лео Бэррон чувствовал себя привольно, почти не замечая, во что ему вскоре придется ввязаться. Астрид нуждалась в надежном человеке, и Уилл знал отличную кандидатуру. Единственного голубокровного, кроме Блейда, кому бы доверил защищать свою спину.

Скрестив руки на груди, он натянуто улыбнулся. Когда Уилл предложил Лео в качестве потенциального посла для норвежцев, после минутного колебания Лена согласилась.

— Конечно, Лео, — сдержанно ответила она. — Тот, кому вы сможете доверять. Кто будет больше расположен к вам, чем к шведскому посланнику. И кого примет даже Магнус.

Обе женщины переглянулись.

— Тот, кому мы сможем доверять, — повторила Астрид, соглашаясь на предложение.

Когда пошли долгие речи, Уилл быстро отвлекся. Ему хотелось поскорей подписать договор и вернуться в Уайтчепел вместе с Леной.

— Слушай внимательно, — приказала она, дрожа от возросшего напряжения. — Они сейчас дойдут до мирного договора.

Шведский посол с коварной улыбкой выступил вперед и сказал то, что полагалось. За его спиной Магнус встал рядом с Лео и прошептал что-то ему на ухо. Даже Уилл не смог услышать его из-за громогласного голоса шведского графа.

Лео задумчиво моргнул. Через мгновение он кивнул и подошел сообщить что-то принцу-консорту.

Слишком много всего происходило. Когда швед наконец умолк, Уилл зааплодировал, а принц-консорт выступил, чтобы сделать объявление.

— Дамы и господа. Какой благоприятный день для наших империй. Как вы все знаете, мы пришли сюда подписать мирный договор с нашими друзьями из Скандинавии. Мы надеемся на долгий и плодотворный союз, и потому решили объявить о назначении нашего нового посла.

Раздались шепотки. Несколько герцогов красноречиво переглянулись. Только Лео был спокоен, и все это заметили. Герцогиня Казавиан прищурившись, посмотрела на него, а потом на принца-консорта и королеву.

— Тот, кто займет эту должность, будет иметь большое влияние и примет на себя немалую ответственность, — продолжал принц-консорт. — Мы рады объявить, что нашим новым посредником с вервильфенским союзом становится мистер Уильям Карвер.

Мир ушел у Уилла из-под ног. Все как один повернулись к нему, и послышались изумленные вскрики.

— Эт не по плану.

— Иди же! — прошептала Лена с отчаянным ликованием во взгляде. — Прости, Уилл, Лео был хорошим кандидатом, но есть еще лучше. Ты единственный этого не заметил.

— Я не могу стать послом, — прошипел он.

Аплодисменты понемногу стали замолкать, когда присутствующие повернулись

посмотреть, в чем причина задержки.

— Тогда не будет никакого мирного договора, — прошептала Лена уже без улыбки. — Прощу. Я знаю, что тебе это не нравится. Но подумай, какая у тебя будет власть! Достаточно, чтобы проследить за изменением законов. И предложить защиту любому вервувльфену, что в ней нуждается. И я буду с тобой. Я не дам тебе делать все в одиночку. Мне очень жаль, Уилл, но только так я могла тебя защитить.

Уилл глубоко вздохнул. Стены словно навалились на него, комната стала слишком маленькой. Всю жизнь он провел в клетке, а потом сидел запертый в пределах Уайтчепела. Это слишком.

— Ты сможешь, — уверенно прошептала Лена, крепко сжав его руку. — Вот твоя свобода.

Ее рука стала для него якорем в мире, который кружился вокруг в буйстве красок. Лена права. Бэрронс мог бы что-то изменить, но он не отдастся делу целиком, у него недостаточно стоит на кону, чтобы по-настоящему беспокоиться. Вервувльфенам нужен тот, кто будет на их стороне. А принцу-консорту — посол для умиротворения восточных соседей.

Однако у Уилла существовали и другие обязанности, долг чести. Блейд посмотрел на друга понимающими зелеными глазами.

— Иди, — прошептал он.

— А как же...

Блейд покачал головой:

— Для защиты мне довольно Рипа. И ты получишь невиданную власть. Используй ее, — жестко приказал он. — Времена меняются. Я — рыцарь, а ты — посол? — Он рассмеялся. — Придется приспособиться.

— Ладно. — Уилл посмотрел на Лену. — Однако я ужасно старомоден и настаиваю на браке. Один я этим заниматься не буду.

В ее глазах зажегся теплый медный свет.

— Уилл, ты прямо как из среднего класса. Брак? Неужели? Не просто сожителство в качестве дамы консорта? — С радостным смехом Лена толкнула его в самую гущу толпы. — Я согласна. А теперь иди.

Сердце Лены преисполнилось гордости, когда она увидела, как Уилл пожал руку принцу-консорту и принял назначение. Шепотки в зале становились все громче и громче. Колчестер будто готов был в любую минут взорваться от ярости, сердито сверля взглядом новоиспеченного посла.

Внезапно ублюдок улыбнулся.

От дурного предчувствия у Лены по спине побежали мурашки. Только не Уилл. Пусть нападает на нее, если хочет, но только не на Уилла.

Встав на цыпочки, Лена вдруг поняла, что находится слишком далеко, чтобы помочь, если мерзавец что-то сделает. Зная, что ее страх нелогичен — Колчестер в жизни не решится устроить что-то здесь, — она протолкалась мимо Блейда, используя новообретенную силу, чтобы проложить себе путь в толпе.

Магнус с натянутой улыбкой пожал руку Уилла. Может, они и союзники, но фенрир готов был драться за то, что лучше для его народа. Шведский граф проницательно посмотрел

на посла и взял его за руку. Уилл явно чувствовал себя не в своей тарелке, но вида не показывал. Он говорил то, что надо, и даже выдавил улыбку.

Принц-консорт приказал подать бумаги. Парочка слуг в ливреях поспешила принести письменный столик с золотой чернильницей. Лучась удовлетворением от осуществления своих планов, правитель подал кому-то знак и возвестил:

— А теперь небольшой подарок в знак нашей благодарности!

Парочка юнцов в черной с золотом одежде притащили тяжелую платформу. Стоящая на ней фигура больше двух метров высотой была задрапирована в белую шелковую простыню. Толпа захлопала, когда шведский посол любезно принял дар.

— Что это такое? — спросил граф.

Один из парней потянул за край простыни и элегантно стащил ее. На вращающейся платформе стоял тяжелый человек из железных пластин, его руки и грудь были резко очерчены, а лицо казалось необработанным. Лена не стала запиливать грубые края. Фигуре они подходили. В итоге вышло тяжелое заводное подобие Уилла.

Толпа громко захлопала, а Лена застыла.

«Что здесь делает эта штука?»

Она отдала ее мистеру Мандевиллю и порадовалась избавлению.

Парни отступили, и тут она заметила лицо одного из них.

Он помог Мендичи похитить ее.

Гуманисты.

Мир замедлился, звуки воспринимались как сквозь подушку. Шведский граф жестом пригласил леди Астрид, и та подошла, чтобы завести игрушку.

— Какая красивая, — восхитилась норвежка.

Что-то не так. Лена лихорадочно разглядывала собственную поделку. И вдруг увидела непонятный паз на боку. С игрушкой что-то сделали.

Астрид с трудом повернула завод раз, потом другой. Что-то застряло в ходовой пружине или одном из замков. Когда норвежка отпустила ручку, железный человек задрожал, и его шестеренки начали стучать, как часы.

Тик.

Тик.

Тик.

— Уилл! — позвала Лена, перекрикивая шум.

В панике она указала ему на Астрид, но даже не успела ничего сказать, как Уилл бросился туда, сшиб норвежку с ног и прикрыл ее своим крепким телом. Люди убрались с дороги, сбитые с толку поведением новоиспеченного посла, но понимая по его лицу, что стоит чего-то бояться.

Слишком много народа. Давка. Большая часть Эшелона, включая весь Совет и принца-консорта. Идеальное место для уничтожения голубокровных.

— Сейчас будет взрыв!

Ее крик подхватили, и он эхом прокатился по залу. Послышались вопли, и Лену отпихнули в сторону. Заводная машина сильно дрожала, не в силах завершить трансформацию. Пар с шипением вырывался из-под вибрирующих пластин.

Уилл сунул Астрид Эрику, а потом повернулся, высматривая Лену. Она зашаталась, поймала взгляд любимого и отчаянно покачала головой. Они находились в противоположных углах зала. Безопаснее пройти в ближайшую дверь.

Лена указала направление, а потом в панике попыталась объяснить жестами:

— Возвращайся!

В нее кто-то врезался. Лена потеряла равновесие, попала в водоворот толпы и в последний раз увидела Уилла, который с мрачным упорством пробирался к ней.

Почему он не возвращается?

Ее вынесло через дверь, будто обломок корабля. А потом кто-то подхватил Лену, обняв сильными руками.

— Благодарю, — выдохнула она, пытаясь в проем увидеть Уилла.

— О, вряд ли твоя благодарность надолго, моя дорогая, — произнес знакомый мелодичный голос.

У Лены кровь застыла в жилах, когда что-то острое впилося ей в спину.

— Колчестер.

Уилл в отчаянии толкнул очередную железную дверь, через которую вдруг хлынул поток людей. Где-то сзади монотонное тиканье трансформационного механизма неотвратимо приближало смерть, плотный пар валил из металлической фигуры как из чайника.

«Да где же она?»

Оттолкнув с дороги какого-то мужчину, вервильфен с трудом пробирався сквозь толпу. Лена только что была здесь, с Колчестером. Он схватил ее за талию. Выражение глаз любимой, когда она осознала, кто стоит за ее спиной, будет месяцами преследовать Уилла в ночных кошмарах.

Красная пелена грозила поглотить его целиком. В коридоре не было и следа Лены. Колчестер выбрал просто идеальный момент. Толпа мешала различить ее запах, и ублюдок воспользовался этим, чтобы спрятаться.

Но он точно здесь. Поблизости.

«Где?!»

Мир вокруг вдруг взорвался, сбивая с ног. Уилла с силой отбросило на стену. Боль прожгла бок. В холле слышались крики и звуки осыпавшейся штукатурки. В Главном зале языки пламени перекинулись на мебель, из открытых дверей волнами вырывался дым, превращая коридор в полнейший кошмар.

Уилл ничего не видел. Не мог учуять ничего, кроме дыма.

— Лена, — отчаянно прошептал он, вскакивая на ноги. Она должна быть где-то здесь.

Именно тогда он это услышал. Едва различимые крики любимой женщины.

Сжимая в кулаке нож, Колчестер втолкнул Лену в вестибюль. Ублюдок порезал ей щеку: крупные капли крови из раны падали на светлый ковер. Она налетела на стул, запутавшись в юбках платья, и хрупкий предмет мебели разлетелся на части.

Лена с трудом встала на четвереньки и заметила рядом тяжелую ножку. Схватив ее как дубинку, выпрямилась и повернулась к врагу.

Колчестер со зловещим щелчком закрыл двустворчатые двери и, прислонившись к ним спиной, лениво ухмыльнулся.

— И вот мы наконец наедине.

— Ненадолго, — парировала Лена. — Уилл уже неподалеку.

— Сомневаюсь. — Он поднял взгляд к потолку. — Взрыв, должно быть, разнес в щепки Главный зал и коридор. «*Ни огнем, ни железом*», — процитировал Колчестер знаменитое высказывание про вервильфенов. — Но даже этот твой волк не смог бы выжить после такого. Боюсь, теперь ты сама по себе.

Сама по себе. Лену охватила дрожь.

— Ты знал. Знал, что это произойдет.

Он перевел на нее взгляд:

— Ты ничего не докажешь.

— Ты улыбнулся. За мгновение до того, как Астрид начала заводить механизм. И весьма

предусмотрительно встал возле ближайшего выхода.

Попятившись, Лена обогнула небольшой письменный столик. Внутренности сковал ужас. Она подозревала, что письма Мандевиллю передавал кто-то из высших чинов Эшелона, но ожидала кого угодно, только не Колчестера.

— Приятная случайность. — Он схватил стол за край и отшвырнул в сторону. — Негде спрятаться, дорогуша.

Лезвие маленького ножа угрожающе разрезало воздух. Взмах за взмахом.

Лена облизнула пересохшие губы. Куда подевалась ее смелость? Уверенность? Где тот всплеск неуязвимости, ощутимый раньше во дворе? Она метнулась за диван, в полосу пробивавшегося в комнату солнечного света.

Колчестер крался за ней, настоящий охотник. Если позволить, он прикончит ее прямо здесь, и никто никогда не узнает, кто это сделал.

Ублюдок запрыгнул на диван, перемахнул через спинку. Луч света превратил развевающиеся полы пальто в языки пламени. Лена, не раздумывая, ударила врага в лицо ножкой стула.

На кремовые стены брызнула темная кровь. Лена вскарабкалась на диван — адреналин, разлившийся по венам, придавал сил. Колчестер кричал от боли, хватаясь за лицо и кое-как пытаясь выпрямиться. Вся его скула превратилась в месиво, кость блестела через разорванную плоть.

Эта картина доставляла какое-то извращенное удовлетворение. Тело дрожало, в венах стыла кровь.

— Давай! Я тебя больше не боюсь.

Она вздернула подбородок повыше, и Колчестер вдруг замер.

— Ах ты, маленькая дрянь, — прошептал он. — Грязное животное. Ты позволила ему инфицировать себя?

До сих пор он не видел ее глаз. Лена поудобнее сжала свое единственное оружие.

— Это самый ценный подарок, который мне когда-либо преподносил мужчина.

Ее слова привели голубокровного в прежде не виданную ярость. Не обращая внимания на свое изувеченное лицо, он подхватил и перевернул диван, за ним последовал маленький журнальный столик. Когда дошла очередь до книжного шкафа, обломки полетели во все стороны.

Рычащий Колчестер развернулся к ней, со смертельной решимостью сжимая в руке нож.

— Я бы дал тебе все!

— Ты угрожал забрать все, что у меня было! Я тебя ненавидела. Боялась. Но это в прошлом. — Вены обжигало льдом. Сердце грозило выпрыгнуть из груди, но Лена шагнула вперед. — Это ты — монстр, Колчестер. И не стоишь и мизинца Уилла. По сравнению с ним, ты никто. Ничтожество.

Он закричал от ярости и бросился на нее. Прежде Лена бы не уследила за ним, но сейчас на уровне подсознания заметила смещение центра тяжести тела, предшествующее движению. Как только голубокровный прыгнул, она резко выбросила вперед руку с ножкой стула и вогнала импровизированный кол прямо ему под ребра.

В ответ противник ножом царапнул ее плечо. Вспыхнула боль, но быстро отступила. Колчестер согнулся, затем подался вперед и врезался в Лену всем телом, запутавшись в ее юбках.

Они тяжело повалились на пол. Из легких вышибло весь воздух. Обдавая лицо Лень

холодным дыханием и глядя на нее совершенно безумными глазами, Колчестер сжимал руки на ее тонкой шее.

Не бояться. Никакого страха, даже когда темнота, грозящая поглотить сознание, подбирается вплотную.

Краем глаза заметив упавший нож, она потянулась за ним и нащупала рукоять, как раз когда Колчестер усилил хватку.

Мир вокруг расплывался. Конечности онемели, и единственное, что Лена ощущала, это нож. Сомкнув на нем пальцы, она вонзила оружие точно Колчестеру в грудь. Он завопил, непроизвольно отдернув ладони.

Возвышаясь над Леной и выкашливая голубоватую кровь, он встретил ее взгляд:
— Заберу тебя... с собой. — И резко выдернул оружие из груди.

Она закричала, глядя на неумолимо приближающееся лезвие.

Однако кинжал так и не достиг цели. Вместо этого комнату огласил громогласный звук выстрела. Лену забрызгало свежей кровью.

Колчестер взревел от боли, лишившись левой руки до локтя. Глаза наполнила чернота, верный признак того, что демон взял верх над человеческой сущностью. Теперь ублюдок ничего не чувствовал, едва замечая кровоточащий обрубок руки. Должно быть, Лена промахнулась, не задев его сердце.

Она ошарашено посмотрела на своего спасителя.

Розалинда ответила мрачным взглядом, из дула пистолета завитками валил дым. Гуманистка с головы до ног была затянута в черную кожу — мужская одежда ей даже как-то удивительно шла — и длинное черное пальто. Яркие волосы скрывала маленькая аккуратная шапочка, а нижнюю часть лица — маска.

Колчестер поднял с пола нож — выдернул из покореженных пальцев своей отстреленной руки — и резко метнул.

— Берегись! — крикнула Лена.

Розалинда покачнулась, схватившись за лезвие в боку.

— Этого не должно было случиться, — прошептала она, выронив из ослабевших пальцев пистолет. — Мы только сегодня утром узнали о диверсии. Трансформационный механизм исчез... вместе с моим братом Джереми.

— Ты гуманист, — прорычал Колчестер и, пошатываясь, двинулся к ней.

Лена вскочила, как раз когда у Розалинды подогнулись колени, и кинулась вперед, сбивая Колчестера с ног.

— Нет!

Оба снова оказались на полу.

Здоровой рукой голубокровный схватил ее за волосы и резко дернул назад. Мельком заметив черную бездну в его глазах и блестящие белые зубы, приближавшиеся к ее горлу, Лена в отчаянном порыве вцепилась врагу в лицо.

— НЕТ! — Рев сотряс воздух.

Тупые зубы впились ей в горло так сильно, что прокусили кожу. Лена закричала.

И тут же чьи-то руки грубо сдернули с нее Колчестера. Разъяренный Уилл, развернувшись, швырнул герцога в стену.

Однако тот приземлился на ноги и двинулся на него. Даже пошатываясь из-за потери крови, Колчестер по-прежнему оставался опасным противником. Когда он нагнулся к сапогу, Лена заметила блеск серебра.

— Уилл! У него нож!

Уилл заблокировал удар, заломил руку герцога, впечатал того в стену и приблизил лезвие к его лицу.

— Давай поглядим, понравится ли тебе вкус металла, — прорычал Уилл и вогнал кинжал в горло Колчестера.

Отвернувшись, Лена слышала его булькающий стон. Воздух наполнили яркий аромат горячей, свежей крови и скрежет лезвия, вонзившегося в трахею.

Тело герцога с грохотом повалилось на пол, голова была почти полностью отделена от туловища. Тяжело дыша, Лена огляделась. Уилл крепко сжимал нож в окровавленном кулаке. Затем медленно обернулся и бросил взгляд на сгорбившуюся фигуру Розалинды.

Лена метнулась вперед, встав между ними и широко раскинув руки в стороны:

— Уилл. Нет.

Его глаза вспыхнули янтарем. Он оскалился.

— Она спасла мне жизнь, — продолжила Лена. — Это она подстрелила его.

— Бомба ее рук дело! — Уилл угрожающе шагнул вперед.

— Я пришла, чтобы предотвратить теракт, — поправила Розалинда. Глубоко вдохнув, она выдернула кинжал из раны и поморщилась от боли. На жилетке проступила кровь. — Я опоздала. Мы никогда не хотели того, что произошло. Как только рассеется дым, Эшелон прочешет весь город в поисках ответственных. Нельзя позволить им провести такую тщательную проверку. Пока нельзя. Мы недостаточно сильны.

— Ты нашла брата? — Лена помогла ей подняться на ноги.

— Его тела нет наверху. Должно быть, сбежал. — Тон Розалинды был ровным. — Я знала, что он боготворил Мендичи. И я позволяла это. Надо было догадаться, что мехи задурили ему голову своими красивыми легендами. Они поручили ему доставить игрушку. Ублюдки отправили его на верную смерть.

Мир вокруг возвращался к жизни. Крики и вопли. Чьи-то шаги в коридоре.

— Надо убираться отсюда. — Лена поддержала Розалинду под локоть и взглянула на Уилла. — Если нас застанут рядом с телом, то убьют. Он герцог. Никто не должен узнать, что здесь произошло.

Волна дрожи сотрясла тело Уилла. Веки стали медленно опускаться. Его ленивый, опасный взгляд на Розалинду заставил сердце Лены пропустить удар.

— Если бы не ты, он бы до нее не добрался.

Розалинда быстро наклонилась и подняла что-то с пола. Затем, обхватив Лену за талию, дернула ее на себя и прижала той пистолет к подбородку. Дуло впилося в нежную кожу, заставив пленницу замереть.

— Не двигайся. — Предупреждение для Уилла. — У нее те же пули, что ты делал для меня.

— Разрывные. Оторвет ей руку или еще что похуже, — огрызнулась Розалинда.

— Отпусти меня.

— И дать ему отгрызть мне голову? — прорычала она. — Вот уж черта с два.

— Он тебя не тронет. — Лена встретила и удержала взгляд Уилла. — Даю слово.

— Я отпущу твою зазнобу. Но только дернись в мою сторону, я ее пристрелю. Клянусь.

После толчка в спину Лена влетела в объятия любимого. И даже вздохнуть не успела, а он уже спрятал ее, защищая своим огромным телом, как щитом.

— Уилл! — Лена дернула его за пальто и тут же крепко обвила руками за талию. — Я

пообещала, что ты не причинишь ей вреда.

— Зато я не обещал, — прошептал он в ответ и кивнул гуманистке: — Ты уже дважды угрожала ее жизни...

— И один раз ее спасла. — Розалинда облизнула губы, направив пистолет аккуратно вервильфену в грудь. — Это считается, верно?

— Едва ли. Ты больше хотела убить Колчестера, чем спасти Лену.

— Я практичная женщина. Два блага по цене одного.

— Еще хоть раз тронешь ее даже пальцем, клянусь, я оторву тебе голову.

Пистолет чуть опустился. Розалинда прижала ладонь к ране на боку, слегка сгорбившись.

— Обещаю. Она меня больше никогда не увидит. Мне, очевидно, есть, чем заняться.

— Как ты собираешься выбраться отсюда, чтобы тебя не заметила охрана? — спросила Лена

— Тем же путем, каким пришла. — Розалинда направилась к книжному шкафу, который Колчестер наполовину оторвал от стены. Она отодвинула его, явив взгляду потайную лестницу. — Все здание сплошь испещрено туннелями. Мы украли проектные чертежи несколько месяцев назад. Давайте. Я выведу вас отсюда так, что никто не увидит. Внизу разделимся и пойдем разными дорогами. И будем квиты, да?

Шагнув вперед, Лена ласково погладила вервильфена по спине:

— Уилл?

Необходимо было выбраться отсюда, пока их кто-нибудь не заметил.

Он кивнул Розалинде:

— Ты первая. Так, чтобы я тебя видел.

Открыв дверцу экипажа, Уилл усадил Лену внутрь. Ее сильно трясло, в глазах же поселилась пустота. Когда он спросил, что случилось, она попыталась улыбнуться и пожалала плечами, но вытянуть из упрямцы всю правду Уилл не успел — пришли Блейд и Онория.

Онор из толчеи вытащил муж на пару с Бэрронсом, а затем последний вернулся помочь другим. От башни шел дым, охрана в панике пыталась навести порядок.

Пора было убираться, пока не начали искать виноватых.

Блейд усадил Онорию в их экипаж. Там еле хватало места на четверых, а Уиллу сейчас хотелось побыть наедине с Леной. Такой возможности с самого взрыва не выпадало, и желание схватить ее в объятия и убедиться, что с ней все в порядке, сводило с ума.

Поспешно дав указания кучеру, Уилл забрался в другой экипаж, закрыл дверь и задернул занавески. Коляска поехала в сторону города.

Лена моргнула, наконец вырвавшись из раздумий.

— Ты же понимаешь, что это экипаж Лео?

— Прогулка пойдет ему на пользу, — ответил Уилл, отодвигая ее юбки и усаживаясь рядом, и немного поколебавшись, спросил: — Как ты?

Лена улыбнулась, но он схватил ее за руку.

— Нет, не улыбайся так. Ты расстроена. — Затем погладил ее грязные перчатки и напомнил: — Я чувствую твой запах.

Она опустила взгляд, ее плечи поникли.

— Наконец его нет.

— Кого?

— Колчестера. — В ее глазах засияли слезы. — Уилл, я так устала. Я много месяцев жила с оглядкой, зная, что если обернусь, то увижу его, что даже в присутствии других я в опасности. Когда этот мерзавец посмотрел на тебя сегодня и улыбнулся, я решила, что он что-то с тобой сделает. Но дело оказалось во взрыве. Он о нем знал. Не знаю откуда. Сперва подумала, что Колчестер — мой связной из башни, но теперь сомневаюсь. Когда он понял, что Розалинда — гуманистка, то разозлился. — Лена высвободила руку и вытерла глаза. — Я рада, что он умер, но все еще дрожу. Не могу поверить, что мы оба в безопасности, что тебе ничего не грозит. — Она стиснула рубашку Уилла. — Я едва тебя не потеряла...

Устроив Лену у себя на коленях, он прижал ее лицом к своему плечу. Трудно было выносить слезы любимой.

— Он больше никогда ты не обидит.

— Знаю, — прошептала она и, ощутив вдруг безумное желание, погладила Уилла по плечам. — Прикоснись ко мне. Напомни, что ты здесь и ты мой.

— Всегда, *mo chridhe*, — прошептал он, прильнув к ней в полумраке.

Лена целовала его так, будто никогда больше не отпустит, жадно и неутолимо лаская губами и руками. Уилл задрал ее юбки, усадил любимую на колени, стал тереться об нее членом, стимулировать пальцами. Это опьяняло. Жизнь. Каждый жаркий, потный и полный ее стонов миг.

Уилл прикусил шею Лены и потянул завязки на ее панталонах. Она вскрикнула и принялась сильнее тереться о его руку.

— Скорее.

Он попытался стащить белье, но так как Лена сидела на нем верхом, ткань застряла на бедрах. Разочарованно рыча, Уилл разорвал штаны и обхватил пальцами мягкие ягодицы.

— Боже, мне надо... попробовать ты... на вкус, — простонал он.

Опрокинув Лену на сиденье, Уилл встал на колени, подтащил ее за бедра к краю и забросил ноги любимой себе на плечи. Приподняв юбки, сжал ее попку и глубоко вошел языком в лоно.

Крик Лены показался музыкой. Уиллу хотелось утешить ее и снова овладеть. Лаская, кусая, посасывая, он прислушивался к прерывистым стонам, чувствовал, как тело напрягается. Ему хотелось изучить ее всю, узнать, как доставить наибольшее наслаждение.

Лена оцарапала его плечи и простонала:

— Прекрати, я хочу...

Он чуть прикусил влажную жемчужину клитора.

— Чего?

Лена содрогнулась, сжав коленями голову Уилла. Задыхаясь от желания, она посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Хочу ощутить тебя внутри.

— Через минуту.

— Сейчас!

Он покорился ее решимости, расстегнул брюки и обхватил ладонью член. Затем приподнялся и, подтащив Лену ближе к краю сиденья, наполнил ее одним толчком.

Такая узкая. Такая влажная. Такая горячая.

Она вскрикнула. Вцепившись в шею, притянула его к себе и подарила страстный голодный поцелуй, чувствуя на губах мускус своего тела. Уилл двигал бедрами, дрожа от желания. Боже, какая же Лена сладкая. Он хотел завладеть ею целиком.

Тесное пространство наполнили тихие стоны. Лена двигалась под ним, сводя с ума от желания. Уилл крепко обнимал ее, погружаясь до предела.

Она трепетала, сжимала внутренними мышцами его плоть, и похоже получала удовольствие. Он чувствовал ее возрастающее напряжение. И вот она распахнула глаза, прервав поцелуй, и дернулась, ловя ртом воздух.

Сердце Уилла защемило. Его женщина. Его. Никто ее теперь не отнимет, и сам он не причинит ей вреда. Она его навечно. В душе расцвела надежда. Уилл стиснул зубы и содрогнулся, отдаваясь накачивающим ощущениям.

Она без сил откинулась назад и потянула Уилла за собой. Он поцеловал любимую в губы и вышел из ее тела. Лена попыталась запротестовать, но он уже застегнул брюки и устроил ее у себя на коленях.

Вскоре дыхание замедлилось, сердце застучало размеренней. Уилл зарылся лицом в теплые пряди цвета красного дерева и вдохнул их аромат.

Лена прижалась к его шее, устроившись калачиком на коленях. Она скользнула по его груди и, застыв на сердце, слушала стук.

— Что теперь?

— Теперь?

— С договором? — робко уточнила она.

Уилл едва соображал, глаза слипались. А Лена, казалось, ни на что не обращает внимание с тех пор, как они с трудом выбрались из подвала.

— Блейд сказал, что назначат новую дату. Если бы взрыв не задел половину голубокровных, то исход был бы другим. Вервульфены могли бы обвинить Эшелон и наоборот. Бэрронс хочет докопаться до истины.

— Ему это придется по вкусу. Он любит загадки, — прошептала Лена.

— Ты ему расскажешь?

— О чем?

— О Розалинде.

Она задумалась.

— Нет, не стану.

— Ты ей ничего не должна, — рыкнул Уилл. — Попомни мои слова, от нее еще будут неприятности.

— Я понимаю ее чувства. Она беспомощна, сражается за заведомо проигрышное дело. Я ее не предаю, Уилл, если только она не нападет на моих близких.

Он погладил ее по спине, заключенной в шелковый корсет. Эта преданность была одной из лучших черт Лены.

— Один неверный шаг с ее стороны, и я пойду к Лео.

— Спасибо. — Она подняла залитое слезами лицо. В ее глазах пылали невысказанные чувства. — Уилл... ты злишься?

— Злюсь? На что?

— На то, что мы с Астрид тебя провели. Что потребовали дать тебе пост посла в обмен на согласие норвежцев.

Уилл задумался.

— Такого я сам бы не пожелал. — Увидев, как Лена напряглась, он поспешно продолжил: — Но сделать эт могу тока я. Лена, мысль о переменах меня пугает. Ненавижу Эшелон. Помогая Блейду, я радовался, что могу не покидать безопасный мирок. — Он глубоко вздохнул. — Ты была права, я позволил им на себя влиять. Уайтчепел — еще одна маленькая клетка, куда меня заключили. Не могу сказать, что мне эт нравится, но так надо. — Уилл крепче обнял Лену. — Мне нужна ты.

— Ты не злишься? — Она провела пальцами по его губам.

Он покачал головой:

— Жизнь в любом случае изменится.

— Да?

— Я ведь не жду, что ты заживешь со мной в той маленькой лачуге.

Лена криво усмехнулась:

— Там я провела самые счастливые минуты своей жизни.

В груди еще сильнее сдавило.

— Я тож, — грубовато признался Уилл, обхватил ее лицо и прижался лбом ко лбу. — Ты для меня все.

Играя с его воротником, Лена дерзко ухмыльнулась:

— Пытаешься мне что-то сказать?

— Что сказать?

— Как ты меня обожаешь.

Уилл поцеловал ее в щеку.

— Возможно.

— Как... заботишься обо мне.

Она снова бросила на него кокетливый взгляд и погладила по щетине.

Потом оба посерьезнели. Она открыла рот, но Уилл запечатал его поцелуем, таким образом ответив на невысказанные вопросы.

Когда он наконец отстранился, Лена задыхалась.

— Как ты меня любишь? — с вызовом прошептала она.

Уилл не знал, зачем ей слова, ведь он, черт побери, показал, что чувствует. Непонятно, откуда такие сомнения, ведь Лена всегда была самоуверенна.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя. — Она задрожала, но Уилл прижал палец к ее губам. — Я умру за тебя, убью за тебя. Я справился с механическим кальмаром, буйными гуманистами и выучился этикету. Даже станцевал на балу.

Ее улыбка согрела ему душу. Лена светилась изнутри. Неважно, что потребуется, лишь бы она и дальше вот так улыбалась.

— Я люблю тебя, — серьезно признался Уилл. — И всегда буду любить. Ты — единственная, на кого я обратил внимание. Кого я хотел. Я знаю, что не лучшая партия...

На этот раз она приложила палец к его губам.

— Не смей. — В красивых янтарных глазах зажегся огонь. — Я — самая везучая девушка в Лондоне и во всем мире.

— Ага, наверно. — Он обхватил ее за талию. — Пытаешься в чем-то признаться?

Лена рассмеялась:

— Смотри-ка, напрашиваешься на комплименты.

— Ничего подобного, — проворчал Уилл.

Она поцеловала его, обхватив лицо руками:

— Я тоже тебя люблю. О, Уилл, думаю, я уже давно в тебя влюбилась.

— Ага, тока я не сразу заметил.

— Как же так? Я ради тебя отказалась от Эшелона, разобралась с похотливыми герцогами, заводными бомбами и вервильфенскими кланами. Лишилась трех пар перчаток.

— Трех? — Он улыбнулся. — Надо будет купить замену.

— Да, надо, ведь я больше не буду ходить с обнаженными запястьями.

Охваченный чувством ревности, Уилл сжал ее крепче.

— Ни за что. Только я имею право видеть твои руки. Помимо всего прочего.

Отодвинувшись, Лена поиграла ленточками на лифе.

— Кстати... мы еле катимся. Не хочешь меня развлечь?..

— Развлечь? — протянул Уилл, чувствуя, как в паху стало жарко. — Терь эт так называется?

— Так. — Она принялась расстегивать платье. — Кажется, в моем образовании есть пробелы. Я научу тебя, как вести себя в этом мире, а ты... как доставить тебе удовольствие.

Ее грудь чуть приподнялась над корсетом, и у Уилла пересохло во рту.

— Поверь, милая, — сказал он, садясь ближе, чтобы помочь Лене раздеться. — Ты знаешь, как доставить мне удовольствие.

— Что здесь произошло, черт возьми?

Через двойные двери размашистым шагом с лицом, искаженным гримасой холодной ярости, ворвался принц-консорт. Несколько «ледяных» гвардейцев прочесывали комнату, обеспечивая его безопасность и, по мнению сэра Джаспера Линча, уничтожая половину улики.

Линч и Бэрронс обменялись красноречивыми взглядами.

— Не двигайся, — предупредил Ночной ястреб одного из гвардейцев. Тот замер, и Линч указал на чей-то кровавый след, на который незадачливый помощник как раз собирался наступить. — Уничтожишь это, и я не смогу отследить хозяина отпечатка. — Он выпрямился, встретив тяжелый взгляд принца-консорта. — Ваша светлость, похоже, герцог Ланнистер был убит.

Принц внимательно посмотрел на тело. Затем развернулся на пятках и разразился гневной тирадой:

— Чертовы бомбы! Скандинавы с ума сходят, требуя ответов, и теперь еще и это! Как?

— Кинжал в грудь, выстрел, который оторвал ему половину руки, и почти полное обезглавливание, — перечислил Линч. — И, думаю, последнее его и убило, хотя выстрел тоже меня беспокоит. Это одна из тех разрывных пуль, что мы обнаружили у некоторых представителей населения.

— Гуманисты, — выплюнул принц-консорт.

— Возможно.

Линч никогда не спешил с выводами, пока не проверит все улики. К тому же, в комнате побывал не один человек. Он заметил пряди волос, брызги крови, даже шлейф нескольких запахов. Четверых существ, если он не ошибался.

В личности того, кто нанес решающий удар, Линч не сомневался. И все гадал, почему же другие не учуяли тяжелый мускусный запах одного небезызвестного вервульфена. Может, из-за литров парфюма, что они на себя выливают?

«Или же, — подумал Джаспер, встретив холодный взгляд Бэрронса, — некоторые из присутствующих абсолютно точно знают, кто побывал в этой комнате».

— Мы пока не можем с уверенностью сказать, связано ли убийство с бомбами, или же кто-то просто воспользовался удачной возможностью, — произнес Бэрронс. Затем, выдержав многозначительную паузу, добавил: — Ваша светлость, Линч уведомил меня, что один из его информаторов-гуманистов сообщил о возможно готовившемся теракте еще на прошлой неделе. И поскольку Колчестер непосредственно нес ответственность за поиск гуманистов, Линч доложил напрямую ему.

Принц-консорт с побелевшим от ярости лицом обернулся к нему:

— Вы намекаете, что Колчестер обо всем знал?

— Да, — мягко ответил Бэрронс. — Он знал столько же, сколько и сам Линч.

Ожидая взрыва, глава Ночных ястребов напрягся.

— Если бы я посчитал, что он ничего никому не скажет, то попросил бы аудиенции у Совета. Это моя оплошность, ваша светлость. Но и полученная мной информация говорила лишь о возможности покушения.

— Почему он так поступил? — тихо спросил принц-консорт.

Такой тон заставил Линча подобраться. В подобном настроении принц был наиболее опасен.

Бэрронс помедлил с ответом.

— Он никогда особо не скрывал своего отношения к мирному договору и скандинавской делегации. И если посмотреть, кто стоял ближе всего к бомбе — Совет, Вы и даже королева... В итоге Колчестер остался бы наиболее могущественным человеком в Империи.

Возникла гробовая тишина. Глаза принца-консорта заблестели.

— Я уничтожу дом Ланнистеров!

— Подобный поступок пошатнет Совет, — попытался возразить Бэрронс.

Принц проигнорировал его, окинув комнату суровым взглядом.

— Кто та девушка, которая выкрикнула предупреждение? Я хочу, чтоб ее нашли...

— Она моя подопечная, — быстро ответил Бэрронс. — Мисс Лена Тодд создает разные механические игрушки и украшения и продает их часовщику в Клеркенвэлле. Она заметила, что с автоматом что-то не так, и попыталась нас предупредить.

Линч хранил молчание, дожидаясь пока молодой лорд закончит, но чувствовал скрытый подтекст. Бэрронс кого-то покрывал. Очевидным вариантом была бы его подопечная, но Линч всегда знал, что идти по очевидному пути — значит не заметить истину.

Его внимание привлек лоскут черной ткани. Запаханный кровью. Зацепился за шпильку на обивке стула.

— Ты. — Принц-консорт ткнул пальцем в сторону Бэрронса. — Ты теперь ответственный за поимку тех, кто пытался уничтожить половину моего двора. И узнай, каким, черт возьми, образом они попали в самое сердце Башни. А ты...

Линч выпрямился.

— Найди гуманистов. — Принц развернулся к двери. — И принеси мне их головы.

Бэрронс с шумом выдохнул, как только за его светлостью и свитой закрылись двери.

— Что ж, думаю, все прошло хорошо. Его не особо волнует, кто убил Колчестера.

Линч опустился на корточки. Коснулся найденного лоскутка. На пальцах осталась кровь, и перед глазами поплыло от этой картины.

— Скорее всего, они оказали принцу услугу.

Ночной ястреб облизнул палец. Вкус взорвался на языке — исступленный восторг давно мучающей жажды. Во рту вдруг пересохло, и пришлось приложить усилие, чтобы заставить тело успокоиться. Слабые отголоски запаха позволяли сделать вывод, что однажды эта ткань красовалась на женщине.

— Что ты там нашел?

Линч потер вязкую кровь между кончиками пальцев. В нос ударил сохранившийся шлейф пороха.

— Загадку. — Он поднял взгляд на Бэрронса. — Здесь находилось четверо. Колчестер, два вервильфена и еще один. Человек.

— И в чем же загадка?

— Этот человек... гуманист, — произнес Линч. — Тот, кто выстрелил в Колчестера.

И он ее непременно найдет.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Au contraire (фр.) — напротив.